

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5

1 9 7 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

5

1970

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Д. Королюк.</i> Особенности становления феодализма и формирования славянских раннефеодальных государств и народностей в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе	3
<i>И. С. Достян.</i> Из истории русско-сербских связей в начале XIX в.	10
<i>М. М. Фрейденберг.</i> Далматинское крестьянство XIII—XIV вв. (По данным из Далматинской Хорватии)	24
<i>Г. Л. Маньковская.</i> О национальной локализации в художественном переводе	36
<i>В. А. Дыбо.</i> Фрагмент праславянской акцентной системы. (Ударение прилагательных с суффиксом -ък-)	46

С л а в я н о в е д е н и е в в ы с ш е й ш к о л е

<i>И. А. Воронков.</i> Изучение истории зарубежных славян в Московском университете	58
---	----

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Е. Львова.</i> Творчество Васила Захариева и традиции национального Возрождения	66
<i>Л. С. Кишкин.</i> О судьбе бродзянских материалов	71

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>М. Черныш.</i> Ruch Komunistyczny w Polsce. 1918—1968	73
<i>П. А. Лещенко.</i> Книга о дружбе двух братских народов	74
<i>С. Стецкевич.</i> П. Н. Ольшанский. Рижский мир	75
<i>И. И. Поп.</i> Новое славистическое издание на Украине	77

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Надежда Иванович</i> (СФРЮ). Borivoj Pajović — Milorad Radević. Bibliografija o ratu i revoluciji u Jugoslaviji	79
<i>В. И. Фрейдзон</i> . J. Sidak, M. Gross, J. Karaman, D. Šepić. Povijest hrvatskog naroda g. 1860—1914	80
<i>И. Шульга</i> . О. Ставровський. Словацько-польсько-українське прикордоння до XVIII століття	83
<i>Я. Д. Исавич</i> . Монографія по славянскому инкунабуловедению	85
<i>Д. Прокофьева</i> . «Ruch Literacki», 1968—1969	89
<i>В. Хорев</i> . J. Urbaińska. Radziecka powieść rosyjska w Polsce w latach 1933—1939	90
<i>А. Волков</i> . Монография о «Войне с саламандрами» Карела Чапека	92
<i>А. И. Журавский</i> . Исследование о древнем белорусско-украинском письменном языке	94
<i>П. А. Дмитриев</i> . М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик	98
<i>В. В. Барсукова, Г. А. Мартынова</i> . Новое издание «Сербскохорватско-русского словаря» И. И. Толстого	102

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в конце 1969—начале 1970 г.	103
Содержание иностранных журналов	108

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Т. Блинова, Т. Маковецкая</i> . Сессия, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, в Институте славяноведения и балканистики АН СССР	114
<i>Г. М.</i> Научная сессия, посвященная 25-й годовщине освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков	116
<i>Душан Лукач</i> (СФРЮ). Институт современной истории в Белграде	118
<i>И. В. Созин</i> . Защита диссертации в МГУ	119

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), **И. Ф. БЭЛЗА**, **Л. Б. ВАЛЕВ**, **В. Г. КАРАСЕВ**, **В. Д. КОРОЛЮК** (зам. главного редактора), **Д. Ф. МАРКОВ**, **И. С. МИЛЛЕР**, **А. И. НЕДОРЕЗОВ**, **Ю. А. ПИСАРЕВ**, **Г. М. СЛАВИН**, **Б. Ф. СТАХЕЕВ** (зам. главного редактора), **Н. И. ТОЛСТОЙ** (зам. главного редактора), **И. М. ШЕПТУНОВ**, **Я. В. ШМЕРАЛЬ**

Ответственный секретарь **В. В. ЗЕЛЕНИН**

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

В. Д. КОРОЛЮК

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА И ФОРМИРОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ И НАРОДНОСТЕЙ В ВОСТОЧНОЙ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ¹

Несмотря на значительные успехи, достигнутые советской и зарубежной славянской историографией в разработке проблем становления феодализма как социально-экономической формации в рассматриваемом регионе Европы, время для подведения итогов соответствующих исследований пока еще не пришло. Неравномерность исследовательских усилий не только по отдельным элементам этой сложной проблемы, но и качественно весьма неодинаковые результаты исследований по различным этнотерриториальным и политическим комплексам, образующим названный европейский регион, не дают в настоящее время возможности нарисовать достаточно полную и, тем более, достаточно научно обоснованную картину развития всех основных социально-экономических, политических, этнических и культурных процессов, характеризующих в целом раннефеодальный период в истории восточных, западных и южных славян.

Вполне понятно поэтому, что в настоящее время речь может идти только о сугубо предварительной попытке постановки некоторых важных, но пока еще далеко не решенных проблем исследования, о выработке некоей исторической схемы, во многих деталях требующей еще существенных дополнений и уточнений.

Рассмотрение обозначенных в заглавии статьи проблем логичнее всего, вероятно, начать с констатации факта, что названный европейский регион — Восточная, Центральная и Юго-Восточная Европа, — будучи единым объектом нашего изучения, отнюдь не может считаться по своим социально-экономическим, этническим и культурно-политическим параметрам действительно единым историко-территориальным регионом. В период раннего средневековья эта обширная область Европы четко делилась на два различных по условиям своего исторического развития региона — Юго-Восточную Европу, с одной стороны, Центральную и Восточную — с другой. В то время как для Центральной и Восточной Европы (это уже твердо установленный в науке факт)² был характерен процесс непосредственного перехода от стадии первобытнообщинного строя к феодализму, минуя рабовладение как систему производственных отношений, для Юго-Восточной

¹ Настоящая статья является сокращенным и несколько переработанным текстом доклада, прочитанного на конференции украинских археологов, состоявшейся в Ужгороде в мае 1970 г.

² Подробнее этой теме автор касается в работе: В. Д. К о р о л ю к. Основні етапи розвитку ранньофеодальної державності у східних і західних слов'ян. Укр. істор. журн., 1969, № 12.

Европы показателен более сложный путь развития. На территории Балкан славянским раннефеодальным обществам предшествовала, хотя и не монолитная в культурном и этническом плане, но развитая рабовладельческая цивилизация. Как и византийскому феодализму, феодализму южных славян свойственны (пусть и в более ограниченных масштабах) элементы античного континуитета, прежде всего в области городской жизни, строительного дела, военной техники, а отчасти и в области народной культуры, церковной организации, права и т. д. Таким образом, в отличие от центрально- и восточноевропейского региона на юго-востоке Европы мы вправе предполагать синтез античности и варварства в качестве исходного момента в становлении феодального способа производства. Относительно детально синтез этот изучен в советской историографии на примере Византии. В главных чертах определено значение славянских передвижений, выяснено влияние славянской общины на формирование феодального уклада в византийской деревне³. К сожалению, нет возможности утверждать, что аналогичные исследования проведены в той же мере применительно к южнославянскому раннефеодальному обществу. Существующие в нашей литературе исследовательские опыты практически не пошли дальше постановки проблемы как таковой⁴. Поэтому в настоящее время не только не выяснен сам исторический механизм синтеза, лежавшего в основе южнославянского феодализма, но и не проведены с достаточной детальностью те необходимые исследования, которые помогли бы четко отделить те территории Юго-Восточной Европы, где масштабы этого синтеза имели решающее значение, от тех, где он был выражен слабее или даже очень слабо.

В данной связи нет, по-видимому, нужды подробно говорить об исключительно большой сложности разработки вопросов социально-экономического синтеза у южных славян. Достаточно, пожалуй, сослаться на пример подобных исследований применительно к странам Западной Европы. Ведь и здесь механизм социально-экономического синтеза, несмотря на многочисленные и кропотливые исследования многих историков, еще далеко не так полно и всесторонне освещен, как того хотелось бы.

Гораздо более полную картину становления феодальных отношений дают исследования советских историков-славистов и зарубежных славянских историков для славян Центральной и Восточной Европы. Процесс феодализации общества здесь был равнозначен процессу постепенного формирования крупного феодального землевладения, складыванию феодальной собственности на землю. При этом на всех стадиях этого процесса главной хозяйственной единицей общества было крестьянское (зависимое или свободное) мелкое хозяйство, располагавшее своим рабочим инвентарем и своим упряжым скотом⁵. Наличие или даже развитие собственного хозяйства знати, обслуживавшегося трудом зависимого населения, посаженных на землю рабов и живущей при барском дворе челяди, не меняло общего хозяйственного облика общества. Количественное развитие крупного феодального землевладения происходило путем подчинения знатью и князем не только отдельных общинников, но и целых общин. Становление института верховной собственности князя на землю в огромной мере способствовало «обояриванию» и «окняжению» общин путем захвата общинных взносов натурой и повинностей, даней, приношений и кормле-

³ Сопоставление соответствующей литературы см.: З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, стр. 44—61, 70—79, 165—194.

⁴ См., например, Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960; Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, и др.

⁵ В. И. Довженко. Землеробство Древней Руси до середины XII ст. Київ, 1961, стр. 192—196.

ний. Общинные взносы и повинности эволюционировали в феодальную ренту. Именно поэтому в раннефеодальном восточно- и западнославянском обществе главной формой ренты очень быстро становится натуральная.

Нужно сказать, однако, что такая эволюция была возможна потому, что ей предшествовал и параллельно с ней развивался процесс образования частновладельческой ренты, складывались частновотчинные отношения в хозяйстве князя и знати⁶. Вслед за Б. Д. Грековым⁷, таким образом, приходится констатировать существование примитивной отработочной ренты как условия развития феодальных отношений.

Многие близкие или аналогичные с представленной линией развития явления отмечаются исследователями и в процессе феодализации южнославянского общества. Можно было бы сказать даже более того: процессы феодализации южнославянского общества изучены главным образом в той своей плоскости, в которой они приближаются к соответствующим процессам у восточных и западных славян⁸. Зато в стороне, к сожалению, остаются вопросы синтеза варварства и античности. И тем не менее, несмотря на неполноту соответствующих исследований, есть все же все основания, как уже говорилось, предполагать два основных пути становления феодализма у славян раннего средневековья: один для балканских славян, другой для славян Восточной и Центральной Европы. Иное дело точное территориальное разграничение соответствующих регионов. Состояние наших исследований таково, что здесь нет никакой возможности избежать догадок и допущений. Думается, однако, что на данной стадии работы они не только неизбежны и допустимы, но и практически необходимы.

Если считать, что регионом интенсивного социально-экономического синтеза античности и варварства могли являться современные территории Болгарии, Македонии и Хорватии (особенно Далматинской), в то время как очагами бессинтезного пути становления феодализма у славян были современные территории Украины, Белоруссии, Европейской России, Польши и Чехии, то можно заметить, что между ними расположен широкий пояс земель, в период раннего феодализма заселенный главным образом славянами, а до того испытывавший на себе сильное воздействие провинциально-римской культуры. Пояс этот (назовем его условно контактной зоной) охватывает всю область расселения паннонских славян и современную Словакию, а также территории современных Румынии и Молдавии. Возможно (вопрос этот требует еще своего исследования), в состав указанного пояса следовало бы включить еще и часть сербских земель и часть современной Хорватии (внутренней). Моравия, часть южных польских земель и юго-западные украинские земли образуют северовосточную границу этого пояса. На востоке этот пояс непосредственно соприкасается с территорией распространения так называемой салтовско-маяцкой культуры, тесно связанной с хазарским каганатом.

Известная этническая пестрота, несмотря на явное преобладание славян, все же показательна для всего описанного региона. В определенной мере неясность его этнической характеристики связана с почти постоянным пребыванием и военными действиями на его территории кочевых орд (протоболгар, аваров, венгров и печенегов). Аварам удалось даже временно создать здесь довольно сильное государство, являвшееся своеобразным симбиозом полукочевой орды и покоренного ею оседлого славянского земледельческого населения. Многообразны были политические и этно-

⁶ В. Д. Корольков. Древнепольское государство. М., 1957, стр. 76—77; Г. Г. Литаврин. Там же, стр. 57; Ю. В. Бромлей. Там же, стр. 270.

⁷ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Избр. труды, т. II. М., 1959, стр. 97—116.

⁸ Показательным примером такого исследования является названная выше монография Ю. В. Бромлея.

культурные последствия аварского гнета не только для местного населения⁹, но и для населения Балкан, славяно-византийских отношений и славянских передвижений в центре и на юго-востоке Европы. Вместе с тем именно на рассматриваемой территории источниками отмечено одно из древнейших славянских государственных образований — держава Само, которая возникла в ходе славянского восстания против аваров. Главным образом в пределах очерченного выше пояса земель сложилась и первая могущественная в Центральной и Восточной Европе межнациональная, т. е. объединяющая несколько незавершивших своего формирования народностей, славянская держава — Великая Моравия. Достаточно определенно источники характеризуют только процесс формирования раннефеодальной государственности в Великой Моравии. Можно полагать, что в своих основных чертах он соответствовал тому пути, по которому складывалась раннефеодальная государственность у западных и восточных славян, не знавших социально-экономического синтеза как исходного пункта своего феодального развития.

Иными словами, и здесь многие элементы государственных институтов генетически связаны с институтами эпохи военной демократии. Это и княжеская власть, становящаяся наследственной, и дружина как политическая сила, ее укрепляющая, и народное ополчение, и даже дани и общинные повинности как формы экономического и политического укрепления знати. Соответственно этому основная линия становления раннефеодальной государственности предполагает и здесь развитие от племенного княжения, как примитивной формы государственной организации, через процесс политической концентрации племенных княжений к державе межнационального характера и затем, наконец, к относительно этнически однородной раннефеодальной монархии¹⁰. Для политического формирования Великой Моравии и, пожалуй, Сербии характерно энергичное развитие второго и третьего этапов становления раннефеодальной государственности при сравнительно замедленном переходе к четвертому. В сущности говоря, в Великой Моравии перехода к четвертому этапу и не произошло. Здесь процесс формирования раннефеодальной государственности был катастрофически прерван венгерским завоеванием. Что касается сербских земель, то тут приходится считаться как с замедленностью темпов социально-экономического и политического развития, так и, может быть, с определенным сдвигом хронологических рамок раннефеодального периода в целом.

Некоторые особенности государственности, а следовательно, и феодального развития пояса земель, расположенного между двумя основными регионами славянского расселения, его относительно более высокие по сравнению с основными территориями славянской Центральной и Восточной Европы темпы социально-экономического, политического и культурного развития в период раннего средневековья очень соблазнительно связать с его судьбой в античную эпоху. Такие попытки делались уже в нашей литературе, правда, пока только в плане постановки вопроса. Вместе с тем указывалось и на значение для исторического развития этого пояса земель близкого соседства передовых стран Средиземноморья¹¹.

⁹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2. М., 1953, стр. 190—195. Вопросы аварской культуры и славяно-аварские сопоставления в области материальной культуры недавно довольно подробно рассмотрены в издании Института археологии Словацкой академии наук «*Studijné zvesti*», t. 16, Witra, 1968.

¹⁰ В. Д. Королук. Основні етапи..., стр. 44—49.

¹¹ В. Д. Королук. Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории восточных и западных славян. Краткие сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР, 1963, № 39.

Опираясь на совокупность всех этих наблюдений, не правильнее ли будет выделить вообще весь территориально очерченный выше пояс земель, расположенный между регионом социально-экономического синтеза и бессинтезным регионом, в особую контактную зону славянского расселения, где именно в силу наличия античной подосновы сильнее сказывались факторы внешнего воздействия со стороны передовых стран феодальной цивилизации, прежде всего Византии, ускорявшие социально-экономический прогресс. Наличие античной подосновы серьезно отличает эту зону от других славянских стран (Русь, полабо-прибалтийское славянство), тоже находившихся в тесных контактах с передовыми очагами развития феодальной европейской культуры, но лишенных, в прямом смысле слова, античного наследства.

До сих пор главным, учитываемым в настоящем построении фактором был фактор античного социально-экономического и культурного наследства. Но становление феодализма и образование раннефеодальной государственности нельзя отрывать от сопутствующих им и в тесной связи с ними развивающихся этнических процессов, завершающихся формированием новых территориально-этнических общностей — раннефеодальных славянских народностей.

На основной территории Центральной и Восточной Европы формирование народностей завершалось в рамках относительно единых раннефеодальных государств и происходило на базе интеграции родственных по языку этнических элементов. Именно единство глоттогонического процесса в большей мере, чем этноантропологические признаки, зависящие от предшествовавшего славянам субстрата¹², обуславливало целостность и границы новой территориально-этнической общности. Активную роль в формировании народностей играло раннефеодальное государство; в свою очередь, именно границы расселения народности определяли политические рубежи раннефеодальной государственности¹³.

Гораздо сложнее обстояло дело на Балканах. Здесь процесс формирования народностей не был простым стяжением языково-родственных элементов. Этническая интеграция предполагала на Балканах поглощение одной языковой общности другой. Такое поглощение славянским элементом иноязычного фракийского и протоболгарского происходило, например, в Болгарии¹⁴. Более того, можно сказать, что сам процесс этнического синтеза на Балканах был важнейшим инструментом синтеза социально-экономического, именно в ходе него новое население осваивало в той или иной мере античное наследство. Но наряду с фактами поглощения славянской языковой стихией фракийских и иллирийских языковых общностей или, наоборот, допустим, ассимиляции славянских элементов греческим, можно привести и примеры несовпадения социально-экономического и этнического синтеза. Наиболее показательным в этом смысле является развитие приморской Далмации, где романизированный город сохранял свою этническую обособленность от славянской сельскохозяйственной округи.

Совершенно открытым следует считать вопрос об этническом синтезе в контактной зоне. Здесь очевидно только преобладание на протяжении VII—IX вв. (даже при политической гегемонии аваров) славянского этни-

¹² Решающую роль глоттогонических процессов в формировании славянских племен и народностей подчеркивает и М. Ю. Брайчевский в кн. «Похождения Руси», Київ, 1968, стр. 17—30.

¹³ В. Д. Корольюк. Основні етапи ..., стр. 49.

¹⁴ В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей. «Советская этнография», 1967, № 2, стр. 36—38. Вопрос о роли дославянских субстратов в формировании восточных славян детально исследует В. П. Алексеев. Происхождение народов Восточной Европы, М., 1969, стр. 162—207.

ческого элемента. С другой стороны, формирование новых этнических общностей — народностей происходило тут, очевидно, более замедленными темпами. Не этим ли объясняется довольно быстрая ассимиляция паннонских славян венграми?

Впрочем, по-видимому, и в данном случае можно все же говорить об активной роли государственности в процессе формирования народностей. Недаром прослеживаемые археологами на территории Моравии четыре племенные области¹⁵ быстро потеряли свои древние названия, и источники знают для всей территории и всего населения Моравии X—XI вв. только термины «Моравия» и «моравене». О роли южнославянской государственности в процессе формирования раннефеодальных народностей судить еще, пожалуй, преждевременно. Этот вопрос требует дополнительного изучения, особенно если учесть специфику завершения формирования раннефеодальной государственности на западе и на востоке (полукочевая орда Аспаруха) Балканского полуострова.

Таким образом, если социально-экономический синтез и существенно способствовал ускорению (особенно на ранних этапах) социально-экономического прогресса (выравнивание уровней социально-экономического развития славянских стран наступило только в X—XI вв.)¹⁶, то зато именно в бессинтезной зоне складывались особенно благоприятные условия для энергичного и быстрого процесса складывания раннесредневековых славянских народностей.

В заключение необходимо остановиться еще на одном немаловажном вопросе. Для региона социально-экономического синтеза и контактной зоны, по-видимому, определенную роль играло и то, с какой территории происходило переселение на новые места славянского населения. До сих пор наша наука молчаливо исходила из недоказанного и, по-видимому, не могущего быть доказанным положения об одинаковости уровня культуры хлынувшего на Балканы и в Центральную Европу славянского населения. Между тем такой одинаковости не могло быть в VI—VII в., если его не было даже в X—XI столетиях¹⁷, когда ясно обозначился процесс выравнивания уровней социально-экономического и культурного развития славянских стран. Очевидно, в дальнейшем придется считаться с тем, что уровень развития славянских племен, находившихся в непосредственных контактах с провинциально-римской культурой, не мог быть идентичен уровню племен, более отдаленных от границ империи. Да и сами контакты с различными очагами провинциально-римской культуры не могли иметь однозначных последствий. Именно поэтому для изучения раннефеодального периода в Центральной Европе, включая часть контактной зоны, отнюдь не безразлично, что переселение сюда славян происходило в основном с территории современной Польши. При этом важно выяснить, в каком направлении устремилось население с наиболее развитых южных и западных польских земель. Столь же важно уяснить себе эти вопросы и в связи с восточнославянскими переселениями на Балканы в зону синтеза и частично в контактную зону. Для Балкан нужно иметь в виду и еще одну возможность: частичное заселение их населением западнославянского корня. В литературе давно уже существует мнение о западнославянском происхождении хорватов¹⁸.

¹⁵ J. Poulík. Staroslovanská Morava. Praha, 1948, s. 81—87.

¹⁶ Ср. А. В. Арциховский. Культурное единство славян в средние века. «Советская этнография», 1946, № 1.

¹⁷ В. Д. Королук. Основні етапи..., стр. 43.

¹⁸ В. Grafenauer. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata. «Historijski zbornik», t. V. Zagreb, 1952.

Думается, что решение всех этих сложных вопросов славянских перемещений, участие славян в Великом переселении народов поможет не только в исследовании сложного вопроса социально-экономического синтеза на Балканах и особенностей общественного развития контактной зоны. Очень важную роль оно может сыграть и в дальнейшем изучении вопросов формирования у славян раннефеодальной государственности и связанного с ним процесса образования славянских народностей. Такое изучение не только целесообразно, но и научно в высшей степени актуально. Ведь, в сущности говоря, решающий исторический механизм раннефеодального периода составляла совокупность трех главных, связанных между собой процессов — становления феодализма, образования раннефеодальной государственности и формирования славянских народностей. Именно эти процессы обусловили тот факт, что раннефеодальный период лежит у истоков современной этнической и политической карты Европы. Ведь именно в силу этих процессов Центральная и Восточная Европа, бывшая в эпоху античности вне пределов цивилизованной эйкумены, в период раннего феодализма прочно вошла в круг европейской цивилизации, достигнув к X—XI вв. в главных сферах экономической жизни равного или близкого уровня со странами Западной и Юго-Восточной Европы¹⁹. Опирающаяся на античное наследие феодальная Европа, как и Европа современная, не была только достижением романо-германского мира. С самого начала средних веков она формировалась как Европа романо-германо-славянская.

¹⁹ W. H e n s e l. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej. Wyd. 2. Warszawa, 1956, s. 81.

И. С. ДОСТЯН

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-СЕРБСКИХ СВЯЗЕЙ В НАЧАЛЕ XIX в.

Начало Первого сербского восстания в феврале 1804 г. и расширение национально-освободительного движения в других югославянских землях поставило на повестку дня международной жизни Европы вопрос о создании автономного или полностью независимого Сербского государства. В решении этой проблемы с самого начала стала играть важную роль Россия. Но сербское восстание не только вынудило правительство Александра I считаться с фактом вооруженной борьбы сербов за свою национальную независимость. Оно стало привлекать и внимание русской дворянской общественности.

Если в последней трети XVIII в. в России были распространены эллинофильские настроения и преобладал интерес к грекам, их освободительному движению и задачам возрождения греческого государства, то в начале XIX в., в связи с восстанием в Белградском пашалыке, усиливается сочувствие к сербам как народу «единоплеменному и единоверному с русскими», начавшему вооруженную борьбу за освобождение от чужеземной власти. В это время некоторые русские государственные и общественные деятели начинают проявлять заинтересованность в оказании Россией помощи восставшим сербам, в создании на Балканах при непосредственной поддержке царского правительства независимого или автономного сербского государства. Такого рода планы и предложения тесно увязывались с задачей отражения экспансии наполеоновской Франции в Юго-Восточной Европе. В то же время они находились в непосредственном взаимодействии с политическими планами, которые выдвигались самими югославянскими общественными деятелями, руководителями освободительного движения, рассчитывавшими опереться в борьбе с Турцией на помощь России. Большую роль в этом отношении сыграли личные контакты некоторых представителей дворянских кругов России с сербами и в особенности с общественными деятелями из Воеводины.

В первые годы XIX в., когда в Белградском пашалыке шла практическая подготовка к вооруженной борьбе, а затем в феврале 1804 г. началось восстание, в сербских землях Австрии — в Воеводине — наблюдалась активная деятельность духовной и светской интеллигенции, направленная на оказание помощи освободительному движению сербов, находившихся под властью Турции. Воеводина стала в это время центром, где выработывалась политическая программа сербского национально-освободительного движения. Ее содержание было обусловлено как общей общественно-политической обстановкой, существовавшей в то время в Юго-Восточной Европе, так и социальной принадлежностью тех деятелей, которые принимали непосредственное участие в идеологической подготовке югославянского освободительного движения. Среди последних важное место,

как и в XVIII в., занимало православное духовенство, хотя постепенно все более активную роль начинала играть светская интеллигенция.

До 90-х годов XVIII в. большинство воеводинских общественных деятелей, в том числе Досифей Обрадович, выступали за объединение всех сербских земель в качестве самостоятельной политической единицы под властью Габсбургов¹. Но глубокое разочарование сербов в политике венского правительства во время австро-турецкой войны 1788—1791 гг., изменение внешнеполитического курса Австрии, которая после начала наполеоновских войн оказалась заинтересованной в поддержании целостности и неприкосновенности Османской империи, подготовка, а затем начало вооруженного восстания Белградских сербов — все это привело к существенным изменениям политических планов воеводинских деятелей.

К этому времени относится распространение идеи о создании на Балканах крупного «Славяно-сербского» государства под покровительством России. Активными приверженцами этого замысла выступили в 1804 г. карловацкий митрополит Стефан Стратимирович и бачкский епископ Йован Йованович. Эти планы создания «Славяно-сербского» государства по своему содержанию не имели антифеодального, буржуазного характера, который определял социальную сущность Первого сербского восстания. Но в них была сформулирована идея самостоятельной национальной государственности сербов, выражавшая важную тенденцию сербского национально-освободительного движения, характерной была и прорусская ориентация такого рода планов.

Расчеты на помощь со стороны России в деле национального освобождения югославянских народов имели значительное распространение среди воеводинских общественных деятелей и особенно среди духовенства. Это вызывало заинтересованность в расширении контактов с русскими, находившимися по каким-либо причинам в Австрии, в установлении с их помощью связей с царским правительством, государственными и церковными деятелями. В расширении такого рода политических связей в первые годы XIX в. значительную роль сыграло четырехлетнее пребывание в Австрии русского протоиерея А. А. Самборского.

Андрей Афанасьевич Самборский (1732—1815) был одним из образованных и влиятельных представителей придворного духовенства во время правления Екатерины II. Как законоучитель внуков императрицы он находился в близких отношениях с царской семьей. В 1799 г., когда великая княжна Александра Павловна была выдана замуж за венгерского палатина эрцгерцога Иосифа, ее духовником и настоятелем домашней церкви был назначен Самборский.

Религиозно-политические взгляды А. А. Самборского как церковного деятеля, близкого ко двору Екатерины II, были весьма характерными. В догмате о взаимопомощи православных, об их духовной близости, о готовности нести любые жертвы во имя интересов религии он находил обоснование сильной воинственной политики России в восточном вопросе, приверженцем которой являлся. Самборский имел склонность к миссионерству и в этих целях использовал отчасти свое пребывание в Австрии².

Оказавшись в Офене (Буде), русский протоиерей начал открыто заявлять о сочувствии православным подданным Габсбургов, отстаивавшим свои

¹ См. об этом: Т. О с т о ј и ћ. Народна мисао, идеја ослобођења и уједињења у историји и књижевности Војводине. «Летопис Матице српске», књ. 300, 1921, стр. 41—45; М. К о с т и ћ. Доситеј Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX в. Београд, 1952, стр. 77—79.

² Наиболее полную биографию А. А. Самборского составил П. Стелецкий: Протоиерей А. А. Самборский — законоучитель Александра I. «Труды Киевской духовной академии», 1896, № 10, 11, 12.

религиозные права; он противостоял попыткам католического духовенства, особенно иезуитов, склонить молодую супругу венгерского палатина изменить вероисповедание, а после ее смерти, весной 1801 г., деятельно стремился создать культ покойной сестры русского императора как великомученицы и покровительницы православных в католической Австрии. Богослужения Самборского в церкви, построенной при могиле Александры Павловны близ Офена, позднее в русской церкви в Вене, а затем в Далмации, Черногории и Греции, где он побывал, возвращаясь в Россию в 1804 г., сопровождалась манифестациями прорусских симпатий, чувств преданности царю как будущему избавителю православных от гнета иноверцев³.

Нет оснований считать, что вся деятельность Самборского была инспирирована царским правительством. По всей вероятности, протоиерей действовал по своей инициативе, исходя из собственных представлений о «долге перед любезным отечеством», о необходимости защищать интересы православных, а заодно и распространять русское политическое влияние среди православных подданных Турции и Австрии. Человек честолюбивый и властный, не забывавший о своей былой близости ко двору Екатерины II, он пытался принимать участие в политической жизни австрийских сербов, поддерживал связи с православным духовенством Черногории, Герцеговины и Далмации.

В личном архиве Самборского сохранилось много писем от югославянских деятелей и лиц сербского происхождения, эмигрировавших в Россию. Среди авторов этих писем можно встретить известного деятеля сербского восстания Петра Новаковича-Чардаклию; сербских ученых, работавших в России, — Григория Терлаича и Афанасия Стойковича; лиц, близких к черногорскому митрополиту Петру Петровичу Негошу, — Саву Пламенца и Доментяна Владевича; графа Войновича и других⁴. По некоторым косвенным данным можно установить личные связи «батюшки Самборского» с далматинским архимандритом Стефаном Ивковичем, багским епископом Йованом Йовановичем, с сербом на русской службе — Спиридоном Юговичем. Особенно близко сошелся Самборский с П. Новаковичем-Чардаклией, жена которого была фрейлиной Александры Павловны. Прорусская ориентация Новаковича, много сделавшего для установления политических связей руководителей повстанцев с царским правительством в 1804—1807 гг., сложилась не без влияния Самборского.

Самборский старался содействовать установлению политических контактов сербов с петербургским двором, и, вероятно, не без его уговоров карловацкий митрополит Стефан Стратимирович летом 1804 г. рискнул тайно от венского правительства обратиться к царю с просьбой об оказании помощи сербам в их борьбе за национальное освобождение. Посредником в этом деле и явился Самборский, через которого записка карловацкого митрополита была передана русскому послу в Вене А. К. Разумовскому и направлена в Российское министерство иностранных дел. При этом в сопроводительном письме А. А. Самборского к А. Чарторыскому содержа-

³ Свою деятельность в Австрии, особенно связанную с похоронами Александры Павловны по православному обряду, Самборский описал по возвращении в Россию в специальной записке. («О пребывании великой княгини Александры Павловны в Угрии»). Публикация В. И. Ламанского, «Памятники новой русской истории», СПб., 1872, т. II, стр. 47—67), а также в письмах к Александру I и великой княгине Марии Федоровне от 29 декабря 1804 г. («О жизни протоиерея А. А. Самборского», СПб., 1888, стр. 55—65).

⁴ Филиал Центрального государственного исторического архива УССР в Харькове, ф. 788; Институт русской литературы АН в Ленинграде (Пушкинский Дом), ф. 620.

лась оценка карловацкого митрополита как «истинного и ревностного пастыря, совершенно преданного Его Императорскому Величеству»⁵.

Поскольку С. Стратимирович был главой церковно-политической организации сербов в Австрии и пользовался большим авторитетом среди югославян и в турецких владениях, к его записке не могли относиться иначе, как к обращению от имени сербского народа.

Стратимирович наиболее полно и последовательно формулировал взгляды на политическое будущее сербов, которые в это время получили распространение среди воеводинской интеллигенции. Идея о создании «Славяно-сербского царства» базировалась на исторической традиции о возрождении сербского государства, существовавшего до турецкого завоевания. Новая сербская держава должна была стать конституционной монархией во главе с одним из русских великих князей или немецких князей-протестантов, свойственников царя. Доказывая, что именно царское правительство должно помочь созданию «Славяно-сербского» государства, Стратимирович давал идеологическое обоснование: религиозная и племенная общность русских и сербов. Не жалея красноречия, он убеждал Александра I не щадить усилий ради осуществления дела, которое «столь славно будет всему славянскому роду». Реальный путь к созданию «Славяно-сербского» государства при существующей обстановке в Юго-Восточной Европе Стратимирович видел в предоставлении при содействии России сербским землям, находившимся под властью Турции, внутренней автономии, подобно той, которой пользовались Ионические острова и Дубровницкая республика; такое полунезависимое Сербское государство должно было находиться под протекторатом царского правительства⁶.

Идея о предоставлении сербским землям, находящимся в составе Турции, широкой внутренней автономии, сформулированная в записке Стратимировича, отражала существо политической программы сербского освободительного движения этого времени и была основана на уже имевшихся прецедентах, когда под давлением России была дана внутренняя автономия княжествам Молдавии и Валахии, а затем создана Республика Семи соединенных островов под совместным протекторатом России и Турции. Такая задача могла быть осуществлена при активной поддержке правительством Александра I требований сербских повстанцев, выдвигаемых ими перед Портой. Просьба об этом была высказана уже в письме представителей сербов к русскому послу в Константинополе А. Я. Италинскому в мае 1804 г. и в дальнейшем неоднократно повторялась⁷.

В то же время в записке Стратимировича были сформулированы и более смелые планы об объединении всех сербских земель, находящихся под властью как Турции, так и Австрии, в одном обширном государстве, которое в случае падения Османской империи могло бы восполнить «равновесие сил» в Европе, стало бы наиболее удобным соседом для России и ее верным союзником⁸. Такого рода соображения исходили из плана решения восточного вопроса, выдвинутого в известном «греческом проекте» Екатерины II и как бы противостояли его основной идее о создании Греческой или Восточной империи вместо отжившей свой век империи Османов. Решение сербского вопроса Стратимирович пытался увязать, таким образом,

⁵ «Записка Стефана Стратимировича». «Чтения в императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете». М., 1868, кн. I, стр. 238—239 (Публикация О. М. Бодянского).

⁶ Там же, стр. 242—265.

⁷ В. В. З е л е н и н. Русская политика в восточном вопросе и борьба сербского народа за автономию в конце XVIII — начале XIX в. Сб. статей «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 374—375.

⁸ «Записка Стефана Стратимировича». Там же, стр. 242—265.

с удовлетворением экспансионистских претензий русского самодержавия на Балканах и Ближнем Востоке.

Такого рода идеи Стратимировича в какой-то мере были близки взглядам Самборского на задачи политики России в восточном вопросе. Последний знал о содержании «мемориала» карловацкого митрополита и, возможно, был причастен к его составлению.

Характерно, что после возвращения в Петербург, Самборский не оставлял попыток воздействовать на своего бывшего ученика и побудить его оказывать действительную помощь сербам, вести более активную политику в отношении всех православных подданных Порты. Этой цели соответствовало содержание отчета Самборского о его деятельности в Австрии⁹ и, в особенности, записка, направленная царю в марте 1806 г., которая может характеризовать взгляды протоиерея на задачи русской политики в отношении сербов и других балканских народов, на перспективы развития их освободительного движения при непосредственной поддержке России.

В начале 1806 г., после Прессбургского мира, передавшего Франции Истрию и Далмацию с Котором, и ввиду быстрого ухудшения русско-турецких отношений, царское правительство разрабатывало меры, которые должны были воспрепятствовать дальнейшей экспансии Наполеона на Балканах. Тогда-то и было запрошено мнение по этому вопросу Самборского как человека, непосредственно знакомого с положением дел в Юго-Восточной Европе.

В своей записке протоиерей доказывал, что «славяно-сербский народ» полностью предан России и готов жертвовать своей жизнью «для избавления священных алтарей». Но чтобы поддержать такой «дух», надо предоставлять щедрую помощь церквям и монастырям, карловацкому митрополиту — в знак благодарности за его «мемориал», исполненный «благоразумия, народной преданности и твердого упования»; предложить венгерскому палатину оказывать защиту православным в Австрии и, главное, осуществить без промедления ряд мер в отношении восставших сербов, чтобы они не были бы вынуждены предаться под покровительство Наполеона. В Сербию надо послать советников и опытных военачальников из числа их соотечественников, живущих в России, а также предоставить восставшим помощь оружием, военными припасами и деньгами. После этого с военными силами повстанцев надо объединить части, сформированные из населения Черногории, Котора, Рагузы (Дубровника) и Далмации, которое также предано России. В записке упоминалось и о возможности в дальнейшем сокрушить Османскую империю силами поработенных ею народов: славян, греков, молдаван и валахов¹⁰. Протоиерей изъявлял готовность принять личное участие в осуществлении выдвигаемых им предложений¹¹.

Взгляды Самборского на необходимость вести активную политику в Юго-Восточной Европе, на ее конечные цели в значительной мере основывались на традициях, сложившихся в русских придворных кругах в период царствования Екатерины II. Среди вельмож, близких к Александру I, также было немало сторонников решительной политики в отношении Турции, оказания действительной помощи балканским народам, создания в Юго-

⁹ См.: «Памятники новой русской истории», т. II, стр. 47—67.

¹⁰ Записка А. А. Самборского от 22 марта (3 апреля) 1806 г. Архив Внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия, д. 7891, л. 53—54.

¹¹ Доклад А. Чарторьского 29 марта (10 апреля) 1806 г. Там же, л. 51; письмо А. А. Самборского А. Чарторьскому 22 марта (3 апреля) 1806 г. Там же, л. 52. Просьбу о личном участии в спасении «единоверных сербов» от «тяжелого ига магометанского» Самборский повторил и два года спустя в письме к Александру I (см.: «Русская старина», кн. XVII, 1876 г., стр. 627—628).

Восточной Европе под русским протекторатом независимых или полусамостоятельных государств. В 1804—1807 гг. предпринимались и некоторые практические действия для осуществления такого рода планов¹². Но необходимо подчеркнуть, что на позицию Самборского по данным вопросам, помимо других причин, оказало воздействие его личное знакомство с положением в югославянских землях, с югославянскими общественными деятелями и их политическими планами.

О сочувствии некоторых представителей дворянских кругов России вооруженной борьбе, начатой сербами в Белградском пашалыке, свидетельствует и политическое предложение, поступившее в Российское министерство иностранных дел осенью 1804 г. от В. Н. Каразина. Именно оно дало основание некоторым иностранным авторам связывать с именем этого известного общественного деятеля первой половины XIX в. начало развития в России панславизма.

В этом отношении особенно характерна книга Франка Фаднера «Семьдесят лет панславизма в России. От Каразина к Данилевскому», вышедшая сначала в Англии, а затем в дополненном и переработанном виде в США¹³. Самим названием своего труда автор провозглашает Каразина зачинателем панславизма в России и в этом аспекте рассматривает его общественно-политические взгляды и план создания «Царства славян» под покровительством России.

В связи с такого рода интерпретацией взглядов Каразина на решение сербского вопроса целесообразно проанализировать содержание и причины составления его записок, проследить их дальнейшую судьбу.

Василий Назарьевич Каразин (1773—1842) — человек талантливый и чрезвычайно деятельный — оставил заметный след в развитии науки и просвещения в России. Благодаря его усилиям был основан Харьковский университет. Он возглавлял так называемое Филотехническое общество, занимался рационализацией сельского хозяйства, сделал ряд научных изобретений, искал пути улучшения положения крестьян. Каразин выступал сторонником общественно-экономических преобразований в России, которые смягчили бы классовые противоречия в стране. В то же время по своим убеждениям это был реакционер, приверженец самодержавия и активный враг революционного и либерального лагеря русского дворянства на рубеже 20-х годов. В целом общественная деятельность В. Н. Каразина была очень многообразной, а его общественно-политические взгляды неустойчивыми и противоречивыми¹⁴.

¹² Подробное см.: А. М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., 1962.

¹³ F. F a d n e r. Development of Pan-Slavist Thought from Karazin to Danilevskii. 1800—1870. London, 1949; е го ж е. Seventy Years of Pan-Slavism in Russia. Karazin to Danilevskii. 1800—1870. Georgetown, 1962.

¹⁴ Взгляды и деятельность В. Н. Каразина различным образом рассматривались в литературе. Некоторые дореволюционные авторы подчеркивали прогрессивную направленность его деятельности в области развития просвещения и науки, а общественно-политические взгляды оценивали как умеренно либеральные (Я. В. Абрамов. В. Н. Каразин, его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1891; Н. Тихий. В. Н. Каразин, виновник учреждения университета в Харькове. Харьков, 1905; е го ж е. Политические воззрения В. Н. Каразина. Харьков, 1907; Д. И. Багалей. Просветительная деятельность В. Н. Каразина. Харьков, 1912). Аналогичная оценка дается взглядам и деятельности Каразина советским автором Слюсарским (А. Г. Слюсарский. В. Н. Каразин, его научная и общественная деятельность. Харьков, 1955). В противоположность этому В. Г. Базанов, А. В. Предтеченский видят в Каразине прежде всего реакционера и крепостника, убежденного врага дворянских революционеров (В. Г. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949; е го ж е. Ученая республика. М.—Л., 1964; А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX в. М.—Л., 1957, стр. 342, 343, 357).

Среди сохранившегося рукописного наследства В. Н. Каразина, в значительной части опубликованного¹⁵, имеются три связанных между собой документа, которые могут характеризовать его интерес к задаче оказания Россией помощи сербам в деле их освобождения от иноземной власти и создания независимого государства. Это письмо Каразина к Чарторыскому от 21 ноября (3 декабря) 1804 г., дополнительная к этому письму записка от 28 ноября (10 декабря) 1804 г. и письмо к Чарторыскому от 13 (25) декабря 1804 г.¹⁶

В них Каразин с горячностью доказывал, что царское правительство должно незамедлительно оказать помощь сербам в их борьбе за освобождение от тиранической власти султана, и в качестве аргументации в пользу своего мнения выдвигал традиционные религиозно-нравственные мотивы, а также необходимость не допустить использования сербского восстания Наполеоном в своих политических интересах. Он вызвался сам отправиться в Сербию, чтобы руководить политическими мерами, которые правительство Александра I решит предпринять в отношении повстанцев.

Учитывая, что Россия в это время была связана союзным договором с Турцией, Каразин доказывал, что можно помогать сербам, сохраняя в то же время дружеские отношения с Турцией и не вызывая подозрений со стороны Австрии, чрезвычайно опасавшейся в связи с восстанием в Сербии за свои славянские владения. Для этого Российское министерство иностранных дел должно отпустить представителей сербов, официально обещав предпринять в их пользу дипломатические акции и сообщив доверительно, что в Сербию будет направлено несколько русских людей во главе с Каразиным, которые помогут вести переговоры с турецким правительством и учредить в Сербии временное правительство. По мнению Каразина, если Порты удовлетворит требование о предоставлении Сербии прав внутренней автономии, освобождение этой страны от турецкой зависимости будет осуществляться постепенно и незаметно, благодаря развитию просвещения и в результате прогрессирующего упадка Турции. В противном случае, восстание быстро распространится и достигнет грозных размеров. Против Порты выступят все недовольные турецкие паши и прежде всего Пазвандоглу, которого сдерживают прежде всего славяне. Босняки, среди которых две трети христиан, присоединятся к сербам. Через 5—10 лет без серьезных потрясений, при сохранении «нужного еще пока призрака турецкой империи» возникнет «Царство славян, на престол которого воссядет один из августейших братьев Александра I», — пишет Каразин.

Судя по описанию границ, «Царство славян» мыслилось Каразиным как национальное югославянское государство, объединяющее в своем составе все населенные сербами земли Турции и Австрии. Оно должно было вскоре достигнуть небывалого благоденствия и просвещения, стать «верной союзницей России, служа ей „точкой опоры“ во всех ее предприятиях и сношениях с Европой, а также с Африкой. По своему государственному строю это была бы конституционная монархия, вероятно, с сословным строем, в которой власть главы государства ограничивалась бы „охранительным сенатом“ и всеми гражданами, пользующимися избирательными правами»¹⁷.

¹⁵ «Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и редактированные Д. И. Багаевым». Харьков, 1910. Имеются также публикации отдельных материалов.

¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 5074, л. 1—11. Архивные подлинники двух первых документов имеют некоторые отличия (непринципиального характера) от чернового текста, сохранившегося у Каразина, по которому они были напечатаны в «Русской старине» в 1871 г. и затем в «Сочинениях, письмах и бумагах В. Н. Каразина...».

¹⁷ О взглядах Каразина на организацию конституционно-монархического государства в 1804 г. можно судить по его наброску, позднее им самим озаглавленному «Идея 1803 или 1804 годов, или 1801 еще, но написанная, когда я занимался Сербиями».

До сих пор не обращалось внимания на то обстоятельство, что содержание политических предложений Каразина, сделанных в момент, когда в Петербурге находились депутаты восставших сербов, имело большое сходство с политическими планами сербских общественных деятелей, определившимися в период назревания и вскоре после начала сербского восстания. Идея о создании «Царства славян» Каразина в основном повторяла проекты основания «Славяно-сербского царства» Стратимировича. Как и последний, Каразин считал необходимым добиваться прежде всего предоставления Портой сербам автономных прав, которые формулировались им очень конкретно. «Порта предоставит сербам право на самостоятельное управление с двумя обязательствами: платить дань точно определенную и неизменяемую и защищать в качестве турецких подданных эту империю от ее врагов», — писал Каразин в письме в Чарторыскому¹⁸.

Если сопоставить сформулированные Каразиным условия сербо-турецкого соглашения с требованиями, выдвигавшимися в 1804 г. руководителями повстанцев Белградского пашалыка, можно заметить их совпадение. В прошении, которое было подано прибывшими в Петербург сербскими депутатами от 3 (15) ноября 1804 г., говорилось: «... Общее всех сербов междувременное желание есть: чтоб Сербия, под именем Сербского Правления, либо под иным сходным наименованием на пример 7 Островов Республики под прямым и непосредственным России защитением и покровительством в самостоятельное политическое состояние произвелася, нерушимо сохраняя донынешнее к султану обязательство принадлежащую ему умеренную дань отдавать и прибавлять к сему новое: на упорные ему ребеллы всегда воевать (т. е. оказывать военную помощь в случае крупных мятежей, направленных против Порты. — *И. Д.*)»¹⁹.

В чем же причина такого сходства содержания записки Каразина с политическими планами самих сербов?

Из писем Каразина можно узнать, что автор специально разыскивал в архиве министерства иностранных дел материалы, касающиеся политики России в отношении южных славян в XVIII в., придя к заключению, что уже тогда появились «планы о возвращении политической самостоятельности славянским народам, страждущим под иноземным игом»²⁰.

Но интерес, который проявлял Каразин к политической судьбе славян, не был, по нашему мнению, непосредственной причиной возникновения плана создания «Царства славян». Ряд данных позволяет установить, что этот замысел родился под влиянием непосредственных контактов с сербскими деятелями, с депутатами повстанцев, прибывшими в Россию осенью 1804 г., хотя сам Каразин предпочел не оглашать этого обстоятельства.

В 1802—1804 гг. Каразин занимался подготовкой открытия Харьковского университета, подбором для него преподавателей, которые приглашались и из-за границы. Осенью 1803 г. в Харьков приехал сербский ученый-физик, уроженец Срема Афанасий Стойкович, а в начале 1804 г. его земляк, юрист Тодор Филипович (известный позднее под именем Божицара Груйовича) — будущий составитель первых законов и проекта государственного устройства Сербии.

Стойкович и Филипович до приезда в Харьков вращались в среде образованных воеводинских сербов. Известно, что Филипович после начала восстания в Белградском пашалыке был охвачен патриотическими чувст-

в 1804 году». В нем характеризуется, по-видимому, и внутренний строй «Царства славян» («Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина...», стр. 52).

¹⁸ Там же, стр. 47.

¹⁹ «Внешняя политика России XIX и начала XX в.», т. II, М., 1961, стр. 669—670.

²⁰ «Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина...», стр. 41.

вами и проявлял интерес к задаче национального освобождения сербов ²¹. По рекомендации С. Стратимировича он присоединился к захватившим в Харьков депутатам восставших сербов — протоиерею Матии Ненадовичу, Иовану Протичу и Петру Новаковичу-Чардакли ²², с ними уехал на родину, а затем перебрался к восставшим сербам.

Можно предположить, что именно благодаря Т. Филиповичу, который, приехав в Петербург, чтобы оправдаться в самовольном оставлении должности, должен был разыскать Каразина, последний вошел в курс политических планов воеводинских сербов и познакомился с М. Ненадовичем, П. Новаковичем-Чардаклией и И. Протичем.

О непосредственном общении Каразина с сербскими депутатами свидетельствует и подаренное протоиерею Ненадовичу в день отъезда из Петербурга евангелие, которое он преподнес Правительствующему Совету, а впоследствии бережно сохранял в своем доме, — с надписью: «Высокопочтенному господину протоиерею Матвею Ненадовичу в знак искреннего своего почитания и доброжелательства, ему и ближним его, В. К.». Затем даритель перечислял несколько строф священного писания, в том числе о воскресении Христом умерших ²³. Дарителем этого евангелия, человеком, сочувствующим делу «воскрешения из мертвых» сербского народа, был, несомненно, не «Василий Карамзин», как это указано в мемуарах Ненадовича, а Василий Каразин ²⁴.

О том, что Каразин в 1804 г. «занимался сербами», свидетельствует и заглавие, данное им позднее одному из своих набросков, о котором мы упоминали выше. Может быть, под впечатлением своего общения с сербами и сведений, от них полученных, Каразин в последнем письме к Чарторыскому подчеркивал необходимость немедленно оказать помощь сербам, «чтобы не сбить с толку этих людей, которые, так сказать, еще находятся в естественном состоянии (dans l'état de nature), не имеют политических принципов и даже собственной организации, благодаря которой они могли бы их приобрести...» ²⁵.

Все сказанное приводит к заключению, что обращение Каразина в Российское министерство иностранных дел было тесно связано с его личным участием в делах сербских депутатов. Затруднительное положение, в котором оказался в то время Каразин, уволенный со службы, получивший выговор «за превышение власти» по делам Харьковского университета, побуждали его искать нового поприща деятельности на Балканах в качестве русского эmissара, который должен был бы содействовать делу возрождения Сербского государства. То обстоятельство, что сами представители сербов просили прислать им русского консула, который бы участвовал в переговорах с турками и гарантировал заключенное соглашение, ставило обращение Каразина в министерство иностранных дел на практическую почву. Царское правительство не удовлетворило этой просьбы. Деятельность Каразина в это время стала вызывать неудовольствие Александра I, и Чарторыский поспешил удалить из Петербурга этого беспокойного человека, выхлопотав ему пособие, без которого тот не мог доехать до своего имения.

²¹ М. Р и с т и ћ. Устанички законописац Тодор Филипвић (Божидар Грујовић). Београд, [1951], стр. 10—11.

²² Н. Р а д о ј ч и ћ. Доситејево писмо о уређењу и просвећењу Србије. «Летопис Матице Српске», кн. 300, 1921 г., стр. 14.

²³ Прота М а т и ј а Н е н а д о в и ћ. Мемоари. Нови Сад—Београд, 1954, стр. 123.

²⁴ Имя дарителя евангелия не совпадает с именем знаменитого русского историка и писателя Николая Михайловича Карамзина, фамилия которого названа Ненадовичем явно ошибочно.

²⁵ Письмо В. Н. Каразина к Чарторыскому от 13 (25) декабря 1804 г. АВР, ф. Канцелярия, д. 5074, л. 11.

Насколько можно судить по рукописному наследству Каразина, в последующие годы он не проявлял интереса к вопросу об оказании помощи восставшим сербам. Но Каразина вновь стала занимать балканская проблема в 20-е годы в связи с начавшимся восстанием в Греции²⁶, а затем русско-турецкой войной. В это время Каразин сблизился с молодым М. Н. Погодиным и, вероятно, рассказал ему о своей идее создать «Царство славян» и попытках поехать в Сербию в качестве русского эmissара²⁷. Погодин и явился «виновником» того, что проект Каразина о создании «Царства славян», погребенный в архиве министерства иностранных дел вместе с другими внешнеполитическими предложениями, которых немало составлялось в бурную эпоху наполеоновских войн, неожиданно всплыл на поверхность много лет спустя²⁸.

В 70-е годы XIX в. записка Каразина вошла в научный оборот как документ, свидетельствующий о появлении в России в начале XIX в. идей о политическом единении славян²⁹. Затем имя Каразина стало фигурировать в работах иностранных авторов, посвященных истории панславизма в России³⁰.

В качестве «панславистски настроенного» русского деятеля начала XIX в. в названной нами литературе рядом с Каразиным обычно фигурирует Владимир Богданович Броневский — военный писатель, участник экспедиции адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море в 1805—1807 гг., автор известных «Записок морского офицера» и других книг, содержащих описание славянских народов, с которыми Броневский познакомился во время пребывания русской эскадры в Адриатике и путешествия через австрийские земли в Россию. Основанием для этого послужил политический проект, выдвигавший идею создания славянской конфедерации, автором которого предположительно назывался В. Б. Броневский³¹.

Между тем В. Б. Броневский не мог быть автором записки с выходящими данными «Санкт-Петербург. 27 августа 1807 г.», ибо в это время он еще не вернулся в Россию. В действительности этот политический проект принадлежал перу однофамильца В. Б. Броневского — Семену Михайловичу, который в 1802—1805 гг. был правителем канцелярии главноуправляющего в Грузии, а затем — экспедитором азиатского департамента министерства иностранных дел и являлся специалистом по Кавказу, Персии и другим восточным странам³².

²⁶ П. И. К е п п е н. Еще некоторые сведения о В. Н. Каразине. «Чтения в императорском Обществе Истории и Древностей Российских...». 1863, кн. III, стр. 132.

²⁷ М. Н. Погодин записал в своем дневнике 6 декабря 1828 г.: «К Каразину обедать. Его план основать Сербское государство, под покровительством России, куда стекались бы все австрийские славяне». Н. Б а р с у к о в, Жизнь и труды М. Н. Погодина, кн. II. СПб., 1889, стр. 206.

²⁸ В 1868 г. Погодин с некоторыми сокращениями опубликовал записку Каразина в своей газете «Русский», имевшей реакционно-националистическое направление.

²⁹ И. П е р в о л ь ф. Александр I и славяне. «Древняя и новая Россия», кн. 12, 1877, стр. 332—333; А. Н. П ы п и н. Панславизм в прошлом и настоящем. «Вестник Европы», 1878, № 9—12, отд. изд. СПб., 1919, стр. 76—77.

³⁰ См., например, А. F i s c h e l. Der Panslavismus bis zum Weltkrieg. Stuttgart—u. Berlin, 1919, S. 171—173; М. P e t r o v i c h. The Emergence of Russian Pan-Slavism. 1856—1870. N. Y., 1956, p. 12.

³¹ Текст этой записки на французском языке был опубликован В. Богишичем: Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872. Приложения, стр. 297—301; а в русском переводе — М. Вукичевичем: Замечательный исторический документ. «Исторический журнал», М., 1917, № 2, стр. 160—165. На архивном экземпляре записки имеется карандашная надпись: «Броневский», что и послужило основанием установления ее автора.

³² См. аннотацию на записку С. М. Броневского в публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX в.», т. IV, М., 1965, стр. 51.

Тот факт, что автором плана создания славянской федерации был не один из первых в России знатоков южного славянства, как это считали все, кто использовал «Записку Броневского» в качестве исторического источника, а чиновник Российского министерства иностранных дел, позволяет в ином аспекте представить путь возникновения самой идеи славянской конфедерации, с которой выступил С. М. Броневский.

В его записке доказывается, что и после Тильзита русско-французские противоречия остаются основой международных отношений в Европе. России предстоит выдержать новый натиск со стороны империи Наполеона. Но она слишком слаба, чтобы без союзников одолеть столь сильного противника. При сложившейся обстановке в Европе этими союзниками могут стать прежде всего южные и западные славяне, которые всюду стонут под иноземным игом и видят в России свою будущую освободительницу. Поэтому царское правительство заинтересовано в поддержании интересов славян как в настоящем, так и в будущем.

Далее Броневский развивает план создания славянской федерации или скорее конфедерации (он употребляет оба эти термина), которая должна будет стать барьером против дальнейшего территориального расширения Франции, противовесом Рейнскому союзу. Ввиду неизбежного сопротивления Наполеона такому политическому переустройству Центральной и Юго-Восточной Европы он считает возможным провозгласить государства, объединенные федеративным союзом, находящимися под обоюдным протекторатом России и Франции, по-видимому, что и в этом случае в них будет преобладать русское влияние.

Можно ли считать подобный план, выдвинутый в августе 1807 г. чиновником Российского министерства иностранных дел, новым и оригинальным? Ответить на этот вопрос можно лишь отрицательно, если учесть наличие сходной внешнеполитической программы, сторонниками которой выступали некоторые близкие к царю сановники и, в частности, Адам Чарторьский в 1804—1807 гг. Они, как известно, придавали большое значение активизации политики России в отношении славянских народов и задаче создания самостоятельных государств в Восточной и Юго-Восточной Европе, которые находились бы под верховной властью или под покровительством царизма. Основным замыслом А. Чарторьского было воссоздание польского государства под верховной властью русского царя. В связи с этой задачей он выдвигал и план федерации славянских народов³³.

С. М. Броневский в своей записке по существу развивает политическую программу Чарторьского и его приверженцев, доказывая возможность ее осуществления в новых условиях, создавшихся после Тильзита. В связи с планом создания славянской конфедерации он конкретно рассматривает возможность освобождения в ближайшем будущем сербских земель от власти Турции и Австрии. Путь к этому Броневский видит в вооруженной борьбе, которая в дальнейшем захватит и другие народы Юго-Восточной Европы. Основание независимого Сербского государства, объединяющего земли, находящиеся в составе как Турции, так и Австрии, явится, по его мнению, началом осуществления всего этого замысла. «При предположении, что предприятию сербов помогут и его продолжат их братья и начнут движение в Трансильвании, Венгрии и Хорватии, — пишет он, — трудно предвидеть и определить последствия общего восстания славян для политической системы Европы. Во всяком случае эти перемены не были бы неблагоприятны для России, усилив постепенно ее союз с миллио-

³³ См. по этому вопросу подробнее А. М. Станиславская. Там же, стр. 412—415; «Внешняя политика России XIX и начала XX в.», т. III, М., 1963, примечание 144.

нами людей, решивших приобрести политическое существование под ее покровительством»³⁴. Броневский горячо доказывает, что царское правительство, исходя из своих собственных интересов, должно оказать помощь восставшим сербам. Как и Каразин, он выражает желание получить назначение в Сербию, чтобы тайно содействовать освобождению этой страны от турецкой власти и созданию в ней основ государственности.

Примечательно, что поводом к составлению этого политического предложения также являлись сами события национально-освободительной борьбы сербов и их обращения за помощью к царскому правительству. Он ссылается на «последнее прошение сербов, направленное генералу Михельсону», а затем на «проект сербов», имея в виду, по-видимому, прошение австрийских сербов, направленное в июле 1807 г. генералу И. И. Михельсону³⁵ и так называемую конвенцию Паулуччи-Карагеоргиев от 28 июня (10 июля) 1807 г.³⁶ В последней излагались просьбы вождей повстанцев о принятии Сербии под покровительство России, оказании ей военной помощи, о присылке «способного землеуправителя» для организации органов власти, подготовки конституции и т. д. С. М. Броневский высказался за поддержание этого «проекта сербов», т. е. за удовлетворение конкретных требований, выдвигаемых руководителями повстанцев в качестве условия русско-сербского боевого союза.

Таким образом, записки В. Н. Каразина и С. М. Броневского были в основном посвящены задачам политики России в Юго-Восточной Европе в условиях неуклонно обострившихся русско-французских противоречий в этом регионе. Их авторы полагали, что правительство Александра I может и должно использовать национально-освободительное движение славянских народов и, в частности, сербов как мощный резерв в борьбе против агрессии наполеоновской Франции. Осуществлению этой задачи и должно было помочь политическое единение славянских народов вокруг России.

Все эти сложные политические расчеты, с которыми Самборский, Каразин и Броневский связывали задачу оказания Россией помощи сербам, были чужды двум русским юношам, побывавшим в 1804 г. в славянских землях Австрии и завязавшим дружбу с рядом сербских деятелей.

Это были А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев — студенты Геттингенского университета, люди широко образованные и придерживающиеся прогрессивных для своего времени взглядов. Они изучали славянскую филологию и решили побывать в славянских землях Австрии, чтобы собрать рукописи и книги, записать сербские народные песни³⁷. Но результаты этого путешествия не ограничились научной сферой и сыграли важную роль в развитии русско-сербских общественных связей.

В Сремских Карловцах Кайсарову и Тургенову был оказан необыкновенно торжественный и радушный прием, что явилось своего рода демонстрацией прорусских симпатий воеводинских сербов³⁸. Общение с С. Стратимировичем, Л. Мушицким, М. Путником, Н. Петровичем и другими образованными воеводинскими сербами помогло Кайсарову и Тургенову

³⁴ В. Б о г и ш и ч. Там же, стр. 299.

³⁵ В прошении «от имени разных наций славянских, как в Сербии, так и в других местах живущих», изъявлялось желание «быть под Двором Российским» и сообщалось о «единогласном» намерении «подняться против немцев». Это обращение, написанное простым народным языком, по всей вероятности, исходило от представителей сербов-границар (см. его текст в кн.: Н. Д у б р о в и н. Сербский вопрос в царствование императора Александра I. «Русский вестник», т. 46. М., 1863, стр. 110—112).

³⁶ М. В у к и ћ е в и ћ. Карађорђе, т. II. Београд, 1912, стр. 562.

³⁷ В. М. И с т р и н. Русские путешественники по славянским землям в начале XIX в. «Журнал Министерства народного просвещения». Новая серия, ч. XVI, 1912, сентябрь, стр. 78—109.

³⁸ Н. Р а д о ј ч и ћ. Там же, стр. 14.

не только войти в курс их деятельности в области науки и просвещения, но и узнать о событиях, происходивших в это время за Дунаем и Савой, о расчетах и надеждах сербов на помощь со стороны России. Интерес к восстанию в Белградском папалыке побудил их совершить нелегально поездку в Белград, после чего Тургенев писал отцу, что сербы «к стыду христианских государств уже целые четыре столетия мучимы турками. Русскому, которого и порода и религия с ними соединяют, нельзя видеть их состояния без внутреннего негодования. Теперь они, чая Бога, спасающего их от Севера, еще кое-как держатся; но если помедлят подать им руку помощи, то скоро и следов сербских в Турции не останется»³⁹.

Как можно заметить, Тургенев в несколько завуалированной форме сообщал отцу, что сербы надеются получить помощь со стороны России, и если эта помощь не подоспеет, сербскому народу грозит полное истребление. Такого рода представления должны были сложиться у Тургенева под воздействием обсуждения перспектив сербского восстания с воеводинскими деятелями.

Во время пребывания в Триесте А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев познакомились с Досифеем Обрадовичем. Об этом Кайсаров писал впоследствии Л. Мушицкому по-сербски: «Мним, не сам казао, да у Триесту смо были код нашег Обрадовича, он е подаровао нам нека от книг своих и верло быо радостан да смо его посетили. То ние обыкнован човек»⁴⁰. Среди книг, подаренных Обрадовичем, вероятно, находилась и только что изданная в Венеции «Пијесна на инсурекцију Сербјанов», стих из которой — «Возстани Сербіе! давно се заспала» — Кайсаров процитировал в письме к Мушицкому, написанном вскоре после посещения Триеста⁴¹.

Пребывание в Сремских Карловцах, во Фрушкогорских монастырях, а затем в Триесте произвело на Кайсарова и Тургенева очень глубокое и приятное впечатление, пробудило у них самые горячие симпатии к сербам и их борьбе за национальное освобождение. О своей поездке они много рассказывали своим друзьям. «Щастью моему завидуют все земляки мои, — писал в 1805 г. Кайсаров из Геттингена Стратимировичу, — все бы они хотели узнать сербов после моего описания, которое все еще недостаточно для того, чтобы описать сей доброй, твердой народ во всей полноте»⁴².

После поездки по славянским землям Австрии Кайсаров и Тургенев вели переписку с Стратимировичем и Л. Мушицким по вопросам славянской филологии; запрашивали и получали сведения о ходе сербского восстания; поддерживали связи с образованными сербами, жившими и работавшими в России, стараясь оказывать им поддержку и помощь⁴³. Они задумали составить описание своего путешествия, но так и не выполнили этого намерения. «Сербы так близки моему сердцу, что я почитаю Срем вторым моим отечеством, — писал Кайсаров Стратимировичу в 1806 г., — кроме России нигде бы не хотел жить как между добрыми сербами...»⁴⁴.

³⁹ Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. «Архив братьев Тургеневых», вып. 4. Пг., 1915, стр. 53.

⁴⁰ А. С. Кайсаров — Л. Мушицкому 5 июля 1805 г. И. В. Я г и ч. Новые письма Добровского, Копитара и других югозападных славян. Сб. Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. 62, СПб., 1897, стр. 697.

⁴¹ А. С. Кайсаров — Л. Мушицкому 1 января 1805 г. Там же, стр. 695.

⁴² А. С. Кайсаров — С. Стратимировичу, б/д. «Архив братьев Тургеневых», вып. 4 стр. 91.

⁴³ И. В. Я г и ч. Там же, стр. 695—708, XC—XCII; о связях А. С. Тургенева с Г. Терлаичем, П. Соколовичем см.: там же, стр. XCI, 687; с А. Стойковичем — Д. И. Бага лей. Опыт истории Харьковского университета, т. I, Харьков, 1905, стр. 309—310.

⁴⁴ И. В. Я г и ч. Там же, стр. XCI.

Кайсаров и Тургенев несомненно способствовали распространению в дворянских кругах России сведений о сербах, симпатий к этому народу, как близкому к русскому по происхождению, языку и религии, ведущему героическую борьбу за национальное освобождение.

Вопрос о русско-сербских общественных связях в начале XIX в. пока слабо разработан в исторической литературе. Но даже изложенные нами материалы, которые не исчерпывают данной темы и относятся лишь к первому периоду Сербского восстания 1804—1813 гг., свидетельствует, что в это время среди дворянских кругов России значительно возрос интерес к сербам, их национально-освободительному движению и появилось немало приверженцев оказания действительной помощи повстанцам, создания самостоятельного сербского государства под покровительством России.

Это было следствием ряда причин: развития национально-освободительного движения югославянских народов; заинтересованности в привлечении балканских народов на сторону России в тяжелой и все обострявшейся борьбе с наполеоновской Францией; распространения среди русского господствующего класса традиций религиозного мессианизма; роста в начале XIX в. русского национального самосознания как составной части общеславянского самосознания; и, наконец, результатом расширения в этот период русско-сербских общественных связей.

Поэтому характерным явилось то обстоятельство, что в конкретных предложениях, касавшихся политики царского правительства в отношении югославянских народов, нередко учитывались и поддерживались политические стремления и требования, выдвигавшиеся самими сербскими общественными деятелями, рассчитывавшими получить поддержку и помощь со стороны России. А. А. Самборский, В. Н. Каразин, С. М. Броневский, так или иначе связанные с правительственными кругами России, пытались учесть и совместить с русскими внешнеполитическими интересами политическую программу, выдвигаемую самими сербскими общественными деятелями, руководителями восстания в Белградском пашалыке. Но в России были и люди, у которых общение с сербами, знакомство с общественно-политической обстановкой в югославянских землях порождало самые непосредственные симпатии к сербам как народу, близкому русскому по происхождению, языку и культуре, и сочувствие их героической борьбе за национальное освобождение.

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

ДАЛМАТИНСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО XIII—XIV вв. (По данным из Далматинской Хорватии)

XIII—XIV вв. в истории европейского города, в том числе и средиземноморского, были временем его подъема, бурного роста ремесленной базы широкого торгового обмена, накопления богатств и формирования городской культуры. Это были века расцвета коммунальной жизни, а для городов на восточном побережье Адриатики, для далматинских коммун — недолгим периодом их сравнительно независимого существования, короткой эпохой городской свободы, кончившейся с установлением венецианского господства в начале XV в. Естественно, что именно в эти два столетия город был в состоянии оказать наибольшее воздействие на окружающий сельский мир.

Каковы степень и формы этого воздействия? Как изменяется система поземельных отношений, форм зависимости под влиянием города? Приступая к решению этих достаточно традиционных вопросов, мы должны помнить о том, что сельский быт в Далмации в своих основных чертах построен по тем же образцам, что и быт крестьянства в глубинных районах полуострова. В этом отношении Далмация — своего рода «витрина» Балканского полуострова, оставившая массу исторических источников. Именно эта особенность Далмации превращает ее в весьма интересный объект для наблюдений, ибо перед нами — район старых и прочных общинных традиций, подвергающийся мощному воздействию рыночных импульсов.

Темой взаимосвязи города и села занимались югославские историки Б. Петранович, Г. Майр, Ч. Пеллегрини-Даниэли, П. Карлич, Г. Чремошник, М. Медини, С. Ожанич, И. Гргич, Г. Новак, А. Цвитанич¹. На дубровницком материале ее разрабатывали дель Ивельо, К. Войнович, Р. Груич, Д. Роллер, И. Лучич, Д. Динич-Кнежевич² и другие исследо-

¹ B. Petranović. O kmetstvu po srbskom uobičajnom pravu, po ustanovim Dušanova zakonika i po statutima dalmatinskih gradova. «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti» (далее — JAZU), knj. 30, 1875, s. 60—76; H. Ma yr. Das dalmatinische Kolonat. Wien, 1911; C. Pellegrini-Danielli. Sulla colonia dalmata. Zara, 1896; P. Karlič. Statut lige kotara ninskoga. «Vjesnik hrvatskog arheološkog društva», Nova serija, sv. XII, 1912, s. 287—298; G. Čremošnik. Vinogradarstvo i vino u Dalmaciji srednjeg veka. «Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu» (далее — GZMS), sv. 45, 1933, s. 15—38; St. Ožanić. Poljoprivreda u Dalmaciji u prošlosti. Split, 1955; M. Medini. O postanku i razvitku kmetških i težačkih odnošaja u Dalmaciji. Zadar, 1920; I. Grgić, Pabirci po dalmatinskoj agrarnoj historiji, «Zadarska revija» (далее — ZR), god. III, 1954, s. 124—133; G. Novak. Povijest Splita, knj. I. Split, 1955, s. 411—418; A. Cvitančić. Agrarno-pravni odnosi na otoku Braču u srednjem vijeku. «Zbornik radova posvećenih A. Vajsu», Beograd, 1966, s. 131—142.

² A. degl'Ivelliio. Saggio d'uno studio storico-critico sulla colonia e sul contadinaggio nel territorio di Ragusa. Dubrovnik, 1873; K. Vojnović. Sudbeno ustrojstvo Republike Dubrovačke. «Rad», knj. 108, s. 118 sq.; R. Grujić. Konavli pod raznim gospodarima od XIII go XV veka. «Spomenik Srpske kr. akademije», sv. 66, 1926,

ватели. Советские историки лишь в последние годы обратились к этой проблематике; в настоящее время имеются отдельные статьи, посвященные частным вопросам или локальным сюжетам³. Особо следует отметить книгу Ю. В. Бромлея о формировании феодализма в Хорватии⁴. Хотя это солидное исследование посвящено более раннему времени, оно значительно облегчает изучение далматинской деревни XIII—XIV вв. Работа Ю. В. Бромлея важна для нас в ряде отношений. Она позволяет установить высокую степень вовлечения крестьянства XI в. в товарно-денежные отношения, соотношение общинных угодий и аллодиальной собственности, преобладание в хорватской деревне домашней общины особого состава — фратриархальной большой семьи. Это исследование позволяет судить о степени имущественного и социального расслоения в деревне — этот процесс был далек от завершения и во второй половине XI в.; основную массу сельского населения в Далматинской Хорватии составляли свободные люди. Наконец, судя по наблюдениям Ю. В. Бромлея, формирование феодально-зависимого населения происходит в значительной степени за счет возникновения серважа; основная категория несвободных людей это *servi*, близкие к рабам и притом не патриархальным, но обладавшим хозяйственной самостоятельностью. Выводы автора дают прочную базу для сравнения, для сопоставления деревни XI и XIII—XIV вв.

Источники для изучения деревни указанного периода — нотариальные акты, изданные локальными собраниями (по городам)⁵, либо рассеянные по страницам многотомной публикации Т. Смичикласа⁶; коммунальное законодательство (городские статуты и дополнения к ним — «Реформации») ⁷; поземельная опись задарских окрестностей 1421—1436 гг. — «Задарский катастик»⁸.

Своеобразна производственная основа далматинской деревни, не имеющая единого хозяйственного профиля. Скотоводство, садоводство, виноградарство хорошо известны и остальной Европе, здесь теряют значение дополнительные занятия и становятся основой крестьянской деятельности, а промыслы — рыболовство и солеварение, морской извоз — входят в сферу деревенских интересов.]

s. 3—124; D. R o l l e r. Agrarno-proizvodni odnosi na području Dubrovačke republike od XIII do XV. stoljeća. Zagreb, 1955; D. D i n i ć. Utičaj kuge od 1348. na privреду Dubrovnika. «Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu», knj. V, 1960, s. 11—33.

³ А. Е. Москаленко. К вопросу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в. «Византийский временник», т. XIII, 1958, стр. 154—160; В. В. Захаров. К вопросу об аграрных отношениях в Задарском округе в XIII—XIV вв. «Вопросы истории славян», вып. 2, Воронеж, 1966, стр. 51—70; Н. П. Мананчикова. Ремесло, сельское хозяйство и торговля в Дубровнике по данным 1272 г. «Славянский сборник», вып. 1, исторический. Воронеж, 1958, стр. 43—49.

⁴ Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии (К изучению процесса классового образования у славян). М., 1964.

⁵ «Trogirski spomenici» («Monumenta Traguriensia»), ed. M. Barada (далее — MTS). В серии — «Monumenta spectantia historiam Slavorum Meridionalium» (далее — MSHSM), v. 44—46, Zagreb, 1948—1951; «Spisi zadarskih bilježnika Henrika i Creste Tarallo 1279 — 1308, ed. M. Zjajić. Zadar, 1959 (далее — SpT); M. Zjajić. Spisi šibenskog notara Slavogosta (далее — SpS). «Starine», knj. 44 (1952), str. 201—296.

⁶ Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, ed. T. Smičiklas (далее — CD), v. II—XV. Zagr., 1904—1934.

⁷ Статуты и «реформации»: Задара (далее — St. Jad., Ref. Jad., изданы в Венеции в 1564 г.), Шибеника (далее — St. Sib., Ref. Sib., изданы там же в 1608 г.), Трогира (далее — St. Trag., Ref. Trag. в серии «Monumenta historico-juridica Slavorum Meridionalium», далее — MHJSM, v. X, Zagr., 1915), Сплита (далее — St. Spal., Ref. Spal., MHJSM, v. II, 1878).

⁸ S. A n t o i j a k. Zadarski katastik 15. stoljeća. «Starine», knj. 42 (1950), s. 371—417.

Сады упоминаются в источниках X—XI вв.⁹, но только с первой трети XIII в. можно судить о широком развитии садоводства. Инжир (*ficus* — смоквы) заполняет городской рынок¹⁰, встречаются лимоны (*citroni*), апельсины (*melangoli*)¹¹ и гранаты¹²; разведение слив нашло отражение в сельской топонимике¹³; есть упоминания шелковицы и сладких рожков¹⁴, а яблоки встречаются повсеместно¹⁵. Сады или сплошными поясами, преимущественно в непосредственной близости к городу¹⁶, нередко плотным кольцом окружая городские предместья¹⁷. Создается впечатление, что садоводство — составная часть городской (точнее, пригородной) экономики.

Техника садоводства требовала, по-видимому, особой специализации. В источниках не встречается понятие «виноградарь» — это искусство было широко известно, а садовники (*ortulani*), напротив, обособились от остального населения, их причисляли к горожанам¹⁸. Возможно, что *ortus* включал в себя и сад и огород¹⁹, в этом случае деревья следовало высаживать на большом расстоянии друг от друга, и действительно, на участке почти в 0,40 га высаживалось всего 6 корней²⁰. Такая практика открывала перед земледельцами широкие дополнительные возможности и прежде всего — возможность высевать хлеб в междурядьях²¹.

Хотя культура оливок известна в Далмации также с раннего средневековья, эта отрасль деревенского производства только постепенно внедряется в жизнь села — еще в конце XIII в. акты сравнительно редко упоминают масличные рощи, а городское законодательство на рубеже XIII и XIV вв. настойчиво поощряет разведение оливок²², очевидно, возможности их распространения еще не были исчерпаны. Две черты, свойственные садоводству, характеризуют и оливководство — близость к городу и весьма редкие посадки деревьев. Например, в 1386 г. оливководы, у которых в массовом порядке скупают масло шибеникские купцы, явля-

⁹ Ю. В. Бромлей. Там же, стр. 96.

¹⁰ Арендные договоры обязывают арендатора часть сушеного инжира сдать земельному собственнику, а свежий разрешают есть свободно («съешь его с благословением божьим» — обычное выражение в грамотах), видимо, продать его на городском рынке было невозможно.

¹¹ Ref. Trag. I, 3.

¹² SpT, 100, s. 149.

¹³ Село Сливник около Задара. (N. Colak, Poljoprivreda zadarske komune u ranom srednjem vijeku. Radovi In-ta JAZU u Zadru (далее — RIZ), sv. 9 (1962), s. 170, nota 26).

¹⁴ S. Ožanić. Ibid., s. 197.

¹⁵ Разбить сад на деловом языке именовалось «plantare pomos» (TS, II, 228), сам сад назывался «terra pomis» (ibid.), договоры указывали, что арендатор может высаживать любые деревья, кроме яблонь (G. Novak, Ibid., s. 412), — яблоки считались фруктами низшего сорта.

¹⁶ CD, V, 58, 343, 493; VIII, 268, 399, 406; X, 921, 57, 347; XI, 165, 244; XV, 236; TS, I, 146, 225, 334; II, 35, 49, 57, 78, 84, 91, 94, 122, 124, 144, 155, 180, 204, 228.

¹⁷ В Шибенике, например, было запрещено на праздники держать открытыми корчмы, расположенные в городе, предместье и садах (Ref. Sib., 254). Сады упомянуты здесь как естественное продолжение города.

¹⁸ Ср. садовник (*ortulanus*) в списке сельских ремесленников в дер. Зеродол, (CD, VI, 218). Садовник торгует в мясной лавке (TS, III, 56), другой имеет лавку в Сплите (CD, V, 255).

¹⁹ Такую возможность для XI в. отметил Ю. В. Бромлей (стр. 96). Такие сады-огороды назывались *viridarii*.

²⁰ CD, IX, 328.

²¹ В соседней Италии, в наиболее близких к Далмации областях такая практика — высаживать деревья и лозы шпалерами, а между ними сеять хлеб — появляется именно в это время (В. В. Самаркин. Эволюция хозяйственных распорядков падуанской деревни в XII—XIV вв. «Вестник Московского университета», серия IX, история, 1966, стр. 50).

²² Ref. Trag., 12; St. Spal. Nov., 29; Ref. Spal., 13; St. Jad., III, 83; St. Sib., IV, 87; VI, 73.

ются, как правило, горожанами²³. Редкая посадка олив (настолько редкая, что понятие «пустошь» — *degrum* стало обозначением также и масличной рощи²⁴), позволяла широко засевать эти рощи зерновыми.

Мы специально остановились на вопросе о технике садоводства и оливководства, так как это важно для решения вопроса о существовании хлебопашества в этом районе. Своего хлеба в Далмации никогда не хватало, города жили на привозном хлебе²⁵. Но как было с деревней? Источники повествуют почти исключительно о вине и оливках. Значит ли это, что основными (или даже единственными) продуктами далматинской деревни были вино и фрукты, а хлеб даже на село приходилось возить со стороны?

Приведенные выше данные о культуре садоводства позволяют предполагать, что часть угодий, занятых зерновыми, просто ускользает от нашего внимания. Лишь случайно обнаруживается, что хлеб высевается на тех же площадях, которые заняты лозами и маслинами. Так, в земле монастыря св. Марии упоминается 1 гоняй земли, засаженный оливами и засеянный хлебом²⁶; иногда оговаривалось, что поле сдается под хлеб, но в нем одновременно могут быть высажены и деревья²⁷. В одном из дополнений к шибеникскому статуту (1434 г.) отмечается обычай сеять хлеб между плодовыми деревьями²⁸. Следует учесть и специфику наших источников — это, как правило, не поземельные описи, охватывающие всю сумму земельных площадей, а индивидуальные договоры, фиксирующие отношения в виноградарстве и садоводстве. В единственной дошедшей до нас сплошной описи — Задарском катастике 1421—1436 гг. соотношение угодий совершенно иное. В нем на первом месте называются не виноградники, а *terrae aratoriae*²⁹, что не оставляет сомнений в распространении хлебопашества даже вблизи городов. Далматинская деревня все же покупала хлеб; венецианские послы А. Дьедо и Б. Джустиниани в 1552 г. доносили своему правительству, что хлеба, производимого в Далмации, не хватает до нового урожая ни в городах³⁰, ни в сельских общинах³¹. Но это было характерно для чрезвычайного времени, для эпохи войн или неурожайных лет. В систематической покупке хлеба эта деревня, по-видимому, не нуждалась. Такого уровня специализации, чтобы постоянно приобретать хлеб в обмен на вино и фрукты, далматинская деревня не достигла.

И тем не менее нельзя недооценивать связи далматинского крестьянина с рынком, особенно имея в виду, что эта связь стимулировалась распространением сельских ремесел и промыслов³². Особенно широко было распространено сельское ткачество. Традиционный продукт деревенского балканского ремесла — грубые сукна «раша» и «склавина» вывозились не

²³ SpS, 8, 34, 38, 40, 42, 48, 49, 51, 82.

²⁴ На 1 гоняй (четверть *ga*) высаживалось 15—20 масличных корней; это значит, что расстояние между деревьями равнялось 12—15 м.

²⁵ М. М. Фрейденберг. Торговля далматинского города в XIII—XIV вв., «Советское славноведение», 1967, № 2, стр. 28—29.

²⁶ CD, VI, 415.

²⁷ CD, VIII, 295.

²⁸ Ref. Sib., 234.

²⁹ S. Antoljak. Ibid., s. 391 sq.

³⁰ Задару, например, своего хлеба хватает на 8 месяцев, Шибенику и Трогиру — на 6, Сплиту — на 4. («Commissiones et relationes venetae», III, ed. S. Ljubić. MSHSM, v. II (1880); S. Ožanić. Ibid., s. 23—24).

³¹ Те же А. Дьедо и Б. Джустиниани отмечают, что на острове Брач, где в XVI в. хлеба хватало лишь на 2 месяца, раньше его хватало на 9—10 месяцев.

³² О подобном же широко распространении сельских ремесел и в сходном районе, на периферии Солуни, см.: Н. К. Кондов. Селското занаятчйство в областта на Долна Струма през първата половина на XIV век. «Зборник радова Византолошког института САНУ», кн. VIII, 2. Београд, 1964, стр. 191—208.

только из глубин полуострова, но и с самого побережья³³, на некоторых островах в каждом доме имелся ткацкий станок³⁴. «Раша» широко изготовлялась в Далмации еще в конце XVIII в.³⁵, недаром сукновальные мельницы («ступы») в сплитском округе использовались главным образом крестьянами³⁶. Далматинская деревня знает и кузнецов³⁷, которые по своему положению мало чем отличались от кузнецов в соседней Боснии³⁸. Многочисленны мельники; и хотя они работали на мельницах, зачастую принадлежащих горожанам, их следует отнести преимущественно к числу сельских мастеров: в городе они насчитывались единицами, в деревне — сотнями³⁹. Густота городов в Далмации не была помехой существованию сельского ремесла: так, в с. Зеродол были два сапожника, мясник, бочар⁴⁰. А между тем Зеродол находится в трех км от Задара и мог полностью снабжать себя городскими товарами.

Сельское ремесло иногда почти вытесняло городское. Так произошло с гончарным делом, которое, судя по источникам, полностью отсутствовало в городах. Объяснить этот факт помогают поздние этнографические свидетельства. Аббат А. Фортис, посетивший Далмацию в конце XVIII в., засвидетельствовал, что во многих селах развито гончарное ремесло и грубые горшки, обожженные в полевых печах, хороши и прочны⁴¹. «Гончарное ремесло весьма часто встречается в загорских (morlačkim)⁴² селах» — писал И. Ловрич в 1776 г.⁴³. До сих пор этнографы отмечают сохранение здесь ручного гончарного круга, характерного для сельского ремесла⁴⁴,

³³ V. Brunelli. Storia di Zara. Il comune in sul finire dei tempi di mezzo. «Archivio storico per la Dalmazia» (далее — ASD), anno XIX (1935), fasc. 110, p. 69.

³⁴ Н. Беритич установила это по описям имущества с острова Лопуд, вблизи Дубровника. N. Beritić. Prilog poznavanju unutrašnjosti lopudske kuće XVI stoljeća. «Anali Historijskog instituta u Dubrovniku» (далее — AHID), god. III (1954), s. 500.

³⁵ G. Novak. Dalmacija godine 1775/6 gledana očima jednog suvremenika. «Starine», knj. 49, 1959, s. 22—23; A. Koludrović. U kući jednog kaštelanskog seljaka 1740 god. ZR, 1963, № 5, s. 409, nota 14.

³⁶ L. Katić. Solinski mlinovi u prošlosti. «Starohrvatska prosvjeta» (далее — SP), sv. 2, 1952, s. 216. Из пяти случаев продажи или сдачи в аренду сукновальных мельниц в четырех в качестве контрагентов названы крестьяне. Далматинские села знали также производство полотна; латинские источники называют его славянским словом «pladne», подтверждая тем самым его сельское происхождение. G. Praga. Testi volgari spatinati dei Trecento. «Atti e memorie della Societa dalmata di storia patria» (далее — AeM), v. II. Zara, 1927, № 12.

³⁷ Б. Д. Греков. Полица. М., 1951, стр. 273; А. Е. Москаленко. Ремесло и промыслы в г. Сплите в XIII—XIV вв. Труды историко-филологического факультета Воронежского университета, т. 38, 1955, стр. 53.

³⁸ Ср. сс. Ковачичи, Ковачевцы, Ковачево Поле в Боснии. (Д. Ковачевић. Прилог проучavaњу занатства у средњовековној Босни. «Годишњак Историског друштва Босне и Херцеговине» (далее — ГИД БиХ), год. X. Сарајево, 1959, стр. 279—295). О том, как выглядела сельская кузница, рассказали раскопки в Султиче (Босния). Небольшой дом служил одновременно жилищем, кухней и мастерской, рядом была расположена небольшая мельница — все вместе представляло обособленный ремесленный комплекс. Здесь найдены семь ножей, части косы и пилы, обух топора, остатки гвоздей (P. Anđelić. Dva srednjevjekovna nalaza iz Sultića kod Konjica. GZMS, Arheologija, XIV, 1959, s. 211—214).

³⁹ Так, в Задаре, в конце XVIII в. отмечено лишь четыре мельника (2,4% числа всех ремесленников в городе), а на периферии, правда, в более позднее время насчитывалось 227 мельниц (A. Benvenuti. Storia di Zara dal 1409—1797. Milano, p. 346).

⁴⁰ CD, VI, 219.

⁴¹ S. Kulišić. Iz putopisa Alberta Fortisa. GZMS, Etnologija, XIII, 1958, s. 82.

⁴² Загорье — часть Далмации.

⁴³ I. Lovrić. Bilješke o putu po Dalmaciji opata A. Fortisa. Zagreb, 1948, s. 139.

⁴⁴ A. Kalmet. O seljačkom lončarstvu u zapadnoj Bosni. GZMS, XI, 1951, s. 165—166; С. Dj. Поповић. Tehnika primitivnog lončarstva u Jugoslaviji. GZMS, Etnologija, XIV, 1959, s. 37.

а также обжига посуды в самых примитивных условиях, даже без применения печей⁴⁵. Легкость обжига, вековые традиции, наличие в деревнях глин, мрамора и кальцита и превратили гончарное дело в типично сельское ремесло, которого город в Далмации не знал.

Добыча соли была распространена в Далмации почти повсеместно. В XIV—XV вв. соль стала основным продуктом далматинского экспорта на европейский рынок. Организация соледобычи требовала массового притока сезонных работников, для которых на салинах возводились временные дощатые дома⁴⁶. Эти пришлые люди не отрывались от своих занятий, не становились профессиональными солеварами; источники XIII—XIV вв. вообще не знают термина для обозначения понятия «солевар»⁴⁷. Не исключено, что часть сезонных работников на салинах поставлял город, но и деревня не оставалась в стороне (хоть и в меньшей степени: работы по выпарке соли производились в самую горячую для крестьянина пору — с апреля по сентябрь). Наконец, рыболовство и мелкий прибрежный извоз в этом краю, где баркасы и шаланды служили основным средством перевозки, дополняли перечень побочных занятий крестьянина.

Многочисленные ремесла и промыслы, входившие в сферу хозяйственной деятельности далматинского крестьянина, тесно связывали его с рынком. Естественно было бы ожидать, что и социальные отношения в Далмации испытали на себе воздействие городского рынка.

Проблема эксплуатации далматинского крестьянина вызывает у историков особый интерес⁴⁸. Может быть, это вызвано тем, что система этой эксплуатации, претерпев ряд изменений на протяжении столетий, весьма своеобразна; это — так называемый колонат. Колон — свободный крестьянин, арендующий участок земли, чаще всего под закладку виноградника или оливковой рощи, поэтому колонат нередко сближают с арендой. Колонов можно было встретить и в плодородных Равнинах Котарах под Задаром, и на болотистых окраинах Сплита и Трогира, и на каменистых склонах вблизи Дубровника. Такая универсальная распространенность заставляет отыскивать общность, вкладываемую в понятие «колонат» в разных районах далматинского побережья. Если мы колонат считаем арендой, то неизбежно возникает вопрос, не является ли он следствием развития новых, капиталистических отношений, следствием которых часто является аренда? А имеющиеся в колонате черты сходства с *испольциной* (половничеством, итал. *mezzadria*, когда землевладелец принимает участие в сельскохозяйственных расходах крестьянина) делают это вопрос еще более настоятельным. Хорошо известно, что Маркс характеризовал *испольцину* как «... переходную форму от первоначальной формы ренты к капиталистической ренте»⁴⁹. Наконец, еще один вопрос: что отличает колонат, являющийся ведущим, но не единственным типом поземельных отношений в Далмации, от других систем эксплуатации крестьянства?

Термин «колон» может вызывать античные ассоциации. Предупредим сразу же: никакой связи между античным колонатом и средневековым в Далмации не существует. Самые ранние свидетельства о колонате здесь

⁴⁵ I. M o g o v i ć. Prilog poznavanju seljačke keramičke produkcije iz Potravlja kod Sinja. «Vjesnik sa arheologiju i historiju dalmatinsku» (далее — VAHD), sv. 60, 1963, s. 146—147.

⁴⁶ Зимой они пустовали, их растаскивали окрестные жители (Ref. Sib., 202; MHJSM, V, 243—246, 251).

⁴⁷ Этот термин «*carter o sia salizador*» появляется только в начале XVI в. («Starine», knj. 42, 1949, s. 315).

⁴⁸ Например, М. М е d и н и. Ibid.

⁴⁹ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 25, ч. II, стр. 367.

относятся лишь к концу XI в.⁵⁰, а сам термин *colonus* появляется только в XII в.⁵¹; он появился здесь, по-видимому, благодаря итальянским нотариам. В Далмации вообще нет никаких следов существования античного колоната и это, по нашему мнению, объясняется тем, что колонат, присущий рабовладельческому поместью, был уничтожен вместе с этим поместьем во время переселения варваров на Балканы⁵². Деревня в прибрежной Хорватии в отличие от села на Западе Европы (Галлия) или на востоке Балканского полуострова (Фракия, Греция), полностью изменила свой социальный облик, освободившись от крупного землевладения и античных форм эксплуатации. Только этим радикальным перерождением деревни можно, кстати, объяснить такое широкое распространение большесемейных и общинных порядков в этом районе. Формируясь, таким образом, вне всякой связи с античным или раннесредневековым (VIII—XI вв.) колонатом, с личной зависимостью крестьянина и его прикреплением к земле, далматинский колонат с самого начала возникает как держание лично свободного крестьянина.

Сделаем необходимую оговорку — далматинский колонат несхож не только с античным колонатом, но и с пред-капиталистической (а тем более, капиталистической) арендой, несмотря на то, что колон нередко снимает землю на короткие сроки. Как известно, эти сроки нужны земельному собственнику для того, чтобы часто менять условия аренды в зависимости от требований рынка. В Далмации ничего подобного обнаружить не удастся. Дело в том, что краткосрочная аренда появляется слишком рано; уже в середине XIII в. в Трогире она выступает в качестве устоявшегося института, а товарные отношения в Трогире этого времени развиты еще далеко недостаточно. Кроме того, основной формой арендных отношений в Далмации является не краткосрочная, а долгосрочная аренда.

В этом случае крестьянин получает в обработку пустующий участок земли, на котором он должен заложить (*plantare, pastinare*, отсюда и название договора *ad pastinandum*) виноградник, оливковую рощу или сад. Ситуации, связанные с закладкой виноградника, разнообразны. Так, в одном случае срок действия арендного договора делился на две части — первые 1—5 лет (разбивка виноградника и выращивание лозы) и последующее время «пока лозы плодоносят» (*donec vites durabunt*), т. е. практически очень долго⁵³. Первый срок обособлялся для того, чтобы землевладелец мог проверить, добросовестно ли колон справился с разбивкой виноградника. В другом случае землевладелец авансировал колону строго определенную сумму на разбивку виноградника, чаще всего 15—20 сольдинов на 1 вретен⁵⁴. Этот аванс представлял собой не что иное, как форму участия землевладельца в производственных расходах крестьянина, нечто вроде «части капитала», которую Маркс отмечал в испольщине.

Но основная форма долгосрочной аренды (она принята не в Сплите, Трогире или Шибенике, а в окрестностях Задара) состоит в том, что крестьянин обязуется вступить во владение землей сразу же с момента разбивки на ней виноградника без всякого денежного аванса и с правом передать свои насаждения по наследству. Таким образом, перед нами та вечно-наследственная аренда, которая известна под названием *эмфитев-*

⁵⁰ Ю. В. Бромлей. Там же, стр. 368—369.

⁵¹ Там же, стр. 366—367.

⁵² До славян через Далмацию прошли массы германских племен, в первую очередь, готов. (J. K o v a č e v i ć. Arheologija i istorija varvarske kolonizacije južnoslovenskih oblasti od IV do početka VII veka. Novi Sad, 1960.)

⁵³ Лоза плодоносит около 60, а при регулярном омолаживании — до 100 лет.

⁵⁴ Чрезвычайно трудно определить, велика или мала эта сумма, т. е. какую долю сельскохозяйственных расходов брал на себя землевладелец. Для ориентировочного сравнения укажем, что галета (21—25 литров) вина стояла от 2 до 10 сольдинов.

зиса. Ее характерной чертой является устойчивость прав зависимого крестьянина на свой надел, длительность (наследственный характер) этих прав, характерные для феодального держания.

Сходным образом мы можем трактовать еще одну черту колоната — хозяйственную самостоятельность колона-арендатора. Известно, что по условиям испольщины, столь близкой к колонату, земельный собственник в Италии получал право вмешиваться в производственную деятельность крестьянина, контролируя сроки работ, размер и распределение продукции, расходование средств⁵⁵. Это право обособывалось тем участием, которое землевладелец принимал в производственных расходах крестьянина-половника. Ничего подобного мы не наблюдаем в Далмации, где экономическая независимость колона служит еще одним доказательством средневековой природы колоната.

Таким образом, хотя формально колонат и является арендой, в нем нет ничего общего с капиталистической (или предкапиталистической) арендой поздней поры. Мы вправе считать его одной из разновидностей феодального держания.

Но это феодальное держание весьма своеобразно. Ряд черт доказывает, что оно сформировалось в особых условиях. Одной из них является личная свобода колона. Даже сословная неполноправность выражается здесь в скрытой форме, она не более значительна, чем неполноправность рядового горожанина по отношению к городскому патрицию. Это юридическое равенство землевладельца и колона с особенной яркостью выступает при заключении арендного договора, в котором оба действуют в качестве равноправных контрагентов.

Второй отличительной чертой является отчетливо просматриваемая связь колонского держания с рынком. Во всех арендных договорах предусматривается, что колон сможет продать свою долю урожая на городском рынке: чинш в этом случае коммунтируется. Но даже если бы этой оговорки не существовало, связь колона с рынком была бы неминуема. Ведь колонат никогда не применялся в хлебопашеском производстве, где была допустима натуральная замкнутость. Колон трудился, как правило, в виноградарстве и садоводстве, где продукт никак не мог быть употреблен производителем, а должен был быть неизбежно выброшен на рынок.

Третьей особенностью является размер и характер используемых колонном земельных площадей. Они, как правило, невелики (выше мы упоминали об этом), равняются полутора—четырем гоньям и представляют собой разрозненные парцеллы — ресие, как их называют источники. Вот эта разрозненность земельных площадей является, на наш взгляд, результатом активной мобилизации земли вокруг города. Во всяком случае чем дальше от города, тем эта распыленность площадей слабее.

Таким образом, колонат является особой формой феодального держания, сформировавшегося в окрестностях города и под воздействием городских отношений. Это воздействие пусть не прямо, но достаточно выразительно иллюстрируется строением ренты. В ее составе нет отработочных повинностей и это вполне естественно, ибо колон свободен от личной зависимости. Отсутствует как постоянная категория и денежная рента: ее появление является скорее теоретической возможностью, чем реальностью. По существу единственной, принятой на колонских держаниях формой ренты является натуральный чинш из доли урожая. Натуральная, не коммунтированная рента в непосредственной близости к городскому рынку? Нет ли здесь элемента случайности? Наблюдения, про-

⁵⁵ Л. А. Котельникова. Итальянское крестьянство и город XI—XIV вв. М., 1967, стр. 246.

веденные Л. А. Котельниковой на итальянском материале, доказали, что одним из результатов развития товарно-денежных отношений в городе, является господство именно ренты продуктами, а вовсе не коммутация повинностей. Город с его неземледельческим населением требовал все большего числа сельскохозяйственных продуктов, и этой потребности отвечал рост натуральных чиншей⁵⁶. Подобную тенденцию мы можем отметить и в далматинской деревне.

Но если колонат является следствием воздействия города на окрестную деревню, то естествен вопрос, как велико было это воздействие, насколько способен был город преобразовать окружающий его сельский мир?

В этой связи представляют интерес наблюдения над характером личного статуса колона. Этот статус, как мы видели, отличается свободой, но какого происхождения эта свобода? Она вполне могла бы быть результатом освобождения от личной зависимости, подобно личной свободе английских копигольдеров или французских цензитариев XV в., пришедшей на смену вилланству или серважу. Но это не так. У нас нет доказательств того, что появлению колонов в далматинской деревне предшествует существование сколько-нибудь значительного слоя зависимых крестьян. Правда, далматинская деревня XI в. знает сервов⁵⁷, но они встречались здесь далеко не везде (главным образом, в окрестностях Сплита) и составляли лишь малую долю сельского населения. Значительная часть этого населения в XI в., как справедливо отмечает Ю. В. Бромлей, состояла из свободных общинников⁵⁸, а уже с первых десятилетий XIII в. начинается самое широкое распространение присущей колонату личной свободы. Таким образом, свобода колона является результатом не перестройки поземельных отношений, а консервации прежде существовавших здесь порядков. Судить о влиянии города на этот процесс по характеру существующих здесь форм крестьянской зависимости, мы, таким образом, не можем. Об этом можно судить по иным данным — по степени территориальной распространенности колоната.

Арендные договоры, оформляющие отношения колона с землевладельцем, заключаются только в рамках городского нотариата. На какую же территорию простиралась компетенция городских нотарииев из Задара? С формальной точки зрения правом оформить сделку в городской курии пользовался каждый житель обширного задарского дистрикта⁵⁹, но анализ нескольких сотен сохранившихся грамот показывает, что чаще других этим правом пользовались жители деревень Дикло, Петрчане, Црно Брдо, Зеродол, Мурвица, Боканяц, Миранье, Бабин дуб, Сукошан, составляющих, так сказать, ближнюю периферию Задара. Таким образом, именно здесь — на ближних подступах к городу, где воздействие рынка и денежных отношений было особенно заметно, мы и встречаем колонат в качестве преобладающей формы земельного держания. Сомневаться в этом не приходится, совпадение двух сфер — воздействия города и распространения колоната — зримо подтверждается топографическими свидетельствами.

Можно ли назвать сильным воздействие города? Полоса, на которой под этим воздействием изменились аграрные отношения, т. е. возник колонат, в окрестностях Задара равняется 10—15 км; за ее пределами по-

⁵⁶ Л. А. Котельникова. Там же, гл. I.

⁵⁷ Ю. В. Бромлей. Там же, стр. 322.

⁵⁸ «Об этом прежде всего свидетельствует значительный удельный вес социального уклада, представленного свободными общинниками-аллодистами» (там же, стр. 384).

⁵⁹ О его размерах см.: I. В е u с. Statut zadarske komune iz 1305 godine. «Vjesnik državnog arhiva u Rijeci» (далее — VДАР), sv. II, 1954, s. 522—540.

земельные отношения принимают совершенно иной вид — влияние города кончается. Это, разумеется, очень немного. Это, по существу, зона городских виноградников, куда задартинцы в летнюю пору отправлялись каждый день на работу с тем, чтобы к вечеру вернуться назад.

За пределами этой полосы мы встречаем иной тип поземельных отношений, иную систему рент, иные социальные слои. Представителем этой новой прослойки явился так называемый кмет (*kmet, villanus, iobagio*). Уже первые грамоты о кметах рисуют основные особенности этого рода зависимости. Так, в 1289 г. Марк Становеш становится кметом задарского патриция Михи Матафаро, получая от него «один надел ... как и остальные вилланы этой деревни» и безвозвратную ссуду в 4 либры на постройку дома⁶⁰. На сходных условиях возобновляют свои держания кметы монастыря св. Марии в с. Обровац, обязуясь ежегодно вносить по 11 модиев зерна, 2 курицы и половине барана с надела. Крестьяне находятся под судебной защитой монастыря — монахи становятся «защитницами и покровительницами» (*defensores et protectores*) крестьян⁶¹.

Таким образом, кметское держание обладает рядом особых признаков. Прежде всего кмет находится в значительно большей поземельной зависимости от землевладельца, чем колон: последний снимал лишь 1,5—4 гонья виноградника, поэтому можно смело предполагать, что у него имелась и собственная земля, ибо с 0,36—1,0 га виноградника крестьянской семье прожить невозможно. Кмет держит целый надел⁶² пахотных, т. е. особо ценных в хозяйственном смысле угодий. Повсюду в Далмации — в Шибенике⁶³, Новиграде⁶⁴, на землях Дубровницкой республики⁶⁵ мы наблюдаем это предоставление кмету пахотной земли землевладельцем.

Кмет получал от крупного собственника не только пашню, но и дом с приусадебным участком (или ссуду на возведение дома)⁶⁶, это вторая отличительная черта кметства — меньшая (по сравнению с колоном) степень его хозяйственной самостоятельности. Кмет не приобретал никаких прочных прав на возделываемую землю; уходя, он должен был оставить собственнику все возведенные им постройки⁶⁷. Про право же продажи земли (или насаждений) кметские договоры даже не упоминают.

Формально кмет сохраняет и личную свободу и свободу перехода, но эта свобода подвергается значительным ограничениям. Так, монахи монастыря св. Марии, становясь «защитницами и покровительницами» своих кметов, присваивают себе какие-то судебные функции. В Задаре господин может в отдельных случаях отобрать урожай у кмета⁶⁸ или выступить вместо него на суде. В Задарском дистрикте отдельные вотчинники имели право на сбор всех судебных штрафов в принадлежащих им селах⁶⁹ —

⁶⁰ SpT, 22, s. 108.

⁶¹ CD, VII, s. 273—274.

⁶² Чаще всего надел равнялся 30 (CD, X, 265, 298; XI, 106) или даже 32 гоньям. «Novigradski zbornik». М. В а г а д а. Starohrvatska seoska zajednica. Zagreb, 1957, s. 147—177 (далее — NZ, § 6 а—с), т. е. 7,0—7,5 га. Это удивительно совпадает с тем, что наблюдалось в соседних областях Италии (В. В. С а м а р к и н. Эволюция хозяйственных распорядков, стр. 48, прим. 5). Впрочем, иногда надел составлял лишь 20 (CD, X, 531; XIII, 314) и даже 15 гоньяев (CD, XII, 246).

⁶³ CD, VIII, 274.

⁶⁴ NZ, § 6 с.

⁶⁵ D. R o l l e r, Ibid., все исследователи внутренней истории Дубровника сходятся на том, что получение надела от земельного собственника было отличительным признаком кметства (J. L u č i ć. Dokumenti o počecima kmetstva, s. 214 sq).

⁶⁶ Так было в Задаре (CD, VII, 274) и в Шибенике (Ref. Sib., 274).

⁶⁷ CD, VII, 274.

⁶⁸ Ref. Jad., 65, 106, 107.

⁶⁹ «Habere debet omnes et singulas condemnationes factas per iudices dicti loci», «Zadarski katastik», s. 397.

признак сосредоточения в их руках судебного иммунитета. В Шибенике землевладелец имел право суда над villаном по искам до 10 либр⁷⁰.

Весьма существенны отличия между кметством и арендой в области рентных отношений. Кмет вносил, может быть, и меньшую, строго фиксированную ренту, чем колон (особенно исполщик). Но зато кмет обязан делать многочисленные «почетные приношения»⁷¹, свидетельствующие о какой-то его личной несвободе и известной неполноправности. Особенно выразительно характеризует положение кмета барщина. И в описи XV в. (Задарский катастик) и в своде обычного права XVI в. (Новиградский сборник) упоминается отработочная повинность — «згон»⁷².

Все эти особенности кметского держания — большая поземельная зависимость, меньшая хозяйственная самостоятельность, известная неполноправность, превращающая кмета в барщинника, объясняются, по меньшей мере, двумя факторами. Во-первых, воздействием вотчины, и притом еще крепкой вотчины, не испытавшей тенденции к разложению. Ее владелец обладает сеньориальной властью, фондом домениальных земель, где может быть применен барщинный труд, вотчинной администрацией, способной держать под своим контролем хозяйство кмета. И, во-вторых, связью с общиной, в частности, с надельной системой. Эта связь предполагала, что крестьянин, обязанный поддерживать свое хозяйство (а зависимый — вдобавок и выполнять повинности) не в непосредственной близости к городскому рынку, а в сельских условиях, должен быть обеспечен всем необходимым. Поэтому зависимому крестьянину-кмету и предоставлялся общинный надел. Недаром кметство находит наиболее широкое распространение именно там, где еще сохранился фонд общинных земель⁷³.

Итак, мы вправе судить о том, что в средневековой далматинской деревне всегда существовал ряд сельских ремесел и промыслов — ткацкое, гончарное, частично кузнечное дело, рыболовство и добыча соли. Тем самым производство этой деревни, которому и без того был свойствен товарный характер, ибо крестьянин здесь был прежде всего виноградарем, оливководом и садоводом, утрачивало чисто сельскохозяйственный и приобретало промысловый, полугородской характер. В этих условиях город переставал быть единственным средоточием промышленного труда, им занималась также вся близлежащая приморская округа, а взаимодействие между городом и деревней переставало сводиться к обмену ремесленных изделий на сельскохозяйственные продукты в рамках городского рынка. Оно становилось значительно сложнее. Условно город и деревню в Далмации можно рассматривать не столько в качестве двух обособившихся и вступивших в обмен друг с другом производственных сфер, сколько в качестве составных частей одной сферы товарного производства, ориентированного на внешний, главным образом итальянский, рынок.

⁷⁰ Ref. Sib., 27.

⁷¹ 2 курицы и полбарана вносил каждый кмет, 2 свиньи и 2 коровы — все село во владениях монастыря св. Марии (CD, VII, 273); 3 «подарка» по 8 сольд. каждый — в окрестностях Новиграда (Kat., 394); 6 хлебов, колбасу, бараний бок, 7 яиц, курицу и 3 меры вина — в округе Любы (Kat., 397).

⁷² Впрочем «згон» можно рассматривать и как домен (см.: M. V a g a d a. Starohrvatska seoska zajednica, s. 134—136), что не меняет сущности этого института. В округе Любы каждый кмет должен был ежегодно обрабатывать 1 гоний пашни, а сверх того выполнять 12-дневную барщину (Kat., 396). В Новиграде же кмет пахал участок господской пашни, засеивал его, жал, обмолачивал, свозил на господский двор, 4 дня в году работал на винограднике, убирал солому и выполнял извозную повинность (NZ, § 6).

⁷³ М. М. Ф р е й д е н б е р г. Далматинская деревня в сфере воздействия города в XIII—XIV веках. «Тезисы докладов и сообщений Восьмой (Московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». М., 1965, стр. 17.

Поземельные отношения в Далмации XIII—XIV вв. характеризуются наличием двух типов зависимого держания, двух систем эксплуатации — колоната и кметства. Обе системы резко отличаются друг от друга, во-первых, тем, что они строго разграничены территориально, каждая из них занимает определенный район, колонат преобладает вблизи города, кметство — на его дальней периферии. И, во-вторых, в различии обеих систем земельного держания отчетливо выступает роль центра, создающего данную систему эксплуатации, феодальной вотчины для кметства, города — для колоната. Между этими системами нет формационного различия, мы не считаем возможным видеть в колонате предкапиталистические черты, присущие, например, итальянской медзадрии (испольщине). Но типологическое различие здесь несомненно — далматинский колонат является пригородным держанием, сформировавшимся в непосредственной близости к городу и под его воздействием.

Г. Л. МАТЬКОВСКАЯ

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Проблема национальной адаптации (локализации) переводной литературы недостаточно разработана в советском литературоведении.

В ряде монографий и статей о взаимодействии и взаимовлиянии различных национальных литератур приводится фактический материал русификации, украинизации, сербизации, японизации, румынизации, бирманизации, при этом локализация нередко трактуется как выражение определенного этапа в развитии национальных литератур или же как отражение потребностей национального читателя в данный исторический период. В объяснении характера локализации выявляются противоположные точки зрения: одни считают ее явлением закономерным и исторически оправданным, другие — ее отрицают.

Как правило, в понятие локализации вкладывается либо замена существующих в оригинале имен и географических названий национальными, либо внесение в перевод национального языкового колорита, или сочетание этих двух моментов. Во всех случаях мы имеем дело с тенденцией ориентировки переводчика на читателя-соотечественника. Без этого основного фактора невозможно понять ни причин, ни характера приспособлений переводов к национальным условиям.

В настоящей статье рассматривается материал албанской, болгарской, отчасти югославской переводных литератур — с целью выяснения специфических условий, в которых происходит приспособление переводов художественной литературы к потребностям и особенностям национального читателя¹.

Процесс локализации литературы в Албании (будем называть ее албанизация) совершается в конце XIX — первых трех десятилетиях XX в., в

¹ Проблема локализации переводов почти не поставлена в албанском и югославском литературоведении. Можно назвать всего несколько работ, посвященных взаимосвязям национальных литератур, в которых есть лишь упоминание о национальной адаптации переводов: И. Бадалич. Русские писатели в Югославии. Из истории русско-югославских литературных связей. Перевод с хорватского, М., «Прогресс», 1966; М. Бабовић. Превођење «Слова о полку Игореве» код Југословена. «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», Београд, 1963, св. 1—2, стр. 187—208; N. V a n g j e l i. Mbi përktimin në gjuhën shqipe të disa poezive të I. W. Goethe-s prej Hil Mosit. «Studime filologjike», 1966, № 4, f. 167—183.

Наиболее исследованным является вопрос о национальной адаптации болгарских переводов периода Возрождения. Д. Леков. Българската преводна белетристика и «побългаряването» през Възраждането. Лит. мисъл, 1967, № 1, стр. 77—94; Е. Метева. Творчество Карамзина и патристические тенденции болгарской литературы. «Славистични изследвания», Сборник посветен на VI Междунар. славистичен конгрес. София, 1968, стр. 389—399; Ст. Минчев. Из историята на българския роман. Побългаряване на чужди произведения. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XXVI, Нова редица, кн. VIII, 1910—1911. Дялът историко-филологичен и фолклорен. София, 1912, стр. 1—88.

период, когда для многих европейских, в том числе балканских стран, она была уже пройденным этапом. В связи с общей культурной отсталостью страны, с безграмотностью подавляющего большинства населения, перед немногочисленной албанской передовой интеллигенцией как в самой Албании, так и в колониях албанских эмигрантов в других странах (Болгарии, Румынии, США, Египте и др.) стояла важная задача — распространение культуры и просвещения среди народа. В этом смысле локализация, делавшая более или менее доступными албанскому читателю произведения иностранных литератур, способствовала просвещению и культурному развитию в Албании.

Во второй половине XIX в. на смену переводной церковной литературе с латинского, греческого, турецкого и арабского языков шли переводы западноевропейской художественной литературы на албанский язык. Некоторые из них подвергались переводчиками албанизации, вытекающей из задач и потребностей данного исторического момента.

В эпоху национального Возрождения происходит бурный подъем национального самосознания албанцев. На общественной арене появляются крупные писатели, переводчики — Васо Шкодрани, братья Сами и Наим Фрашери, Константин Кристофориди, Андон Зако-Чаюпи, Папа Кристо Неговани, сыгравшие большую роль в создании албанской национальной культуры и литературы.

Главной тенденцией развития как оригинальной, так и переводной литературы в этот период было отражение идей национально-освободительной борьбы. В частности, это обстоятельство своеобразно сказалось в албанских переводах басен Лафонтена, к которым почти одновременно обращаются Н. Фрашери, А. Зако-Чаюпи, П. К. Неговани. Локализация албанскими поэтами-патриотами басен Лафонтена при жестокой турецкой цензуре доносила до читателя идеи национально-освободительного движения. Позже, в 20-е годы XX в., А. Зако-Чаюпи отмечал, что его переводы были вызваны желанием внушить читателю, что каждый албанец должен действовать в интересах своей страны, своего родного языка².

Именно из интересов албанского читателя, необходимости пробуждения в нем патриотических чувств исходили переводчики, приспособлявая как форму, так и содержание басен Лафонтена к албанской жизни. При этом степень и оттенки албанизации у отдельных переводчиков были различны. Так, переводы басен Лафонтена, сделанные Н. Фрашери³, по содержанию близки оригиналу: албанский национальный колорит выступает только в албанских пословицах, поговорах, выражениях. Нескольким переведенным басням, в которых остро критиковались общечеловеческие недостатки и из которых вытекала мораль, что человек должен быть тружеником, не делать зла другому, но и не терпеть насилия, стремиться к свободе, были включены в сборник «Стихи для первых школ»⁴. Сборник предназначался для албанских начальных школ, впервые открывшихся в конце XIX в. благодаря усилиям патриотов.

Начиная с 1902 г. большое количество басен Лафонтена переводит на албанский язык А. Зако-Чаюпи. Так же, как и переводы Н. Фрашери, его переводы приняли народную албанскую окраску. Но в отличие от Н. Фрашери, А. Зако-Чаюпи насыщает переводимые им басни мотивами албанской жизни: короля заменяет турецким султаном, Олимп — Томором (албанские горы), вводит в басни Влору, Янину (албанские города). Это можно наблюдать в переводе басен «Дракон со многими головами и дракон

² S a j u r i. Përralat la Fontenit. Kairo, 1921.

³ Впервые опубликованы в журнале «Drita — Dituria» — органе Стамбульского общества, основанного албанскими патриотами, проживавшими в Турции.

⁴ «Vjershat për mësonjëtoret të para». Bukuresht, 1886.

со многими хвостами», «Орел и жук», «Обезьяна и дельфин». В отборе басен для передачи на родной язык Чаюпи шел дальше и смелее, чем Н. Фрашери. Его особенно привлекали лафонтоновские выпады против всемогущих королей, корыстных судей, осуждение неравенства, — словом, все то, что было созвучно размышлениям о судьбах Албании, угнетенной жадными и жестокими турецкими султанами и феодалами.

Внося резкие изменения в сюжет и мораль басен Лафонтена, ставит вопросы албанского национально-освободительного движения П. К. Неговани (начало XX в.). Так, в басне «Дракон и дикий олень» он призывает к укреплению братства между албанцами в общей борьбе против турок, в басне «Курица и ласточка» выступает против шовинистической греческой церкви, наносящей вред единству албанского народа⁵. Кстати, в своих оригинальных стихотворениях поэт обращался к албанскому юношеству с аналогичными призывами⁶.

Интересной представляется албанизация французского революционного гимна «Марсельеза», переведенного в 80-е годы поэтом-демократом Фими Митко. Так же, как в своих стихотворениях, в переводе «Марсельезы» он зовет албанский народ поднять оружие против турок, защищать границы своей страны.

Сходной локализации подвергается зарубежная литература в болгарских переводах периода Возрождения в Болгарии. Здесь действовала та же самая тенденция — подчинить переводы зарубежной литературы задачам национально-освободительной борьбы болгарского народа против турецкого ига. В тот период болгарская литература сама по себе была еще не в состоянии разрешить данные задачи, поэтому проблемы локализованного перевода были весьма актуальны.

В 1864 г. на болгарский язык Б. Димитровым был переведен роман польского писателя Зигмунта Милковского «Асеп I», описывающий тяжелое положение болгарского народа под властью Византии. Многие моменты в произведении польского писателя оказались настолько близкими Болгарии 60-х годов XIX в., что переводчик, заменив имена византийских поработителей именами турецких поработителей, а имена болгар — исторических персонажей — именами своих современников, болгарских революционных деятелей, заставил свой перевод звучать очень злободневно.

В 50—60-е годы болгаризации подверглись повести Карамзина «Бедная Лиза» (в переводе И. Груева «Сирота Цветана») и «Наталья — боярская дочь» (в переводе П. Р. Славейкова и С. Захариева — «Невенка — боярска дъщеря»). Болгаризация «Бедной Лизы» выразилась в том, что были изменены как имена героев, названия местностей, так и сами обстоятельства, в которых действуют герои. Чувствительность карамзинских персонажей в переводе была заменена более трезвым отношением к жизни, сентиментально-платоническая любовь — обыкновенными и даже грубыми чувствами. Дворянский интеллигент Эраст в переводе заменен сыном торговца Драганом.

Актуальные проблемы Болгарии периода Возрождения были поставлены в болгаризованном переводе исторической повести Карамзина «Наталья — боярская дочь». Сюжет перенесен в болгарскую историю. Действие происходит во времена Второго болгарского царства, в древней болгарской столице Велико Тырново. Описывается война болгар с печенегами. Наталья — в переводе Невенка, ее муж Алексей — Святослав, ее отец Матвей Андреевич — Тихомир. Кроме того, введены новые лица, отсутствующие в оригинале. Изменены — сравнительно с оригиналом — и ха-

⁵ «Kalendari kombiar», 1905, f. 89, 140.

⁶ K. N e g o v a n i. Prishja e hormovës. Tiranë, 1960, 127 f.

рактеры персонажей. Невенка более мужественна, чем Наталья. Свято-слав пишет и переписывает разные исторические книги и рассказы из событий болгарской истории, которые очень нравятся Невенке. В то же время Святослав мужественный воин. В болгаризованном переводе отразились общественные настроения эпохи — Святослав и Невенка представлены как просветители и патриоты.

В болгарском литературоведении ставился вопрос о причинах, в силу которых переводчики Карамзина не воспроизвели его сентиментального стиля. Высказывалось мнение, согласно которому бедный и необработанный болгарский язык периода Возрождения был не в состоянии передать стиль карамзинской прозы (Ст. Минчев). Более убедительным кажется нам иное объяснение: переводчики, приспособлявая зарубежную литературу к потребностям читателя периода Возрождения, сознательно вводят изменения как в сюжет, так и в стиль оригинала; не бедностью болгарского литературного языка того периода, а новыми реалистическими и романтическими моментами в болгарской литературе, злободневными требованиями эпохи следует объяснить причину болгаризации (мнение Д. Лекова).

Известно отношение популярного болгарского писателя и переводчика периода Возрождения П. Р. Славейкова к болгаризации, высказанное им в связи с переводом на болгарский язык повести Карамзина «Бедная Лиза»⁷. Положительно относясь к практике болгаризации иностранной литературы, Славейков в то же время считает, что недостаточно болгаризировать только местность и переделывать имена героев, а необходимо этих героев «вклинивать в болгарский быт». Славейков отмечает, что болгарских читателей не следует знакомить с изнеженностью героев сентиментальных произведений, так как они живут в более грубой социальной среде, которая определяет их более трезвый и реалистический взгляд на жизнь. Поэтому Славейков оправдывает «огрубление» карамзинских героев в болгарских переводах.

Таким образом, в периподы Возрождения в Албании и Болгарии в основе локализации переводов лежали задачи национально-освободительной антигусецкой борьбы, хотя не всегда эта зависимость, или подчиненность, была непосредственной (чем, по-видимому, и объясняются разные точки зрения на переводы карамзинских повестей).

В новой исторической обстановке содержание локализации изменяется.

После освобождения Албании в 1912 г. от турецкого ига основной задачей прогрессивной албанской реалистической литературы становится отражение социальных противоречий внутри страны. Большое место в литературе занимает тема борьбы с феодализмом, культурной отсталостью, патриархальными пережитками и т. д.

В своеобразной форме выступает албанизация в переводе романа Сервантеса «Дон Кихот», сделанном в 1926 г. прогрессивным албанским писателем, переводчиком и общественным деятелем Фан Ноли. Желая высказать свое понимание романа и обосновать его ассоциации с албанской жизнью, Фан Ноли в большом предисловии к переводу много пишет о демократической и антифеодальной направленности «Дон Кихота». Вот особенно характерное место из его рассуждений: «В Албании, — пишет он, — это произведение должно быть более понятным, чем в каком-либо другом месте. Наши аристократы тоже деклассированы, без экономической базы ..., мечтают сохранить в Албании феодализм, отсталые законы, как в

⁷ «Цариградский вѣстникъ», 1859, № 429.

Турции. Мы смеемся и плачем над Санчо и Дон Кихотом. Дай бог, чтобы завтра мы только смеялись, так как мы уже достаточно плакали»⁸.

Если в упомянутых ранее переводах Лафонтена введение в текст перевода элементов албанской жизни было выпуклым и сразу заметным для читателя, то в большом по объему переводе «Дон Кихота» албанская специфика, тонко вклиниваемая Фан Ноли в текст, была естественно, менее заметной. И все-таки, переключаясь с «албанской» частью предисловия к роману, отдельные штрихи албанской жизни, отраженные в переводе «Дон Кихота», давали о себе знать. Так, например, в конце первой книги перевода романа Сервантеса Фан Ноли иронически упоминает о «профессорах» из «университетов» Домоедова, Либражда, Рогожина, Голоборда. Это названия крайне отсталых местечек Албании, в которых не было не только университетов, но даже и начальных школ. И, видимо, опасаясь тех выводов, которые могли быть усилены албанизацией «Дон Кихота», цензура короля Зогу разрешила в 30-е годы распространение романа только при условии изъятия предисловия.

Локализация в албанских переводах зарубежной классической драматургии в 20—30-е годы связана с именем поэта-демократа Хили Моси. Свое обращение к албанизации именно драматических произведений, которые должны быть поставлены на сцене, Х. Моси объяснял необходимостью сделать их понятными для народа. Адаптированные переводы Х. Моси были рассчитаны на зрителя албанских самодеятельных театров (профессионального театра в тот период в Албании не было), почти не имевших своего самостоятельного репертуара.

«Драма для сцены, для народа, ... нужно, чтобы со сцены звучал живой народный язык. Одно дело переводить для сцены, другое для чтения», — писал Х. Моси, одновременно подчеркивая, что его переводы драм вольные и далеки от оригинала⁹.

В конце 20-х годов Х. Моси переводит на албанский язык «Разбойников» Шиллера¹⁰ и две пьесы Гольдони «Слуга двух господ» и «Двое слуг»¹¹. Действие «Разбойников» Х. Моси перенес в албанский город Шкодер в период оттоманского господства; действие «Слуги двух господ» тоже переносится в Шкодер, но уже в XIX в. В период господства в стране режима Зогу переводчик был вынужден указать на предшествующие периоды албанской истории для того, чтобы пьеса была опубликована и поставлена на сцене. И, вероятно, она бы не была пропущена, если бы Х. Моси не посвятил ее «его величеству Президенту Албанской Республики».

В пьесе Шиллера «Разбойники», переведенной Х. Моси, действуют герои-албанцы с албанскими именами: богатырь Презы (албанский город), капитан Дин Дьуха, Кемаль, Док Манику и другие. Все немецкие названия заменены албанскими: вводятся названия албанских городов и местечек — Леж, Задрима, Преза, упоминаются албанские горы Томоры, вместо Лейпцига — итальянский город Венеция, вместо богемских уланов — турецкие рыцари и т. п.

Слова Карла Моора «Поставьте меня во главе войска таких же молодцов, как я, и Германия станет республикой, рядом с которой и Рим, и Спарта покажутся женскими монастырями»¹² в албанском переводе заменены призывом: «Албанцы не должны забывать мужества Скандербега, Албания

⁸ M. de Cervantes Saavedra. Sojlliu mendje mprehte Don Kishoti i Manges, P. I, t. 1. Tiranë, 1956, f. 12—13.

⁹ H. M o s i. Filija (Korner) edhe by komedona Shërbetor i dy zotnive e Dy shërbetoret te K. Goldonit i adoptueme në Shqipëri (Shkodër), 1928, f. 3.

¹⁰ H. M o s i. Cubat (Shiller). (Shkodër), 1928.

¹¹ H. M o s i. Ibid.

¹² Ф. Ш и л л е р. Избранные произведения. М., Гослитиздат, 1959, стр. 174.

может стать республикой, рядом с которой Рим, Спарта и Венеция покажутся женскими монастырями».

Как отмечала албанская печать конца 20-х годов, постановки адаптированных Х. Моси пьес пользовались большим успехом у публики¹³. Так, литературный журнал «Агими» («Заря») писал по поводу постановки пьесы К. Гольдони «Слуга двух господ». «Хиль Моси так удачно приспособил комедию к албанским условиям, что она очень нравилась публике ..., кажется, будто действие происходит в самой Албании»¹⁴.

Х. Моси вошел в историю албанской культуры так же, как переводчик немецкой и венгерской поэзии — стихотворений Гёте, Шиллера, Лессинга, Гейне, Петефи. Особенно много он переводил из лирики Гёте. Но при переводе поэзии «вольности» Х. Моси носят иной характер, чем при переводе драматургии. Прежде всего они проявляются в том, что снимаются или недостаточно точно передаются образы поэзии Гёте. И это может иметь двойное объяснение: во-первых, албанская поэзия, не располагавшая в то время богатством художественных средств и форм, была не в состоянии передать тончайшие оттенки немецкой лирики, а, во-вторых, как отмечал сам Х. Моси, в некоторых случаях он сознательно снимал наиболее глубоко выраженные чувства, особенно чувства любви, из стихотворений Гёте, считая албанского читателя недостаточно подготовленным для их восприятия¹⁵. В ряде случаев Х. Моси пользуется формой вольного перевода стихотворений Гёте для внесения в них специфики албанской жизни, могущей заинтересовать читателя. Так, в переводе стихотворения Гёте «Прекрасная ночь» героиня не просто сидит дома, а оказывается «запертой в доме»; тем самым стихотворению приданы черты албанской жизни с господствующими в ней патриархальными законами, мешавшими свободному проявлению человеческих чувств. И хотя, естественно, оригинальность Гёте в определенной мере пропадала в таких вольных переводах, все же заслугой Х. Моси является то, что он первый познакомил албанского читателя с Гёте и другими немецкими и венгерскими поэтами.

Специфика национальной адаптации в албанской переводной литературе 20—30-х годов проявляется и в отношении переводов из русской литературы. В 1928 г. в г. Корче «Обществом по распространению полезных книг» в дешевой серии «Библиотека молодежи» была опубликована одноактная пьеса-шутка А. П. Чехова «Медведь», изданная под названием «Женщина в трауре»¹⁶. Изменение названия было вызвано желанием ее переводчика М. С. Гурра вместо непонятого албанцам русского прозвища «медведь» дать такое название, которое бы сразу привлекло внимание читателя к важному для него вопросу — «не весь век плакать и траур носить» — вопросу затронутому Чеховым. Этот вопрос был особенно большим для албанских женщин: обычай требовал от них после смерти мужа долгие годы ходить в черной одежде, не выходя больше замуж, соблюдая траур по покойному мужу. Высмеивание Чеховым «формального» траура было правильно понято албанским читателем и зрителем. В 30-е годы «Женщина в трауре» была поставлена в самодельном театре г. Корчи около 30 раз и пользовалась неизменным успехом у публики. Показательно, что в албанском переводе пьесы «Медведь» были сняты слова «трещал, как сорока об эмансипации». Это, вероятно, было связано с тем, что иронический тон в этом случае мог снизить в восприятии читателя и зрителя серьезность остро стоявшей в стране проблемы женской эмансипации, составной частью которой была и проблема «траура».

¹³ См. предисловие к сборнику «H. M o s i». Zani i atdheut». Tiranë, 1960, f.3—32.

¹⁴ «Agimi», 1929, № 3, f. 47.

¹⁵ См.: «Studime filologjike». Tiranë, 1966, № 4, f. 167—183.

¹⁶ A. Ç e h o v. Zonja e permortur. Korçe, 1928.

Под измененным названием «Червь сомнения» в 1928 г. в той же серии, что и пьеса «Медведь», был издан рассказ Л. Н. Толстого «Корней Васильев»¹⁷. Переводчик М. С. Гурра дал другое название рассказу, чтобы подчеркнуть, что главной пружиной поступков крестьянина Корнея Васильева, ушедшего из дома, искалечившего жену и дочь и пришедшего перед смертью к раскаянию, была ревность — «червь сомнения».

С целью привлечь внимание читателя в 1928 г. в г. Корче в типографии албанского патриота Зори Коти был опубликован рассказ А. М. Горького «Макар Чудра» под названием «Прекрасная цыганка»¹⁸. В тексте перевода сохранена лишь романтическая линия; все, что не имеет к ней прямого отношения — например, рассуждение Макара Чудры об общественном устройстве, об отсутствии в обществе свободы, о том, что человек раб, снято, и вместо этого поставлены точки.

Приспособленным к романтическому восприятию албанского читателя вышел в 1936 г. роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина»¹⁹. Роман был опубликован со значительными сокращениями. Полностью были переведены главы, касающиеся линии — Анна Каренина — Каренин — Вронский. Главы же, рассказывающие о других героях — Левине, Кити, Облонских были или совсем выпущены или их содержание передавалось совсем кратко. Но локализация этого первого албанского издания романа Л. Н. Толстого была вызвана, вероятно, не только стремлением переводчика удовлетворить романтическим вкусам своего читателя, но и подчеркнуть главным образом историю жизни Анны Карениной, с судьбой которой связывалась проблема женской эмансипации. Ориентировка на албанского читателя выступает в предисловии к переводу, в котором подчеркивается, что после прочтения романа албанский читатель должен сделать следующий вывод: надо жениться по любви (а в Албании практиковались браки по сватовству), девушки должны иметь право сами выбирать себе спутника жизни, что может быть только тогда, когда в обществе и в семье будет здоровое и либеральное воспитание.

Интересно отметить, что почти аналогичную адаптацию испытал гораздо раньше первый болгарский перевод «Анны Карениной» (1899 г.). В статье Ив. Васевой «Болгарские переводы „Анны Карениной“»²⁰ это явление связывается с желанием переводчика дать лишь интимную линию и снять все то, что не имеет к ней непосредственного отношения, что далеко и чуждо болгарскому читателю.

При переводах русской литературы на албанский язык нередко наблюдается тенденция передать лишь общечеловеческое содержание произведений, исключая непонятную читателю того времени специфику русской жизни. Локализация переводов в этих случаях заключается не во введении понятной читателю национальной специфики, а наоборот, в удалении далекой ему специфики переводимого произведения. Подобная локализация

¹⁷ L. T o l s t o i. Krymbat e dyshimit. Korçe, 1928; Как отмечалось в предисловии к первому изданию на албанском языке романа А. М. Горького «Мать»: («Nëna», 1935 г.), — «убийство, ревность — вещи, которые нравятся албанскому читателю». Тем же самым мотивом — желанием дать только романтическую сюжетную линию — объясняет Ю. А. Брагин в статье «Гоголь в Сербии» (Славянская филология, вып. 3. М., 1960, стр. 96—122) изменение в сербском переводе названия повести Н. В. Гоголя «Майская ночь или утопленница», изданной в 1862 г. под названием «Утопленница». «Изменение заголовка, — пишет автор статьи, — не случайно. Главное для переводчика-романтика не „майская ночь“, а „утопленница“. Переводчика не интересуют реалистические картины из жизни украинского села. Все его внимание на фантастических сюжетах, связанных с историей молодой панночки „утопленницы“».

¹⁸ M. G o r k y. Kurbatka e bukur. Korçe, 1928.

¹⁹ L. T o l s t o i. Anna Karenina. Tiranë, 1936.

²⁰ Ив. В а с е в а. Българските преводи на Ана Каренина. «Език и литература» София, 1957, № 6, стр. 437—451.

естественно должна была распространяться на литературу, по своему национальному характеру далекую от читателя той страны, где она переводилась. И, наоборот, в литературе, близкой русской по языку и духу, например, в такой, как болгарская, национальные особенности переводимого произведения иногда не снимались, а наоборот, оставались даже в русской форме. Так, в монографии В. И. Злыднева «Русско-болгарские литературные связи XX в.» (М., «Наука», 1964) рассматриваются переводы Л. Стоянова на болгарский язык произведений М. Ю. Лермонтова, в которых сохранялись русские слова, выражения.

Приведем несколько характерных примеров албанизации переводов русской литературы, когда снимаются картины русской жизни. В албанском переводе рассказа Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» (1928 г.)²¹ пропущен кусок, где описывается положение русских детей: «и узнал он, что мальчики и девочки все были такие же, как он, дети, но одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы, к дверям петербургских чиновников, другие задохлись у чухонки от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей во время самарского голода, четвертые задохлись в вагонах третьего класса от смраду...». При переводе рассказа А. П. Чехова «Ванька» (1928 г.)²² пропущена такая часть: «сидельцы сказали Ваньке, что письма опускаются в почтовый ящик и потом развозятся на почтовых тройках с пьяными ямщиками и звонкими колокольцами». Такие факты русской жизни, как самарский голод, вагоны третьего класса, такие образы, как почтовая тройка со звонкими колокольцами и т. д., переводчики предпочитали лучше выпустить, чем передать в переводе.

В албанском переводе стихотворения И. С. Никитина «Встреча зимы»²³ отсутствует часть, где говорится, что на Руси растут богатыри, не боящиеся ни бурь, ни морозов; пропущен эпитет «русская» при переводе строки «наша русская кровь на морозе горит» и т. д. Само понятие «мороз» не могло по-настоящему ощущаться албанским читателем — жителем теплого климата, да и переводилось оно как «холод» («климатическая локализация»). Вообще, в переводческой практике отмечаются случаи более грубой локализации, когда переводчики, приспособляя перевод к местным условиям вместо того, чтобы ввести и объяснить новое для читателя слово, обозначающее несуществующее в данном языке понятие, заменяют его словом, совершенно несоответствующим иностранному. Вот один характерный пример подобной локализации («ландшафтного» характера) на примере из истории сербской переводной литературы. В Сербии нет степей, а, следовательно, и в сербском языке нет слова, обозначающего понятие степь. Горы и скалы — неперемное условие балканского ландшафта. Поэтому сербский переводчик повести Н. В. Гоголя «Майская ночь или утопленница» (1862 г.) С. Новакович слово «степь» в переводе заменяет «скалами». Несколько позже другой переводчик произведений Н. В. Гоголя на сербский язык М. Глишич в переводе «Тараса Бульбы» уже употребляет слово «степь» (сербское «степа»), знакомя своего читателя с природной спецификой другой страны²⁴.

Обратившись снова к адаптированным албанским переводам русской литературы, отметим, что они, конечно, обедняли идейную и художественную направленность произведений. Но если предположить, что переводчики давали бы свои переводы в несокращенном виде, то все равно бы сам

²¹ Th. D o s t o j e v s k i j. Djali te Bredhi i Krishtit. Tregime rus. Korçe, 1928.

²² A. Ç e h o v. Vanjka i vogel. Korçe, 1928.

²³ I. N i k i t i n. Arhja e dimërit. «Shkendja». Korçe, 1923.

²⁴ Ю. А. Б р а г и н. Гоголь в Сербии. Славянская филология, вып. 3, М., 1960, стр. 96—122.

читатель выпускал неясные и сложные для него места. Поэтому для Албании 20—30-х годов такие переводы, вероятно, можно считать оправданными.

И, наконец, в локализации, как и во всяком другом явлении, наряду с закономерными моментами встречаются моменты случайные и даже курьезные. Случайной оказалась, например, локализация в албанском переводе рассказа А. П. Чехова «Страшная ночь»²⁵. Судя по тому, что в этом переводе фамилии героев фигурируют в итальянской форме — Панихин — Funevrinin, Трупов — Kadaverov, Упокоев — Kalmatovev, Черепов — Teskionov, можно предположить, что перевод сделан с итальянского языка. Итальянский переводчик творчески решил задачу передачи фамилий чеховских героев, обозначающих определенные образы, определенный подтекст через слова, в которых итальянский корень, соответствующий русскому образу, сочетается с русским окончанием²⁶. Албанский переводчик вместо того, чтобы передать эти фамилии через албанские образы, оставил их в итальянской форме, фактически получилась в албанском переводе итальянская локализация. И хотя итальянский язык в Албании был довольно распространен в тот период, думается, что до многих албанских читателей не доходил смысл, вложенный русским писателем в фамилии своих героев.

Таким образом, рассмотрев отдельные проявления локализации в албанских, болгарских, югославских переводных литературах со второй половины XIX века до 30-х годов XX в., попытаемся сделать некоторые выводы.

Само явление локализации, обнаруживающее черты различия между оригиналом и переводом имеет для исследователя важное значение. Такие черты различия, как подчеркивал В. М. Жирмунский, «свидетельствуют ... о переосмыслении импортированного образа, о его социальной переработке, обусловленной местными особенностями, общественного, в частности — литературного развития, конкретными потребностями социальной практики и конкретной обстановки идеологической борьбы в данной стране»²⁷.

Содержание локализации определяется в основном двумя факторами — определенной степенью развития национальной литературы, литературоведческой и эстетической мысли, а также читательским назначением переводов художественной литературы, учитывающим вкусы, национальные и социальные требования читателя, национальные особенности его психологии.

Понятие локализации нельзя отрывать от самого перевода, неотъемлемой частью которого она является. Локализация тесно связана с исторической обстановкой, с возможностью восприятия иностранной литературы национальным читателем в соответствующие периоды жизни страны.

К явлению локализации надо подходить исторически, учитывая изменение ее содержания в различные периоды, и оценивая ее не с точки зрения современных требований к переводу, а с точки зрения тех возможностей, которыми располагала в конкретную эпоху данная национальная литература. Локализация, будучи для определенного периода объективно необходимым явлением, имела и отрицательную сторону: национальный читатель получал в той или иной мере искаженное представление о зарубежной литературе. А если учесть наличие круга образованных читателей,

²⁵ А. Ч е х о в. *Nata e tmershme*. Tiranë, 1937.

²⁶ Проблема передачи иностранных имен, обозначающих авторские характеристики, не путем транскрибирования, а с помощью передачи через национальные образы ставится в сборниках «Мастерство перевода». М., 1959, стр. 186—187; 1964, стр. 251.

²⁷ В. М. Ж и р м у н с к и й. Гете в русской литературе. Л., 1937, стр. 12—13.

то становится очевидной неудовлетворительность адаптированных переводов.

Хочется отметить, что в новых исторических условиях народно-демократического строя в рассматриваемых странах на смену локализованным переводам приходят переводы, соответствующие по своему содержанию подлиннику, передающие наиболее выразительными средствами родного языка художественные образы и особенности оригинала.

И, наконец, необходимо расширить рамки понимания форм локализации. Думается, что нельзя их ограничивать главным образом одним введением в текст переводов национальной специфики, национального колорита с целью сделать их более доступными читателю на этапе становления собственно национальной литературы. Локализация может проявляться в разнообразных формах, начиная от изменений заглавий в переводимых произведениях и кончая снятием из текста переводов сложных для читателя сторон оригинала.

Отдельные общие черты в албанской, болгарской, сербской локализациях свидетельствуют о некотором региональном сходстве в локализациях, обусловленном географической близостью, исторической и культурной общностью.

И последнее — нам представляется, что отмеченные закономерности при локализации произведений зарубежных авторов могут быть применены при дальнейшем изучении этой проблемы на конкретном материале различных стран, в частности нынешних развивающихся стран Азии и Африки, для которых вопрос национальной адаптации иностранной литературы является вопросом сегодняшнего дня ²⁸.

²⁸ Об этом см.: Е. А. Запорова. Роль переделок в современной бирманской литературе. «Теоретические проблемы восточных литератур». М., 1969, стр. 150—156; Н. J a y a s e n a. Brecht auf Singhalesisch. «Sinn und Form», Berlin, 1968, Hf. 3, S. 585—589.

ФРАГМЕНТ ПРАСЛАВЯНСКОЙ АКЦЕНТНОЙ СИСТЕМЫ (Ударение прилагательных с суффиксом -ък-)

В работе «Порівняльно-історичні розвідки в ділянці українського наголосу. III. Прикметники на -кий, -ка, -ке»¹ Л. А. Булаховский выдвинул предположение о существовании в праславянском пяти акцентных типов прилагательных на -ък-:

1. Акцентный тип с ударением на окончании: *kortъkъ́, *kortъkấ, *kortъko.

2. Акутированный тип с подвижным ударением: *glâdъkъ́, *gladъka, *glâdъko.

3. Акутированный тип с накоренным ударением: *glâdъkъ́, *glâdъka, glâdъko, который, по мысли автора, должен был рано совпасть со вторым случаем.

4. Циркумфлектированный тип с подвижным ударением: *têgъkъ́, *têgъkấ, *têgъko.

5. Краткостный тип с подвижным ударением: *krôtъkъ́, *krotъkấ, *krôtъko.

Это построение явилось результатом двух типов исследовательских операций: 1) внутриславянского сравнения, которое ясно указывало на наличие подвижного и конечноударного типов этих прилагательных и позволяло предположить существование отличного от них типа с акутовым ударением корня, и 2) конструирования переходов от гипотетического индоевропейского состояния к праславянскому при помощи двух фонетических закономерностей: закона Фортулатова и закона Лера-Сплавинского. Кратко ход этого конструирования можно представить в табл. 1.

Не останавливаясь на методологических возражениях против второго приема вообще и в особенности против неразграничения обоих указанных типов компаративистских операций, следует, однако, отметить, что результаты, связанные со второй стороной исследования, снимаются, так как в настоящее время доказано, что закон Фортулатова — де Сосюра в славянском не действовал.

Таким образом, если остановиться на почве внутриславянского сравнения, работа Л. А. Булаховского показывает, что в праславянском было три акцентных типа прилагательных на -ък-²:

А: тип с акутовой интонацией корня. Л. А. Булаховским были приведены фактически лишь косвенные данные, свидетельствующие о наличии

¹ «Мовознавство», 1937, № 11.

² Обозначение акцентных типов производных (прилагательных на -ък-) дается по системе, принятой нами в работе: В. А. Дыбов. Акцентология и словообразование в славянском. «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации», М., 1968, стр. 150—151.

Т а б л и ц а 1

Ударение производящего		Конечноударенный тип		Тип с накоренным ударением	
интонация корня		циркумфлекс и краткость	акут	акут	циркумфлекс и краткость
Дославянское состояние	производящее	kortus	gladus	glādus	krōtus
	производное	kortukos kortuka kortuko	gladukos gladuka gladuko	glādukos glāduka glāduko	krōtukos krōtuka krōtuko
Раннеславянское состояние		kortъкъ kortъka kortъko	gladъкъ gladъka gladъko	glādъкъ glādъka glādъko	krōtъкъ krōtъka krōtъko
Состояние после действия закона Фортунатова		kortъкъ kortъkǎ kortъko	gladъкъ gladъkǎ glādъko	glādъкъ glādъkǎ glādъko	krōtъкъ krōtъkǎ krōtъko
Состояние после действия закона Лера-Славинского		kortъкъ kortъkǎ kortъko	glādъкъ gladъkǎ glādъko	glādъкъ glādъka glādъko	krōtъкъ krōtъkǎ krōtъko
Состояние после внутрипарадигматического и межпарадигматического выравнивания		Тип 1 kortъкъ kortъkǎ kortъko	Совпадение типов 2 и 3		Типы 4 и 5

этого типа в праславянском, но, как будет видно из дальнейшего, в его существовании нет оснований сомневаться. Этот акцентный тип, безусловно, не мог быть подвижным, так как все подвижные типы характеризовались славянским «циркумфлексом». Следовательно, его акцентная кривая была тождественна акцентной кривой 3 типа Л. А. Булаховского. Подвижность акцента у соответствующих прилагательных в сербско-хорватском и русском — результат позднейшего совпадения акцентных парадигм.

В: тип с конечным ударением в кратких формах и новым акутом корня в членной форме (у Л. А. Булаховского — тип 1). Этот акцентный тип был, по-видимому, результатом перестройки акцентного типа D: *kortъкъ*, **kōrtъka*, **kōrtъko* (см. ниже).

С: тип с подвижным ударением, соответствующий 4 и 5 типам Л. А. Булаховского. Его акцентная кривая складывалась из форм с конечным ударением и форм с так называемым славянским «циркумфлексом» (т. е. форм *enclitomena*³).

³ О формах *enclitomena* см.: В. А. Дыбо. Фрагмент праславянской акцентной системы (формы *enclitomena* в аористе *i*-глаголов), «Советское славяноведение», 1968, № 6, стр. 67; е го ж е. Закон Васильева — Долобо и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. «Вопросы языкознания» (в печати); е го ж е. Именное ударение в среднеболгарском и закон Васильева — Долобо. «Старославянский лингвистический сборник» (в печати); е го ж е. Закон Васильева — Долобо в древнерусском (на материале «Чудовского Нового Завета») (подготовлено к печати).

Распределение перечисленных акцентных типов в праславянском оставалось, однако, не установленным из-за многочисленных выравниваний и инноваций, пережитых всеми славянскими языками, сохранившими подвижное ударение, и это препятствовало установлению закономерностей порождения их (схема Л. А. Булаховского, как было сказано выше, не может считаться сейчас удовлетворительной). Между тем на строгость данного распределения в праславянском указывает факт жесткого распределения рефлексов этих акцентных типов в западнославянских языках:

I. Долготный рефлекс (соответствующий акцентному типу В (D) долготных имен):

1. чешск. *blízky*, словацк. *blízky*, кашуб. *blizki*,
2. чешск. *krátký*, словацк. *krátky*, польск. *krótki*,
3. чешск. *řídky*, словацк. *riedky*, польск. диал. *żałki*,
4. чешск. *úzký*, словацк. *úzky*, польск. *wązki*,
5. чешск. *nízky*, словацк. *nízky*, кашуб. *nizki*;

II. Сокращенный рефлекс (соответствующий акцентным типам С и А долготных имен):

1. чешск. *křepký*, словацк. *krpky*, польск. диал. *kšepki*,
2. чешск. *měkký*, словацк. *mäčky*, польск. *miekki*,
3. чешск. *těžký*, словацк. *t'ažký*, польск. *ciężki*,
4. чешск. *sladký*, словацк. *sladký*, польск. *śłodki*,
5. чешск. *brídský*, словацк. *bridký*, кашуб. *břadki*,
6. чешск. *hybký*, словацк. *hybky*, кашуб. *gibki*,
7. чешск. *mělký*, словацк. *melky*, польск. диал. *małki*,
8. чешск. *hladký*, словацк. *hladký*, польск. диал. *gwałki*.

Создается впечатление, что западнославянские языки законсервировали в своих количественных отношениях распределение глубокой древности, едва ли не праславянское.

Если бы удалось за пределами западнославянской области обнаружить акцентную систему, сохранившую подобное распределение, то это предположение, по-видимому, было бы доказано. Именно такой системой является акцентная система хорватского (кайкавско-чакавского) диалекта XVII в., отраженная в текстах Ю. Крижанича. Она подтверждает высказанные предположения, а при привлечении словенских, среднеболгарских и словинских фактов позволяет с достаточной степенью точности восстановить праславянское распределение акцентных типов прилагательных на *-ъk-* и определить закономерности, которым оно подчинялось.

Итак, распределение акцентных типов в прилагательных на *-ъk-* устанавливается двумя разбиениями материала, основанными на сравнении западнославянских и южнославянских фактов.

Первое разбиение опирается на регулярное соответствие, с одной стороны, первоначально долготных западнославянских прилагательных на *-ъk-* с рефлексами долготы прилагательным акцентной парадигмы *b* с долгим гласным корня в кайкавско-чакавском диалекте XVII в. (тексты Ю. Крижанича) (группа I) и, с другой стороны, западнославянских первоначально долготных прилагательных с краткостными рефлексами прилагательным парадигмы *s* с сокращенным гласным в том же кайкавско-чакавском диалекте XVII в. (группа II).

I группа соответствий выделяет долготный праславянский тип акцентной парадигмы *b*⁴ (акц. тип В).

В словинском наречии членные формы этих прилагательных на *-ъk-* имеют накоренное ударение.

⁴ Или ее вариант с постоянным новоактовым ударением на корне — D. См. ниже

1. *blizək, *blizəkā, *blizəkō; чл. ф. *blizəkъjь: чешск. *blizký*, словацк. *blizky*, кашуб. *blizki*; словинц. *blis̃hi* — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) блізок (Гр. 55), блізкó (Вып. I, 31), *blizkó* (Пол. 58, 121, 122), *blizkógo* (Пол. 180). Ср. также словен. *blizək, blizka*.

2. *kortək, *kortəkā, *kortəkō; чл. ф. *kórtəkъjь: чешск. *krátký*, словацк. *krátky*, польск. *krótki*; кашуб.-словинц. *krójt̃hi* — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) Крѣток (Гр. 55, Вып. I, 29), крѣткá (Гр. 170), *prekrat-kā* (Пол. 95), крѣткó (Вып. I, 32; III, 67), *kratkó* (Пол. 229), краткí (Гр. 80), *kratká* (пом. pl. n., Пол. 105), вк крѣтка (асс. n. pl., Вып. I, 28), крѣткѣ же (ошибочно напечатано крѣткѣ же; асс. sg. f., Гр. 170), *na krātej* (adv., Вып. I, 8), на крѣткы́ (adv., Гр. 104, Вып. I, 30), *na krat-kā* (Пол. 121, 126); ср. также словен. *krátək, krátka*.

3. *rědək, *rědəkā, *rědəkō; чл. ф. *rědəkъjь: чешск. *řidký*, словацк. *riedky*, польск. диал. *żółki* (Кусала 46 и др.), кашуб.-словинц. *řājt̃hi* — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) Рѣдок (Гр. 55), рѣткó (Гр. 2, 172), рѣтко (Гр. 39), рѣткó (Вып. I, 34), По рѣткѣ (Гр. 118), вк рѣткíх (Вып. I, 29) *retkími* (Пол. 5). Ср. также словен. *rědək, rědka* (вариант *redák* вторичен).

4. *qzək, *qzəkā, *qzəkō; чл. ф. *qzəkъjь: чешск. *úzký*, словацк. *úzky*, польск. *wązki*; кашуб.-словинц. *vóuz̃hi* — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) вѣзок (Гр. 55), вѣзк (Вып. I, 50), *prewuzká* (Пол. 90); ср. также словен. *qzək, qzka*.

5. *žarək, *žarəkā, *žarəkō; чл. ф. *žárəkъjь: восстанавливается на основании показания кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) жѣрок (Гр. 55), *žarkā* (пом. sg. f., Пол. 201); ср. словен. *žárək, žárka*. Отражение древнего количества в польском *żarki* в диалектах с сохранением рефлекса старого долгого *a* мне неизвестно.

6. *nizək, *nizəkā, *nizəkō; чл. ф. *nizəkъjь: восстанавливается на основании показаний западнославянских языков: чешск. *nizký*, словацк. *nizky*, кашуб. *nizki*. Кашуб.-словинц. *nis̃hi* показывает, кроме того, накоренное ударение. Ср. также словен. *nizək, nizka*. Хотя в кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) это слово имеет подвижную акцентную парадигму (Нѣзок [Гр. 55], [з низка [Гр. 117], *nizki* [pl., Пол. 90], *nizká* [пом. pl. n., Пол. 103] *ot nizkích* [Пол. 259], *na nizkích* [Пол. 48]), однако, учитывая тенденцию сербско-хорватских диалектов к устранению типа *b* и переводу прилагательных на -ѣк- этого типа, в подвижную парадигму (с дальнейшей утратой подвижности), можно думать о первоначальности состояния, отраженного в западнославянских языках.

Тип В (или соответствующий ему вариант D) с новоактовым ударением корня следует восстанавливать и у двух основ с краткостным корнем:

1. *lbgək, *lbgəkā, lbgəkō; чл. ф. *lbgəkъjь: в.-луж. (первая половина XIX в.) *lōchki*⁵; др.-русск. лѣгкó (Чуд. Нов. Зав. 160⁴), соврем. русск. *лѣгк* (XIX в.), *лѣгкā, лѣгкó*; ср.-болг. (зап.) лѣг'коя (Поуч. Ис. Сир., 11а), не лѣгкѣя (Поуч. Ис. Сир. 172а), при постоянном конечном ударении членных форм от прилагательных подвижного акцентного типа: крѣпкѣи (ib., 2б), таж'кѣи (ib., 179а), слак'кѣи (ib., 11б), тѣн'кѣи (ib., 19а) и др. Следы окситонезы этого слова отражены также в текстах

⁵ Подробнее об этом рефлексе см.: В. А. Дыбо. Об отражении древних количественных и интонационных отношений в верхнелужицком языке. «Сербо-лужицкий лингвистический сборник», М., 1963, стр. 54—83.

Ю. Крижанича: *lechko* (Пол. 33), *lechko bo* (Пол. 48) по лѣхкѣ (Гр. 118). Однако в большинстве случаев Ю. Крижанич употребляет формы, свидетельствующие о переходе этой основы в подвижный тип: Лѣгок (Гр. 55), лѣхко (Гр. VI, 150, Выш. I, 70; Выш. III, 13, 45), *lechko* (Пол. 47, 105, 107, 119), Лѣхка (Гр. 172), лѣхкѣ (Гр. 172). Такие формы, как *Lechká* (ном. sg. f., Пол. 92, 95), при лѣхкомѣ (Гр. 16), *lechki* (асс. pl. m., Пол. 46) могут относиться как к парадигме *b*, так и к *c* (последняя форма ввиду процесса обобщения окситонезы в косвенных падежах парадигмы *c* в диалекте Ю. Крижанича). В словенском это слово также было переведено в подвижный тип, ср. словен. *lagák, lahka* (вариант *lahak, lákka* не показателен). Аналогичный переход или выравнивание уже членной формы по аналогии с другими краткостными формами в словинцком наречии: *lethi*.

2. **krotъkъ, *krotъkà, *krotъko*; чл. ф. **kròtъkъjъ*: ст.-польск. *krótki*: ср.-болг. (зап.) крѣткыи (Поуч. Ис. Сир., 76, 86, 10a) крѣткыи (ib., 96), крѣткыи (ib., 136), крѣткыи (ib., 11a), крѣткыи (ib., 86), и крѣткыи (ib., 116), и крѣткыи (ib., 1666). В диалекте Ю. Крижанича и в словенском это слово перешло в подвижный тип, ср. крѣток (Гр. 55) и словен. *kroták, krotka* (вариант *krótak, krótka* не показателен).

II группа, включающая сближения первоначально долготных западнославянских прилагательных с краткостными рефлексам корневых гласных и кайкавско-чакавских (диалект текстов Ю. Крижанича) прилагательных парадигмы *c*, также с сокращенными корневыми гласными, в свою очередь может быть разбита (на основании показаний словенского) на две подгруппы:

а. Имена, у которых в словенском не засвидетельствован вариант типа *krépák, krépka*, т. е. имена, имеющие лишь один акцентный вариант типа *gíbák, gíbka*. Они, возможно, восходят к праславянскому типу с постоянным акутовым ударением на корне.

Прилагательные этой группы не имеют в словинцком наречии единого рефлекса: одни из них сохраняют в членной форме накоренное ударение, у других ударение на окончании.

1. **gládъkъ, *gládъka, *gládъko*; чл. ф. **gládъkъjъ*: чешск. *hladký*, словацк. *hladký*, польск. диал. $\text{glatk}^u\text{о}$ (Kusała, 46), кашуб. *gladki* (вариант *glodki*, что касается рефлекса долготы, вторичен) — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) *glatká* (ном. sg. f., Пол. 33), *gládko* (Пол. 47), *glatkimi* (Пол. 44) — словен. *gládak, gládka*. В словинцком накоренное ударение: *gláqthi* (вторичная долгота в результате уподобления предыдущему типу). Отмеченная в древнерусском форма гладки (асс. pl. m., Чуд. Нов. Зав., 27³) может относиться как к парадигме *a*, так и к *c*.

2. **rězъkъ, *rězъka, *rězъko*; чл. ф. **rězъkъjъ*: словацк. *rezký* — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) Рѣзок (Гр. 56)⁶ — словен. *rězak, rězka*. В словинцком накоренное ударение: *řeshi* (вторичная долгота в результате уподобления предыдущему типу).

3. **gŭbъkъ, *gŭbъka, *gŭbъko*; чл. ф. **gŭbъkъjъ*: чешск. *hybký*, словацк. *hybký*, кашуб. *gibki* — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) Гѣбок (Гр. 55)⁶ — словен. *híbak, gíbka*. В словинцком конечное ударение: *hŭpŭi, gibki* (PW).

⁶ Отмечена лишь эта форма, но для предположения, что она представляет парадигму *a*, нет оснований, так как во всех случаях, когда у сокращенных имен обнаружены формы, в которых парадигма *a* отличается от парадигмы *c* (по месту ударения), они всегда указывают на парадигму *c*.

4. **mělkъ*, **mělka*, **mělko*; чл. ф. **mělkъjъ*: чешск. *mělký*, словацк. *melký*, польск. диал. *małki* (Kusała, 46), кашуб. *matki*, *melki* — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) Мѣлок (Гр. 55)⁷ — словен. *mělak*, *mělka* (вокализм в словенском, впрочем, также и у Ю. Крижанича, перестроен под влиянием *měljem*, *měl* и под.). В словинцском конечное ударение: *mjālhi*, *maikī* (PW).

5. **židъkъ*, **židъka*, **židъko*; чл. ф. *židъkъjъ*: чешск. *židký* — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) жидок (Гр. 55) — словен. *židak*, *židka*.

6. **měrzъkъ*, **měrzъka*, **měrzъko*; чл. ф. **měrzъkъjъ*: словацк. *mrzký* — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) Мѣрзок (Гр. 55; Вып. I, 63; Вып. III, 6), *Mérvok* (Пол. 102), мѣрзко (Гр. 16, 150; Вып. I, 30; Вып. III, 27), *měrvko* (Пол. 10, 101), Прѣмѣрзко (Вып. III, 7), *měrvká* (пом. sg. f., Гр. 41; Вып. III, 37), *merzká* (Пол. 71); *merzkí* (пом. pl. m., Пол. 10, 94), и мѣрзки (пом. pl. f., Гр. 10), *merzkogó* (Пол. 94, 113, 115, 193), *premerzkíje* (gen. sg. f., Пол. 125), *merzkíje* (acc. pl. f., Пол. 103), *merzkích* (Пол. 102, 115) — словен. *mřzak*, *mřzka*.

7. **těrpъkъ*, **těrpъka*, **těrpъko*; чл. ф. **těrpъkъjъ*: словацк. *trpký* — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) Тѣрпок (Гр. 55), *tórpok* (Пол. 41) — словен. *třpak*, *třpa*.

8. **žolkъkъ*, **žolkъka*, **žolkъko*; чл. ф. **žolkъkъjъ*: кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) жолкок (Гр. 55) — словен. *žótkak*, *žóthak*, *žólhka*.

б. Имена, в которых в словенском, наряду с вариантом, имеющим постоянное восходящее ударение на корне, засвидетельствован вариант типа *krepák*, *krepka*. Они могут быть в большинстве своем надежно отнесены к акцентной парадигме *c*. В древнерусском и среднеболгарском (зап.) им соответствуют имена с подвижной акцентной парадигмой и конечным ударением членных форм. В словинцском наречии членные формы этих прилагательных имеют ударение на окончании.

1. **křerъkъ*, **křerъka*, **křerъko*; чл. ф. **křerъkъjъ*: чешск. *křerký*, словацк. *krepký*, польск. диал. *kšerki* (Kusała, 91), кашуб. *křerki* (вариант *křerki*, вероятно, вторичен) — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) Крѣпок (Гр. 55), *krepká* (пом. sg. f., Пол. 41), Крѣпко (Гр. 150; Вып. I, 54); *křjpkо* (adv., Вып. I, 7); *крѣпкѣ*, *крѣпкѣи* (асс. pl. m., Гр. 12). *крѣпкѣи* (асс. pl. m., Гр. 12) — словен. *krepák*, *krepka* (наряду с *křerák*, *křerka*). Ср. также др.-русск. *крѣпка* (асс. sg. m., Чуд. Нов. Зав., 151¹), *крѣпци* (пом. pl., Чуд. Нов. Зав., 109⁴), чл. ф. *крѣпкѣи* (gen. pl., Чуд. Нов. Зав., 157¹), *крѣпкѣима* (instr. sg., Чуд. Нов. Зав., 144²); ср.-болг. (зап.) *крѣпкѣи* (Поуч. Ис. Сир., 26), *крѣпкѣиа* (Поуч. Ис. Сир., 184а, 225а).

2. **měkkъkъ*, **měkkъka*, **měkkъko*; чл. ф. **měkkъkъjъ*: чешск. *měkký*, словацк. *mākký*, польск. *miekki*, кашуб. *matki*, *mikki*, *mitki* — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) Мѣкок (Гр. 55), *z'mechkóiu* (Пол. 47) — словен. *mekák*, *mehka* (наряду с вторичными вариантами: *mékak*, *méhak*, *méhka*).

Ср. также др.-русск. *махкѣ* (пом. sg. f., Чуд. Нов. Зав., 23³), *махкѣи* (асс. pl. f., Чуд. Нов. Зав., 30²), чл. ф. *маккѣи* (асс. pl. n., 7²); ср.-болг. (зап.) *за маккѣиа* (Поуч. Ис. Сир. 2066). В словинцском конечном ударение: *mjithi*, *mitki* (PW).

⁷ Отмечена лишь эта форма, но для предположения, что она представляет парадигму *a*, нет оснований, так как во всех случаях, когда у сокращенных имен обнаружены формы, в которых парадигма *a* отличается от парадигмы *c* (по месту ударения), они всегда указывают на парадигму *c*.

3. **těgъkъ*, **těgъkà*, **těgъko*; чл. ф. **těgъkъkъjъ*: чешск. *těžký*, словацк. *t'ážký*, польск. *ciężki*, кашуб. *cażkī* — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) тѣжок (Гр. 55), *těžok* (Пол. 124) тѣжко (Гр. 172), *těžko* (Пол. 105, 109, 127), тѣжкїје (Гр. 173), тѣжкїх (Вып. III, 23) — словен. *težák* (наряду с вторичным *těžak*, *těžka*).

Ср. также др.-русск. тѣжко (Чуд. Нов. Зав., 8¹), нѣ тѣжко (Чуд. Нов. Зав., 132¹), тѣжци (ном. pl., Чуд. Нов. Зав., 127³), и тѣжкзи (асс. pl. f., Чуд. Нов. Зав., 77¹), тѣжк (асс. pl. n., Чуд. Нов. Зав., 12⁴); ср.-болг. (зап.) ѿ тѣж'кїа (Поуч. Ис. Сир., 256), тѣж'кїа (Поуч. Ис. Сир., 179а). В словинцском конечное ударение: *cašhī*, *cažkī* (PW).

4. **sōldъkъ*, **sōldъkà*, **sōldъko*; чл. ф. **sōldъkъjъ*: чешск. *sladký*, словацк. *sladký*, польск. *śladki*, кашуб. *śladkī* (*slotkī*) — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) сладок (Гр. 55, Вып. III, 46) — словен. *sladák*, *sladkà* (наряду с вторичным *sladək*, *sládka*).

Ср. также др.-русск. сладцѣ (adv., Чуд. Нов. Зав., 120⁴); ср.-болг. (зап.) слакїа (Поуч. Ис. Сир., 116), слакї (Поуч. Ис. Сир., 1626). В словинцском конечное ударение: *slōthī*.

5. **brīdъkъ*, **brīdъkà*, **brīdъko*; чл. ф. **brīdъkъjъ*: чешск. *břidký*, словацк. *bridký*, кашуб. (северн.) *břadkī* — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) брїадок (Гр. 55), брїадко (Вып. I, 42), *brīdko* (Пол. 109), *bridkī* (ном. pl. m., с распространением окситонезы косвенных падежей; Пол. 107), *bridkīje* (асс. pl. f., Пол. 103), *bridkogó* (Пол. 193), *bridkīje* (gen. sg. f., Пол. 8) — словен. *bridák*, *brīdka* (?) (при вторичном *brīdək*, *brīdka*).

В словинцском это слово не отмечено. Следует подчеркнуть, что северокашубские диалекты с разноместным ударением закономерно производят конечное ударение: *břadkī*.

6. **šībъkъ*, **šībъkà*, **šībъko*; чл. ф. **šībъkъjъ*: чешск. *šibký*, словацк. *šibký* — кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) шїбок (Гр. 55) — словен. *šibák*, *šibkà* (при вторичном *šībək*, *šībka*).

7. **kъrъxъkъ*, **kъrъxъkà*, **kъrъxъko*, чл. ф. **kъrъxъkъjъ*: кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) кѣрхок (Гр. 55) — словен. *krhák*, *krhkà* (при вторичном *kъrъxъk*, *kъrъhka*)⁸.

К этой же парадигме (с), по-видимому, относились следующие краткостные основы:

1. **tъnъkъ*, **tъnъkà*, **tъnъko*; чл. ф. **tъnъkъjъ*: в.-луж. *ceńki* (при новом акуте, т. е. в парадигме *b*, произошло удлинение редуцированного, ср. в.-луж. [XIX в.] *lōchki*, в.-луж. *čětnu*); русск. *тѣнок*, *тонкà*, *тѣнок*; ср.-болг. (зап.) тѣн'кãго (Поуч. Ис. Сир., 19а), при неясном варианте тãн'кã (Поуч. Ис. Сир., 162а). Ср. регулярную подвижность у Ю. Крижанича: тѣнок (Гр. 55), *tónok* (Пол. 41), *tonká* (ном. sg. f., Пол. 33), тѣнок (Гр. 114; Вып. I, 42), *ná tonko* (Пол. 36), тѣнки (асс. pl. m., Вып. I, 43), тѣнки (ном. pl. f., Вып. I, 30), тонкї (асс. pl. f., Гр. 1, 3), тонкїх (Гр. 9, 19, 144), при тонкїх (Вып. I, 48), *tonkimi* (Пол. 10), тонкїје (Гр. 18), из тонкїе (Вып. I, 36) при тонкѣм (Вып. I, 43) и др. Рефлекс подвижности также в словенском: *tánák*, *tánkà* (при вторичных: *tánək*, *tánka*, *tənək*, *tənkà*). В словинцском конечное ударение:

⁸ Сюда же, по-видимому, входило также **dъrъzъkъ*, **dъrъzъkà*, **dъrъzъko* (у Ю. Крижанича: Дѣрзок Гр. 55, *děrzko* Пол. 95), образованное от прилагательного парадигмы *c*, ср. словен. *dřz*, *dřza*. Основания его включения в данный тип будут ясны из дальнейшего.

senĭi. Для восстановления окситонезы в данном слове нет никаких оснований⁹.

2. **gōrjъkъ*, **gorjъkâ*, **gōrjъko*; чл. ф. **gorjъkъjъ*: др.-русск. *гѣрко* (Чуд. Нов. Зав., 15², 39⁴), *гѣркоу* (асс. sg. f., Чуд. Нов. Зав., 82²). Ср. также кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) *Гѣрѣк* (Гр. 55), *gōrok* (Пол. 41), *gōrko* (Вып. I, 8; Пол. 124), *gorkĭje* (Пол. 116) и словен. *gorâk*, *gôrka* (при вторичном: *gôrâk*, *gôrka*). В словинцском конечное ударение: *gōrĭi*. Оснований для восстановления парадигмы *b* нет.

Как легко заметить, реконструкция типа *a*, в первой подгруппе этой группы прилагательных, при использовании только данного приема анализа, опирается лишь на существование в словенском материале, представленном в Словаре М. Плетершника, некоторого остатка, для которого не засвидетельствованы формы, указывающие на акцентную парадигму *c*. Естественно, что такая реконструкция наименее надежна, особенно в отношении некоторых конкретных слов, входящих в группу с предполагаемой акцентной парадигмой *a*. Например, сомнительно восстановление парадигмы *a* в слове **тързъкъ*, ср. ср.-болг. (зап.) ѣ | *тързкъ* (кр. ф., instr. sg., Поуч. Ис. Сир., 146), что свидетельствует скорее всего о подвижности этого слова в говоре данного памятника, и т. п. Таким образом, относительно этой группы можно утверждать лишь, что в нее, наряду с вторичными случаями, входит также ряд основ, первоначально относившихся к акцентной парадигме *a*. С достаточной степенью надежности эта акцентная парадигма восстанавливается лишь для двух основ: **glâdъkъ* и **rězъkъ*. Оба эти слова в словинцском, сохраняют накоренное ударение в членной форме: *glâxthi*, *rěshĭ* (с вторичной долготой). Ср. чешск. *hladký*, словацк. *hladký*, польск. диал. *gładkĭo* (Kusała, 46) и словацк. *rezký*. Для других слов этой группы восстановление акцентной парадигмы *a* остается проблематичным: ср. кашуб.-словинц. *hĭphĭ*, *mjâlĭi*¹⁰.

Полный параллелизм этой группы образований двум группам праславянских производных прилагательных (с суффиксами *-ъsk-* и *-ъn-*)¹¹ позволяет предположить, что акцентный тип В в словах, подобных **blĭzъkъ*, **blĭzъka*, **blĭzъko*, явился результатом нефонетического преобразования первоначального типа D с новоаккутовой интонацией корня: **blĭzъkъ*, **blĭzъkâ*, **blĭzъko* по обычной схеме отношения с членной формой, т. е. по **bělъ*, **bělâ*, **bělo*: **bělъjъ* отношение **blĭzъkъ*, **blĭzъka*, **blĭzъko*: **blĭzъkъjъ* было перестроено в отношение: **blĭzъkъ*, **blĭzъka*, **blĭzъko*: **blĭzъkъjъ*. Эта перестройка, вероятно, была связана с падением редуцированных.

В этом случае, система акцентных отношений в данной группе имен сведется к трем типам (табл. 2).

Таблица 2

Тип А	Тип D	Тип C
<i>glâdъkъ</i> , <i>glâdъka</i> , <i>glâdъko</i>	<i>blĭzъkъ</i> , <i>blĭzъka</i> , <i>blĭzъko</i> (> <i>blĭzъkъ</i> , <i>blĭzъka</i> , <i>blĭzъko</i>)	<i>krĕrъkъ</i> , <i>krĕrъka</i> , <i>krĕrъko</i>

⁹ Ср. Л. А. Булаховский. Акцентологический комментарий к польскому языку. Киев, 1950, стр. 69.

¹⁰ Там же.

¹¹ См. В. А. Дыбо. Акцентология и словообразование в славянском, стр. 152—155.

В тип А входили:

1. *glādъkъ, *glādъka, *glādъko
2. *rězъkъ, *rězъka, *rězъko и, возможно, некоторые другие.

В тип D входили:

1. *blīzъkъ, *blīzъka, *blīzъko
2. *kortъkъ, *kōrtъka, *kōrtъko
3. *rědъkъ, *rědъka, *rědъko
4. rъzъkъ, *rъzъka, *rъzъko
5. (вероятно) *nīzъkъ, *nīzъka, *nīzъko
6. (вероятно) *zārъkъ, *zārъka, *zārъko
7. *lъgъkъ, *lъgъka, *lъgъko

8. *krotъkъ, *krōtъka, *krōtъko.

В тип С входили:

1. *krěpъkъ, *krěpъka, *krěpъko
2. *sōldъkъ, *sōldъka, *sōldъko
3. *brīdъkъ, *brīdъka, *brīdъko
4. *tъnъkъ, *tъnъka, *tъnъko
5. *mēgъkъ, *mēgъka, *mēgъko
6. *tēgъkъ, *tēgъka, *tēgъko
7. *sībъkъ, *sībъka, *sībъko
8. *gōrjъkъ, *gōrjъka, *gōrjъko
9. *kъrъxъkъ, *kъrъxъka, *kъrъxъko.

Непосредственное установление связи акцентных типов этих прилагательных с акцентными парадигмами производящих имен в данном случае не представляется возможным, так как большинство производящих, к которым относились первоначально (наиболее старый пласт), по-видимому, прилагательные на *-i-*, очень рано было утрачено. Однако, опираясь на некоторые типы производных, отношение акцентных парадигм которых к акцентным парадигмам производящих установлено, можно с определенной, достаточно большой, степенью вероятности реконструировать акцентные парадигмы производящих.

Таковыми производными являются отыменные глаголы на *-i-*. Их отношение к акцентным парадигмам производящих определяется следующим правилом:

Глаголы акцентной парадигмы *a* (*slāviti*, *slāvjo, *slāvīšъ и т. д.) образовывались от имени акцентной парадигмы *a* (*slāva, acc. sg. *slāvъ).

Глаголы акцентной парадигмы *b* (*služiti, *služjo, *služišъ и т. д.) образовывались от имени акцентной парадигмы *b* (*sluga, acc. sg. *slugъ).

Глаголы акцентной парадигмы *c* (*storniti, *stornjo, *stornišъ и т. д.) образовывались от имени акцентной парадигмы *c* (*storna, acc. sg. *stōrnu)¹².

¹² Подробный анализ условий проявления этого правила в материале славянских языков и исключений из него (в результате перекрытия рядом процессов) будет дан в работе, посвященной реконструкции системы праславянского глагола. Для нашего анализа следует иметь в виду два процесса: а) перевод глаголов от краткостных основ парадигмы *b* в древнерусском, штокавском и ряде других диалектов в парадигму *c*, что при отсутствии материала из среднеболгарских текстов (современный болгарский материал не особенно надежен) и из хорватских диалектов, в которых этот переход не был проведен, и при отсутствии рефлексации этого типа в западнославянских языках делает ненадежным использование этого правила для реконструкции акцентной парадигмы краткостных основ; б) в штокавском произошел перевод долготных глаголов парадигмы *c* в парадигму *b*. Поэтому привлечение штокавского материала возможно лишь для различения типа *a* от типов *b* и *c*, но не для различения типа *b* от *c*.

Опираясь на данное правило, можно реконструировать следующие акцентные парадигмы прилагательных на *-ŭ-*, легших в основу прилагательных на *-ъk-*:

Акцентная парадигма *a*

1. **glādъ*, (**glāda*, **glādo*)¹³ на основании **glāditi*, **glādjo*, **glādišъ* (Ср. русск. *гладить*, *гладжу*, *гладилъ*; укр. *гладити*, *гладжу*, *гладиви*; болг. *гладя*; схрв. [шток.] *гладити*, *гладѣм*; кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] *Глāдим* [Гр. 223], кайк. [Бедня] *glōditi*; словен. *glāditi*, *glādim* [с рефлексом нового циркумфлекса]; чешск. *hladiti*, словацк. *hladit'*; польск. диал. *gważić* [Kusała, 182], кашуб. *głazac*).

Акцентная парадигма *b*

1. **blīzъ*, (**blīza*¹¹, **blīzo*) на основании **blīziti*, **blīzjo*, **blīzišъ* (Ср. чак.-кайк. XVII в. [Ю. Крижанич] влйзим [Гр. 226], чешск. *blīziti*, словацк. *blīzit'sa*. В кашуб. *blazac* нормальное сокращение долготы в неличных формах и вытеснение ее из личных форм при сохранении долготы в личных формах имперфективов: *přēbližō*, *zblīža* и др., парадигма *a* исключена. В русск. *приблизить*, *приблизжу*, *приблизилъ*, укр. *блізити*, *бліжу*, *бліживи* ударение вторично).

2. **kōrtъ*, (**korta*, **korto*) на основании **kortiti*, **kortjo*, **kortišъ* (Ср. болг. *кратя*; схрв. (шток.) *кратити*, *кратѣм*; словен. *krātiti*, *krātim*; чешск. *krātiti*, словацк. *krātit'*; польск. *krócić*; кашуб. *krocac*, *krōca* [вариант *krocac* отражает аналогическую утрату рефлекса долготы]. Русск. *укоротить*, *укорочу*, *окоротилъ*; укр. *коротити*, *корочу*, *коротиви* вторичны).

3. **rědъ*, (**rěda*, **rědo*) на основании **rěditi*, **rědjo*, **rědišъ* (Ср. укр. диал. [Гринченко] *обрідити*, *обріджу*, *обрідиви*; словен. *rěditi*, *rědim*; словацк. *riedit'*. В чешском *řediti* образовано вторично, ср. др.-чешск. *řědčiti*. Русск. *проредить*, *прорезу*, *проредилъ* вторично).

4. **qzъ*, (**qza*, **qzo*) на основании **qziti*, **qzjo*, **qzišъ* (Ср. схрв. шток. *ўзити*, *ўзим*; кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] вўзим [Гр. 226]; чешск. *ūžiti*, *zūžiti*; словацк. *ūžit'*. В польск. *zwężyć* *ę* под влиянием сравнительной степени [так же, как и *ź*], ср. *węzszu*. Словен. *ōžiti*, *ōžim* также объясняется, по-видимому, влиянием сравнительной степени; внесенный таким образом в парадигму глагола *акут* и отразился в виде нового циркумфлекса. Русск. *сужить*, *сужу*, *сужилъ*, укр. *вўзити*, *вўжу*, *вўживи* вторичны).

5. **nīzъ*, (**nīza*, **nīzo*) на основании **niziti*, **nizjo*, **nizišъ* (Ср. кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] нйзим [Гр. 227], словен. *ponīziti*, *ponīzim*; чешск. *nīžiti*, словацк. *nīžit'*. В кашуб. *nīzac* долгота устранена под влиянием неличных форм, где нормальное сокращение. Русск. *снизить*, *понижить*, укр. *понізити*, *поніжу*, *поніживи* вторичны).

Акцентная парадигма *c*

1. **krěpъ*, (**krěpa*¹, **krěpo*) на основании **krěpiti*; **krěpjo*, **krěpišъ*

Этот процесс затронул частично и чакавские и кайкавские диалекты по мере введения в первоначально сокращенную глагольную основу долготы производящего имени, что характерно особенно для прилагательных.

¹³ Реконструкция основы здесь и ниже условна.

(Ср. русск. *крепѣть*, *креплѣю*, *креплѣюшь*; укр. *крѣпѣти*, *крѣплѣю*, *крѣплѣюшь*; болг. *креплѣя*; словен. *krępiti*, *krępim*; чешск. *křepiti*; кашуб. *křepic*, *křepa* [вариант *křepa*, по-видимому, по аналогии]. В срхв. шток. *krępiti*, *krępim* отразился переход долготных основ парадигмы *c* в парадигму *b*. Аналогичный переход в кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] *krępim* [Гр. 235]; долгота в первоначально сокращенную основу была внесена, по-видимому, из членной формы прилагательного).

2. **sōldъ*, (**solda*, **sōldo*) на основании **solditi*, **sōldjo*, **soldišъ* (Ср. русск. диал. *солодѣть*, *солодѣю*; укр. *солодѣти*, *солодѣю*; болг. *сладѣя*; кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] *сладѣю* [Гр. 224]; словен. *sladiti*, *sladim*; чешск. *sladiti*, словацк. *sladit'*; польск. *śłodzić*; в.-луж. *śłodzić*. В срхв. шток. *slāditi*, *slādim* отразился переход долготных основ парадигмы *c* в парадигму *b*. Вопрос о том, сохраняется ли в интранзитиве срхв. шток. *slāditi*, *slādī* первоначальное ударение или этот акцентуационный тип полностью вторичен, остается неясным).

3. **brīdъ*, (**bridā*, **brīdo*) на основании **briditi*, **brīdjo*, **bridīšъ* (Ср. словен. *briditi*, *bridim*; словацк. *bridit'*; кашуб. *břęzас*, *břęzа* [вариант *břęzо*, по-видимому, по аналогии]. Укр. *брѣдѣти*, *брѣдѣю*, *брѣдѣюшь*, вероятно, новое образование по существительному: *брѣд*, *брѣду*, *брѣда*. В кайк.-чак. XVII в. [Ю. Крижанич] *брѣдѣю* [Гр. 222] переход в парадигму *b*, ср. *крѣпѣю*).

Сравнение акцентных типов прилагательных на *-ък-* с акцентными парадигмами реконструированных производящих позволяет установить следующее правило порождения акцентных типов этих прилагательных.

Тип с постоянным акутовым ударением на корне имели прилагательные, образованные от имен акцентной парадигмы *a* ($A = a^a$).

Тип с новоаккутовым ударением на корне¹⁴ имели прилагательные, образованные от имен акцентной парадигмы *b* ($D = a^b$).

Тип с циркумфлексовым ударением на начале основы в одних формах и с конечным ударением в других имели прилагательные, образованные от имен акцентной парадигмы *c* ($C = c^c$).

Акцентный тип a^a (A)

1. **glādъкъ*, **glādъка*, **glādъко* (**glādъкъъ*) — от **glādъ*, **glāda*, **glādo*.

Акцентный тип a^b (D)

1. **blizъкъ*, **blizъка*, **blizъко* (**blizъкъъ*) — от **blizъ*, **bliza*, **blizo*.
2. **kortъкъ*, **körtъка*, **körtъко* (**körtъкъъ*) — от **körtъ*, **korta*, **korto*.
3. **rědъкъ*, **rědъка*, **rědъко* (**rědъкъъ*) — от **rědъ*, **rěda*, **rědo*.
4. **qzъкъ*, **qzъка*, **qzъко* (**qzъкъъ*) — от **qzъ*, **qza*, **qzo*.
5. **nizъкъ*, **nizъка*, **nizъко* (**nizъкъъ*) — от **nizъ*, **niza*, **nizo*.

Акцентный тип c^c (C)

1. **krěpъкъ*, **krěpъка*, **krěpъко* (**krěpъкъъ*) — от **krěpъ*, **krěpa*, **krěpo*.
 2. **sōldъкъ*, **soldъка*, **sōldъко* (**soldъкъъ*) — от **sōldъ*, **solda*, **sōldo*.
 3. **brīdъкъ*, **bridъка*, **brīdъко* (**bridъкъъ*) — от **brīdъ*, **bridā*, **brīdo*.
- Установленное правило соответствует аналогичным правилам для

¹⁴ Или с постоянным ударением на окончании (см. выше).

прилагательных на *-ьн-*, *-ьск-* и других групп производных имен и соотносится с подобной же системой правил в балтийском. Реликты сходных правил выбора в ведийском и древнегреческом¹⁵ могут свидетельствовать о его индоевропейских истоках.

Сокращение источников

Вып. I, II, III — Ю. Крижанич. Собрание сочинений, вып. I, II, III. М., 1891 (Арабские цифры обозначают страницы издания).

Гр. — Граматично изказанје ов рѣском језику, по па ЈѢра Крижанѣца, презвѣнѣм Ђерманѣна, међу КѢпоѢ и ЂноѢ рѣкама, Ко Ѣјездех Ђѣхца града, окол ДѢбокца, Озла и Рѣвѣника острѣгов. Писано ка Ђѣбири Лѣта 4390. М., 1859 (Арабские цифры передают славянскую пагинацию книги).

Пол. — Юрий Крижанич. Политика. М., 1965 (цифры обозначают страницы рукописи).

Поуч. Ис. Сир. — Поучения Исаака Сирина, рукопись 1389 г., Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ф. 304, № 172.

Чуд. Нов. Зав. — Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. (Фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского). М., 1892 (Арабские цифры обозначают листы рукописи, цифровые индексы — столбцы листа).

Kusała — Marian Kusała. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

PW — Friedrich Lorentz. Pomoranisches Wörterbuch, Bd. I. Berlin, 1958.

¹⁵ Ср. J. Wackernagel. Akzentstudien I. «Kleine Schriften», Bd. 2, Göttingen, S. 1108—1121. Подробнее парадигматический принцип организации акцента в индоевропейском рассматривается нами в подготовленной к печати работе «Индоевропейский акцент в пушту (афганском)».

И. А. ВОРОНКОВ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯН В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Кафедра истории южных и западных славян МГУ, отметившая недавно свое 30-летие, была создана в 1939 г. Долгое время подобных кафедр не было; и сейчас она играет ведущую роль среди вузовских кафедр¹. Можно смело сказать, что кафедра сыграла важную роль в становлении и развитии советского славяноведения.

Интерес студентов к истории братских славянских народов особенно возрос в последние годы. В первое послевоенное десятилетие кафедра готовила по 10—15 специалистов в год. Последние десять лет кафедру оканчивает ежегодно в среднем 30 студентов. Всего за время существования кафедры университет выпустил более 500 историков-славистов, свыше 60 из них защитили уже кандидатские и 7 — докторские диссертации². Непосредственно на кафедре подготовлено более 30 кандидатов наук. Около половины преподавателей и научных сотрудников, работающих в области славяноведения — выпускники кафедры. Около 20 специалистов кафедры подготовила для зарубежных стран, из них 8 для Польши. Большинство иностранцев, окончивших кафедру, защитили диссертации и успешно работают в вузах и научно-исследовательских институтах. Доценты И. Спустек и Е. Борейша ведут преподавательскую работу в Варшавском университете, доц. Е. Можж — в Познанском, проф. Ф. Тых работает в Институте истории партии при ЦК ПОРП и является редактором журнала «3 поля вальки», Ш. Штефанеску — заместитель директора Института истории Румынской академии наук.

Много наших выпускников работает в научно-исследовательских институтах: Институте славяноведения и балканистики, Институте международного рабочего движения, ИМЛ, экономических институтах АН СССР, Институте военной истории. Выпускники кафедры работают в вузах (Донецком, Краснодарском, Мордовском, Одесском, Свердловском и Пермском университетах, Курганском, Новосибирском, Орловском и Смоленском пединститутах и в ряде других), школах, архивах, библиотеках, музеях, на партийной, дипломатической и комсомольской работе, в различных министерствах, ведомствах и учреждениях, в ТАСС, АПН, Радиокомитете, в редакциях

¹ В настоящее время существуют четыре кафедры, занимающиеся историей зарубежных славян: кафедра истории южных и западных славян МГУ, кафедра истории южных и западных славян Львовского университета (зав. кафедрой проф. Д. Л. Похилевич), кафедра истории зарубежных социалистических стран, южных и западных славян Киевского университета (зав. кафедрой проф. И. С. Дзюбо) и кафедра истории средних веков и зарубежных славян Воронежского университета (зав. кафедрой доц. А. Е. Москаленко).

² Это старшие научные сотрудники Института славяноведения и балканистики АН СССР В. Д. Королюк, И. С. Миллер, А. Х. Клеванский, директор Института этнографии, чл.-корр. АН СССР Ю. В. Бромлей, зав. кафедрой истории Польши Краковского университета Ц. Бобинская, проф. кафедры философии МГУ Л. В. Воробьев и ленинградский социолог А. Харчев.

газет и журналов и т. д. Значительная часть из них работает непосредственно в области славяноведения.

Подготовка кафедрой большого числа историков-славистов, многие из которых стали известными учеными,— важный вклад в развитие науки, просвещения и культуры.

Кафедрой подготовлена вся важнейшая учебная и учебно-методическая литература по курсу истории славян. Ею был издан в 1957 г. первый вузовский учебник по истории зарубежных славян. В конце 1969 г. вышла из печати книга по истории южных и западных славян. Коллектив кафедры участвовал в написании двухтомного учебного пособия по историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки. Он создал стабильную программу и методические указания по курсу истории южных и западных славян, а также программу по историографии зарубежных славян.

Сотрудники кафедры ведут значительную научную работу. Ими опубликованы три монографии и сотни статей, рецензий, сборники документов и т. д. по различным проблемам истории зарубежных славян и историографии. Только за последние 7 лет (1963—1969 гг.) преподавателями кафедры опубликовано свыше 140 работ научного и учебного характера, объемом в 215 печатных листов.

* * *

Достижения кафедры неоспоримы. Но ее тридцатилетний путь был сложным. На этом пути были успехи и неудачи, были и невосполнимые потери. За 30 лет мы потеряли таких крупных ученых, как В. И. Пичета и З. Р. Неедлы. Нет уже среди нас И. Н. Частухина и преподавателей чешского и болгарского языков З. П. Грозной и А. А. Никольской.

Академик В. И. Пичета (1878—1947) был основателем и первым руководителем кафедры. Владимир Иванович был не только прекрасным человеком и крупнейшим специалистом по истории славянских народов, но и крупным организатором высшей школы и исторической науки в нашей стране. Он долгое время был первым ректором первого высшего учебного заведения Белоруссии — Белорусского государственного университета. В. И. Пичета явился также инициатором создания Института славяноведения АН СССР.

В. И. Пичету по праву называют родоначальником школы советского славяноведения, которую характеризуют не только марксистско-ленинские методологические основы, но и широта проблематики исследований, обращение к изучению новой и новейшей истории зарубежных славянских стран.

В первые же дни кафедра столкнулась с огромными трудностями. Специалистов по истории славянских народов в нашей стране было мало, а по новейшей истории их вообще не было, не было учебников и учебно-методической литературы, не было преподавателей славянских языков. Множество важнейших вопросов и проблем истории зарубежных славян, особенно нового и новейшего времени, не было изучено ни в буржуазной, ни в советской историографии.

К работе кафедры В. И. Пичета широко привлекал крупных историков, в той или иной степени занимавшихся историей зарубежного славянства. Ближайшим помощником В. И. Пичеты был известный чешский ученый и общественный деятель З. Р. Неедлы, работавший профессором кафедры в 1939—1945 гг. Он вел преподавательскую и исследовательскую работу по истории Чехии и Словакии, чешско-русским связям, историографии и источниковедению истории Чехии, читал общий курс истории южных и западных славян, руководил аспирантами³.

³ См. статьи С. А. Никитина, В. Д. Королюка и Б. М. Руколь в сб. «Зденек Неедлы — выдающийся общественный деятель и ученый». М., «Наука», 1964, статью Б. М. Руколь «Славяноведение в Московском университете» в сб. «Очерки по истории советской науки и культуры». Изд-во МГУ, 1968.

Большую помощь кафедре оказали крупные советские историки: академики Б. Д. Греков и М. Н. Тихомиров, проф. Н. П. Грацианский. Б. Д. Греков и М. Н. Тихомиров положили в нашей историографии начало исследованию проблем русско-славянских связей и отношений, сравнительному анализу и сопоставлению памятников древнеславянской письменности и древнеславянского права. Н. П. Грацианский исследовал отношения славянских народов со странами Западной Европы в период раннего средневековья⁴.

Преподавательскую работу на кафедре некоторое время вели проф. Б. Т. Горянов, проф. В. Т. Дитякин, доц. С. Ш. Гринберг и некоторые аспиранты. На кафедру был приглашен С. А. Никитин, видный специалист по истории южных славян. После смерти В. И. Пичеты он в течение 14 лет (1947—1961) возглавлял кафедру и внес значительный вклад в развитие советского славяноведения и в подготовку кадров историков-славистов. С 1961 г. кафедрой заведует автор этих строк.

Как уже говорилось, основную работу на кафедре сразу после ее создания выполняли ее профессора — В. И. Пичета и З. Р. Неядлы. После отъезда в 1945 г. З. Р. Неядло на родину главная тяжесть педагогической работы на кафедре легла на плечи В. И. Пичеты. Он читал общий курс истории славян и спецкурсы по социально-экономической истории Польши XIX в., истории польского восстания 1830—1831 гг. и польской культуры XIX в., истории чешского национального возрождения и истории Литвы, Белоруссии и др. Владимир Иванович впервые ввел курс историографии и источниковедения истории зарубежных славян. Он создал первые варианты программ по этим дисциплинам и по общему курсу истории славян. В. И. Пичета и З. Р. Неядлы стремились обеспечить широкую языковую подготовку студентов и аспирантов кафедры. В результате их стараний на кафедре были заложены прочные основы специализации в области истории зарубежных славян.

Но В. И. Пичета не ограничивался только аудиторными занятиями. У себя дома при неизменном участии и содействии своей супруги Александры Петровны он создал семинар («пичетник»), который сыграл большую роль в формировании кадров историков-славистов. Участники семинара собирались обычно по вечерам один раз в неделю. На семинарах в непринужденной дружеской атмосфере ученики В. И. Пичеты — аспиранты и студенты старших курсов — обсуждали результаты своих исследований. Большинство московских историков-славистов старшего поколения (В. Д. Корольюк, И. С. Миллер, И. И. Удальцов, Г. Э. Санчук, И. М. Белявская, И. А. Воронков и др.) вышли из этого семинара.

В научном плане внимание кафедры в 1939—1941 гг. было сосредоточено на исследовании древней истории зарубежных славян⁵.

Вторая мировая война, фашистская оккупация большинства славянских стран и освободительная борьба славянских народов привлекли внимание историков-славистов к исследованию борьбы славянских народов против немецкой агрессии, к выяснению их дружественных связей с Россией. По этим проблемам был опубликован ряд тематических сборников, статей и очерков⁶.

Сразу же после войны В. И. Пичета ориентировал студентов и аспирантов кафедры на изучение национально-освободительного движения славянских народов, русско-славянских революционных связей и отношений, истории крестьянства и аграрных отношений, развития капитализма и формирования рабочего класса, истории рабочего и социалистического движения. Эти весьма актуальные и в то же время почти совершенно не изученные в нашей историографии проблемы определяли основную тематику спецкурсов и спецсеминаров, дипломных работ и диссертаций, подготовленных на кафедре истории южных и западных славян в первое послевоенное десятилетие.

⁴ И. М. Белявская, И. А. Воронков. Советское славяноведение в Московском университете. «Вестник Московского университета», История, № 1, 1968.

⁵ Там же, стр. 5.

⁶ Там же.

К середине 50-х годов закончился первый период работы кафедры, главной и определяющей задачей которого была подготовка кадров историков-славистов. К этому времени многие воспитанники кафедры защитили свои первые диссертации и выступили в печати с рядом работ, внесших значительный вклад в исследование проблем истории славян главным образом XIX — начала XX в.⁷

Своеобразным подведением итогов преподавательской и исследовательской работы кафедры за первый период явились первый учебник по истории южных и западных славян, главы по истории зарубежных славянских народов в учебниках и пособиях по истории средних веков, новой и новейшей истории и в обобщающих трудах по истории Болгарии, Чехословакии и Югославии⁸. Выход в то время учебника и других работ по истории зарубежных славян был большим достижением нашей славистической науки. В создании их участвовал почти весь тогдашний состав кафедры (С. А. Никитин, И. М. Белявская, В. Г. Карасев, И. Н. Частухин, Б. М. Руколь).

Со второй половины 50-х годов и особенно в 60-е годы начинается новый период в работе кафедры. Он характеризуется заметным подъемом научно-исследовательской работы и расширением ее тематики, активным участием сотрудников кафедры в научных конференциях и симпозиумах, увеличением числа студентов, введением новых спецкурсов и спецсеминаров, новых учебных дисциплин, установленнем тесных научных связей и контактов с зарубежными учеными.

В итоге многолетнего опыта в конце 50 — начале 60-х годов сложилась, на наш взгляд, наиболее целесообразная система подготовки кадров историков-славистов. Специализация студентов на кафедре проводится на основе широкой общенсторической и языковой подготовки. Она начинается на дневном отделении с III курса, а на вечернем и заочном — с IV курса. Студенты, специализирующиеся на кафедре, слушают курсы южных и западных славян в объеме 200 часов, курсы источниковедения и историографии зарубежных славян по 68 часов каждый, 3 спецкурса, изучают 1—2 славянских языка, южнославянскую и латинскую палеографию, курс архивоведения, работают в просеминарах по новой истории зарубежных славян и в спецсеминарах, проходят в различных городах нашей страны двухнедельную архивно-краеведческую практику. В последние годы студенты кафедры выезжают также на производственно-ознакомительную практику в зарубежные славянские страны сроком на 3—4 недели. Завершается специализация подготовкой и защитой дипломной работы.

В последнее время специализация на кафедре охватывает все исторические периоды и эпохи зарубежных славянских стран. Если до середины 50-х годов студенты и аспиранты специализировались в основном по истории славян XIX — начала XX в., то сейчас большая их часть специализируется по новейшей истории и, прежде всего, по истории южных и западных славян периода второй мировой войны и послевоенного времени. Значительно расширилась подготовка студентов и аспирантов по истории славян периода феодализма. Из 208 студентов, окончивших кафедру в 1963—1969 гг., 32 специализировались по средневековой истории славян, 48 — по истории славян XIX — начала XX в., 128 — по новейшей истории. За тот же период студенты прослушали 34 спецкурса по истории Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии, из них 7 было посвящено средневековой истории («Социально-экономические отношения в Болгарии в VII—XII вв.», «Социально-экономические отношения в Загребе в XIII—XVII вв.», «Чешская и словацкая деревня XVII—XVIII вв.», «Упадок Речи Посполитой и ее разделы» и др.), 11 — истории славян XIX — начала XX в. («Польско-русские общественно-политические и культурные связи в первой половине XIX в.», «Начало рабочего движения в чешских землях», «История чешской литературы XIX — начала XX в.», «Димитр Благоев и рабоче!» и социалистическое движение в Болгарии в конце XIX — начале XX в.», «Общественное движение в Сербии в 60—70-х годах XIX в.», «Словенское национальное движение в конце XVIII—XIX вв.» и др.), 16 —

⁷ Там же, стр. 6—7; С. И. Сидельников, Г. И. Чернявский. Историки-слависты СССР. Биобиблиографический справочник. Харьков, 1969.

⁸ См. И. М. Белявская, И. А. Воронков. Там же, стр. 7.

новой истории («История КПИ (1918—1938 гг.)», «В. И. Ленин и польское революционное движение», «Польско-советские отношения в межвоенный период», «Основные этапы развития народной Польши», «Чехословацкая эмиграция в СССР (1939—1945 гг.)», «Некоторые проблемы национально-освободительной борьбы и народной революции в Югославии в 1941—1945 гг.», «Возникновение, сущность и развитие народно-демократических органов власти в Югославии (1941—1945 гг.)», «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Болгарии (1917—1919 гг.)», «Балканские проблемы начального периода второй мировой войны» и др.).

В научной области важнейшая задача кафедры в последний период состояла в подготовке книги по истории зарубежных славян, охватывающей историю зарубежных славян с древнейших времен до 1965—1966 гг. и включающей⁹ разделы по истории культуры братских славянских народов⁹. В это же время кафедрой были созданы новая программа и новые методические указания по курсу истории зарубежных славян, первая программа по курсу историографии¹⁰.

Вторым основным направлением научной работы кафедры была разработка проблем зарубежной славянской историографии, русского и советского славяноведения. Эти проблемы у нас до 60-х годов практически не исследовались. Итогом работы кафедры явились: сборник статей «Славянская историография», главы о развитии исторической науки в зарубежных славянских странах в учебных пособиях по историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки и другие работы¹¹. Работы сотрудников кафедры по историографии получили положительную оценку советской и зарубежной научной общественности.

Преподаватели кафедры и аспиранты исследуют также ряд других проблем истории зарубежных славян: социально-экономическое развитие славянских стран в период феодализма; национально-освободительное и революционное движение славянских народов и русско-славянские связи и отношения; влияние Октябрьской революции на подъем революционного движения в славянских странах; участие южных славян в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР; советско-югославское боевое содружество в период второй мировой войны; вопросы межвоенной и послевоенной истории славян¹².

Значительное внимание сотрудники кафедры уделяют переводам и публикации работ зарубежных авторов, а также изданию источников.

Активно участвуют члены кафедры в научных конференциях и симпозиумах. Только за 1963—1969 гг. они участвовали в 35 конференциях, из них в 12 международных, сделали 60 докладов и сообщений, из них 7 — на международных конференциях.

⁹ «История южных и западных славян» под ред. И. М. Белявской, И. А. Воронкова, В. Г. Карасева, И. В. Созина. Изд-во МГУ, 1969.

¹⁰ «Программа по истории южных и западных славян для исторических факультетов государственных университетов» под ред. И. А. Воронкова. Изд-во «Высшая школа», М., 1969; «История южных и западных славян. Методические указания для студентов-заочников исторических факультетов государственных университетов» под ред. И. А. Воронкова. Изд-во МГУ, 1969; «Программа курса «Историография истории западных и южных славян» для исторических факультетов университетов» под ред. И. М. Белявской. Изд-во МГУ, 1968 (стеклогр.).

¹¹ См. И. М. Белявская, И. А. Воронков. Там же, стр. 8; И. М. Белявская. 50 лет советского славяноведения. «Советское славяноведение. Материалы IV межвузовской конференции историков-славистов». Минск, 1969; Б. М. Руколь. З. Неядлы — историк славянских народов. Там же.

¹² См. И. М. Белявская, И. А. Воронков. Там же, стр. 9—10; Е. С. Макаова. К вопросу о возникновении свободного города в Славонии. «Советское славяноведение. Материалы IV межвузовской конференции историков-славистов». Минск, 1969; Л. В. Горина. К вопросу о терминологии средневекового болгарского города. Там же; И. В. Созин. Пути расширения барской запашки в крупных хозяйствах Польши (вторая половина XVIII в.). Там же; В. Г. Карасев. Славянский отдел газеты «С.-Петербургские ведомости» в 1864—1866 гг. Там же; И. Д. Очак. Участие югославов в Отечественной войне Советского Союза (1941—1945 гг.). Там же, и др.

С 1962 г. кафедра является координационным центром Министерства высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР по истории зарубежных славян. Коллектив кафедры проделал большую работу по подготовке I, II, III, IV и V межвузовских научных конференций историков-славистов, проходивших в Московском (1962), Киевском (1963), Воронежском (1966), Белорусском (1968)¹⁸ и Харьковском (1970) университетах. Последняя конференция была посвящена 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

При кафедре в течение многих лет работает научное студенческое общество (НСО). Основной формой работы НСО является подготовка и проведение научных конференций. Проведены уже конференции на темы: «Общественно-политические и культурные связи народов СССР с народами зарубежных славянских стран», «Столицы зарубежных славянских государств», «Славяне-интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России», «Национально-освободительная борьба зарубежных славян в 1941—1945 гг. в освещении историографии», «Современная культура и искусство славянских стран», и др. Студенты выступают с докладами также и на заседаниях кафедры. В 1969 г. были проведены совместные торжественные заседания кафедры и НСО, посвященные 25-летию ПНР и НРБ. В марте 1970 г. состоялась совместная научно-теоретическая конференция кафедры и НСО, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. НСО выпускает стенную газету, которая знакомит студентов с политической, экономической и культурной жизнью славянских стран, важнейшими событиями их прошлого, с жизнью кафедры. Участие студентов в работе НСО содействует углублению их специализации, развитию навыков исследовательской работы, укреплению их связей с кафедрой.]

Кафедра поддерживает тесные деловые связи с большинством университетов и рядом педвузов, имеющих специалистов в области славяноведения. Многообразны связи кафедры с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР: проведение совместных научных конференций, взаимное рецензирование научных работ, приглашение сотрудников Института славяноведения и балканистики для чтения студентам кафедры спецкурсов, руководства аспирантами и дипломниками и проведения других видов учебной работы и т. д.

Очень тесное и весьма полезное сотрудничество в последние годы установилось между нашей кафедрой и кафедрой истории нового и новейшего времени истфака МГУ. Его укреплению во многом содействовала совместная подготовка пособий по историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки.

Постоянные контакты по учебным, научным и другим вопросам мы поддерживаем с кафедрами истории средних веков, истории СССР, историографии и источниковедения и некоторыми другими.

Двадцать лет наша кафедра плодотворно сотрудничает с кафедрой славянских языков и литератур филологического факультета МГУ. Слависты-филологи преподают студентам славянские языки и историю славянских литератур, а слависты-историки читают студентам филфака историю зарубежных славянских народов.

* * *

С конца 50-х годов установились постоянные связи и контакты между кафедрой и зарубежными учеными из европейских социалистических стран. Только за последние 7 лет сотрудники кафедры и аспиранты 34 раза выезжали в научные командировки за рубеж. Цели командировок были различные: сбор материалов в зарубежных архивах и библиотеках по темам научных работ, участие в международных научных конференци-

¹⁸ И. А. Воронков. От первой до четвертой научной конференции историков-славистов. «Советское славяноведение. Материалы IV межвузовской конференции историков-славистов», Минск, 1969.

ях, совершенствование знаний в летних школах славянских языков, поездки с группами студентов на производственно-ознакомительную практику. Преподаватели и аспиранты знакомились также с культурно-историческими памятниками славянских стран, консультировались с зарубежными учеными по научным вопросам, выступали в вузах и институтах с докладами и сообщениями о результатах своих исследований, о развитии славяноведения в нашей стране и т. д.

С 1960 г. кафедра стала регулярно направлять студентов старших курсов и аспирантов в зарубежные университеты с целью обучения и подготовки дипломных работ и диссертаций. В 1969/70 учебном году десятимесячную стажировку при Варшавском, Пражском, Софийском и Белградском университетах проходят 4 студента и один аспирант. С 1966 г. осуществляется регулярный обмен студенческими группами с ведущими университетами славянских стран. 6 групп студентов кафедры прошли производственно-ознакомительную практику в Болгарии, Польше и Чехословакии. В свою очередь кафедра принимала у себя болгарских, польских и чехословацких студентов.

Ученые кафедры в последние годы напечатали ряд своих работ в зарубежных социалистических странах ¹⁴.

С 1958 г. кафедра приняла 70 зарубежных ученых из Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии и других стран и среди них профессоров: Д. Косева, Х. Христова (Болгария), А. Гейштора, Ю. Дуткевича, Г. Миссалову, С. Кеневича, Ж. Корманову, Г. Ловмянского, Г. Яблоньского (Польша), В. Гуса, М. Гесиоровского, Я. Прохазку, Ч. Аморта (Чехословакия), Дж. Радоичича, Ф. Чулиновича, Я. Шидака, Д. Янковича, (Югославия), приехавших с целью сбора материалов в советских архивах и библиотеках по темам их исследований. Многие из них прочли спецкурсы, лекции, доклады и т. д.

Очень интересной, полезной и перспективной формой сотрудничества является приглашение к нам крупных зарубежных ученых для чтения спецкурсов. С 1964 г. они прочли на нашей кафедре 7 спецкурсов на темы: «Польское национально-освободительное движение XIX в.» (С. Кеневич), «Планы гитлеровской Германии против славянских народов» (Ч. Аморт), «О югославо-русских культурных связях с древнейших времен до начала XVIII в.» (Дм. Радоичич), «Социально-политическое развитие хорватских земель в XIX в.» (Я. Шидак), «Коммунистическое и рабочее движение в Болгарии между двумя мировыми войнами» (Д. Косев) и др.

Сотрудники кафедры ведут переписку с зарубежными учеными, обмениваются научной литературой и т. д. Болгарские, польские, чехословацкие и югославские историки оказали кафедре существенную помощь при подготовке сборника статей «Славянская историография» и глав по зарубежной славянской историографии для учебного пособия «Историография нового и новейшего времени».

Научные связи с историками-славистами нашей страны и с зарубежными коллегами, взаимные консультации способствуют расширению и углублению научной и педагогической работы кафедры.

Коллектив кафедры активно участвует в общественно-воспитательной работе. Почти все его члены постоянно выступают в университете и вне его с лекциями и беседами о строительстве социализма в зарубежных славянских странах и по другим актуальным вопросам.

¹⁴ В. И. В л а д и м и р с к а я. В. И. Ленин в Болгарии. «Известия на Народна Библиотека „Кирил и Методий“», вып. VIII (XIV); В. Г. К а р а с ј о в. Из историје руско-српских револуционарних веза у првој половини седамдесетих година XIX века. «Историјски гласник», бр. 1—4, Београд, 1962; е г о ж е. Живојин Жујовић и Омладина српска. Сборник радова. Нови Сад, 1969; Л. Р. Л а р т е в а. Pокрокову proud v ruske predrevoluční husitologii. «Slovanský přehled», 1969, № 5; И. Д. О ч а к. Југословени у Октобру. «Народна книга», Београд, 1967; е г о ж е. Револуционарна дейност на българските комунистически групи в Россия през периода на Великата октомврийската социалистическа революция. «История и география», № 5, София, 1961, и др.

* * *

Таким образом, за тридцать лет своего существования кафедра добилась значительных успехов в учебно-воспитательной и научной работе, в подготовке учебников и учебно-методических пособий, в подготовке кадров историков-славистов, в укреплении связей с историками Советского Союза и зарубежных социалистических стран.

Но у кафедры имеется много нерешенных задач и планов. В ближайшие годы преподаватели кафедры должны завершить свои монографические работы и приступить к подготовке новых учебных пособий и программ («Историография истории южных и западных славян», программа курса «Источниковедение истории зарубежных славян» и др.). Коллектив кафедры будет и в дальнейшем укреплять связи со своими выпускниками, с историками-славистами нашей страны и зарубежных государств.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Е. ЛЬВОВА

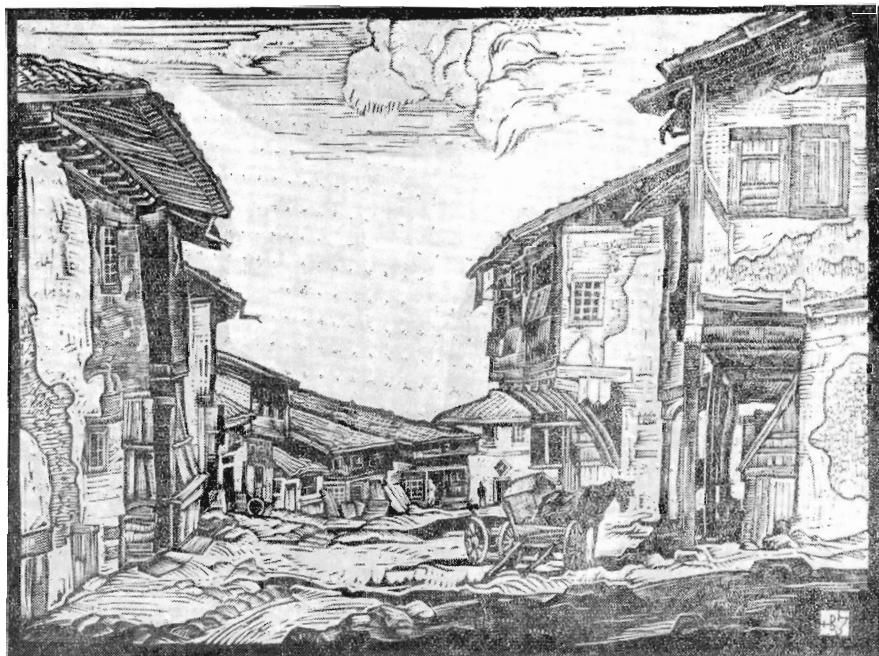
ТВОРЧЕСТВО ВАСИЛА ЗАХАРИЕВА И ТРАДИЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Проблема творческого осмысления, освоения эстетических ценностей народного творчества, всего богатства традиций национального искусства продолжает оставаться одной из самых актуальных для современной художественной культуры социалистических стран. Опыт болгарских художников в этом отношении представляется особенно интересным и плодотворным. Достаточно назвать таких ярких, своеобразных художников, творчество которых при всей их индивидуальности связано с народным творчеством, — И. Милева, В. Димитрова-Майстора, С. Венева и Ц. Лавренова. За последние годы их произведения стали хорошо известны и в нашей стране. В области графики народную традицию продолжают многие болгарские художники, среди них особое место принадлежит Василу Захариеву, 75-летие которого болгарская художественная общественность отмечает в 1970 г.

Творчество этого мастера, цельное и гармоничное, возникло как своеобразный драгоценный сплав национальных традиций средневекового искусства, Возрождения и творческой фантазии самого художника, обладающего ярким творческим почерком. В графических листах художника ощущается живая связь с творениями безымянных народных мастеров эпохи национального Возрождения, создавших подлинные шедевры в церковных стенописях и миниатюре, деревянной резьбе, металле и керамике. Поэзию и героизм, мужество и величие народного подвига, а главное, — атмосферу эпохи Возрождения сумел воплотить средствами графики Васил Захариев.

Эпоха болгарского Возрождения породила и образ нового человека, представителя нации, гордого великими традициями, характер необычайно целостный и гармоничный. Представляется, что творчество В. Захариева несет в себе сам этот характер Возрождения — его искусство отражает благородство, сдержанность, спокойную ясность и величие духа. Он словно неторопливо рассказывает об облике страны, ее природе, людях, древних городах и памятниках, проникая в художественное мышление народа.

В. Захариев рос в одном из самых старых и живописных городов Болгарии — Самокове, расположенном у подножья величественных Рильских гор. Узкие улочки с причудливой архитектурой живописных строений, церкви с деревянной резьбой иконостасов и драгоценным мерцанием красок старинных икон, вереницы крестьян, идущих на поклонение в Рильский монастырь, — все это вошло в сознание художника с самого раннего возраста, сформировало и определило его художественные вкусы. Самоков, значительный экономический центр Болгарии, был и одним из культурных очагов страны; здесь была создана одна из старейших художественных школ — Самоковская, давшая истории болгарского искусства Хр. Димитрова, Захария Зографа, А. Карастоянова, Ст. Доспевского. В. Захариев неоднократно обращался к творчеству этих художников, определивших лицо национальной художественной школы нового времени, — он изучил их творческий опыт и многое из него перенес в современное искусство; на основе тщательного изучения Самоковской школы возникли монографии о творчестве первых ее представителей, книги В. Захариева о Захарии Зографе и Ст. Доспевском. В 1911 г. шестнадцатилетний Захариев отправился в Софию и поступил в Рисовальное

Старая улица в Самокове. Гравюра на дереве. 1927 г.

*Церковь св. Николая
в Самокове. Гравюра на
дереве. 1927 г. §*

Сборщицы малины. Гравюра на дереве. 1932 г.

города, памятников культуры болгарского народа. Молодой художник не прельстился никакими модными увлечениями модернистского искусства, остался верным тем образам и приемам, которые дали ему Самоков и национальная школа. Его восприятие мира удивительно уравновешенно, целостно и донесено до зрителя в про-

училище, которое закончил в 1919 г. и вскоре уехал продолжать образование в Лейпциг, в Академию графических искусств. К этому времени в значительной степени не только сформировался круг творческих интересов молодого болгарского художника, столкнувшегося в Лейпциге с самыми разнообразными течениями европейского искусства, но и определилась та графическая техника, в которой он работает уже более полувека,— гравюра на дереве. В этой технике были созданы такие произведения, как «Старая улица в Самокове» (1927 г.) «Церковь св. Николая в Самокове» (1927 г.), «Базилика св. София» (1928 г.) и многие другие листы 20-х годов. Уже в них со всей очевидностью выявилось понимание художником выразительных возможностей гравюры на дереве, особое бережное отношение к материалу, умение выявить его особую красоту. Все художественные средства были подчинены передаче поэтической атмосферы старинного

Рильский монастырь. Цветная гравюра на дереве. 1936 г.

Легендарный герой — Маринчо Бинбелов-Страшный. Двухцветная гравюра на дереве. 1935 г.

думанной и выразительной художественной форме. Рисуя старинную улочку Самокова, художник дает четкое чередование планов, словно предоставляя зрителю возможность неторопливо и внимательно рассмотреть ее особенности, проникнуть в ритм жизни тихого города. Чередование света и тени, разнообразие штриха говорят о профессиональном мастерстве Захариева, стремящегося к лаконизму и ясности композиции. Художник передает особую пластическую живописность болгарской архитектуры с ее черепичными крышами домов, выступающими вторыми этажами причудливых старинных строений. Живописное восприятие ощущается и в тех работах Захариева, где он воссоздает памятники архитектуры. Он внимателен к орнаменту, кладке стен, придающим им особую декоративность; своими устойчивыми монументальными объемами церковные здания словно противостоят мятущейся, взволнованной романтической природе, их окружающей; здесь, как и во многих других работах Захариева, большую композиционную роль играет пейзаж. Ветер несет по небу рваные тучи, гнет ветви деревьев, сгибает вершины кипарисов, создавая особый тревожный ритм кругового движения.

В основе этих листов — наблюдение жизни, строгая, правдивая передача увиденного во всех его деталях. Особая, чеканная простота линий и строгость отбора роднят ранние работы Захариева с произ-

Иван Николов Образовицец из Самокова. Цветная гравюра на дереве. 1936 г.

ведениями болгарских художников XIX в. Подобно им он внимательно и любовно, словно впервые открывая людям красоту и богатство окружающего мира, показывает неповторимую красоту родной земли, раскрывает облик ее городов и людей. Однако это не копирование найденных приемов, не стилизация, но стремление сохранить чистоту национальной традиции и ее обаяние в современной художественной культуре.

К концу 20-х годов В. Захариев работает над оформлением книг классиков болгарской литературы Елин-Пелина и Христо Смирненского, продолжает педагогическую деятельность (впервые в стране Захариев вел в болгарской Художественной Академии курс гравюры на дереве), у него учились И. Милев, Ил. Бешков, П. Георгиев, А. Жендов, В. Стайков, Ил. Петров, Л. Далчев, В. Стоилов и многие другие известные болгарские художники. В то же время художник обращает значительное внимание на развитие прикладного искусства, работая и над экслибрисами и разработкой шрифтов. Однако в это время, как и в последующие годы, в центре внимания В. Захариева остается станковая графика.

В начале — середине 30-х годов были созданы гравюры на дереве, представляющие новый этап в творческом развитии художника. Это его известные работы «Сборщицы малины» (1932), «Пастухи в Рильских горах», «Рильский монастырь» (1935 г.), «Иван Николов Образописец из Самокова» (1936 г.), «Маринчо Бинбелов-Страшный» (1935) г., в наши дни украшающие экспозиции Национальной художественной галереи в Софии, музеев в Венеции, Дрездене и других европейских городах.

В гравюре «Сборщицы малины» В. Захариев изображает двух молодых болгарских крестьянок, словно вплотную подводя их к зрителю. Ощущение монументальности композиции возникает и за счет того, что художник поднимает фигуры изображенных фронтально, над низкой линией горизонта, и из-за особой весомости самих фигур, возвышающихся над ним. И в то же время крестьянки кажутся единым целым с землей, окружающей природой, которую любовно рисует художник. Живописность строгих национальных костюмов с их ритмическим чередованием черных и белых плоскостей снова заставляет вспомнить о старинных болгарских «щампах» — гравюрах народных мастеров. Особое внимание художник уделял изображению лиц крестьянок, передавая их человеческое достоинство и внутреннюю, духовную силу. В этой гравюре, словно очищенной от всего лишнего, есть особая композиционная музыкальность, ощущаемая и в самой силуэтной постановке фигур, и в замкнутом движении рук крестьянок.

Величественным памятником болгарской культуры предстает в гравюре Захариева «Рильский монастырь» — прославленный архитектурный комплекс. Многие художники неоднократно обращались к его изображению, стремясь подчеркнуть живописность окружающего горного пейзажа и своеобразную красоту самой монастырской постройки. Захариев стремится к предельному обобщению, погружая в темноту отвесные горные склоны, обступающие монастырь, выделяя светлые монастырские стены и узор колоннад, окруженных черными кипарисами. От этого композиция кажется особенно строгой и замкнуто-уравновешенной.

Изображая героев болгарского эпоса, деятелей национальной культуры, Захариев использует иные художественные средства, больше прибегая к стилизации. Таков его «Маринчо Бинбелов-Страшный», переносящий нас в сказочную, поэтическую атмосферу старой Болгарии. Это сказочное начало делает художественный язык гравюры особенно чистым, наивно-повествовательным и в то же время тонким и совершенным. Сказочно-красивый, величавый Маринчо Бинбелов-Страшный и его конь сродни образам эпических, фольклорных произведений, воспевающих смелых гайдуков, юнаков и героев народных сказаний. Элементы плоскостной трактовки использует В. Захариев и в гравюрах-портретах, изображая деятелей национальной просвещения — Софрония Врачанского, художника И. Образописца, — здесь В. Захариев целиком исходит из самого графического и живописного стиля той эпохи с ее моделировкой форм, строгой тонкостью графических приемов, линейностью и соотношением света и тени.

Л. С. КИШКИН

О СУДЬБЕ БРОДЗЯНСКИХ МАТЕРИАЛОВ

В 1967 г. доцент Братиславского университета Юрай Копаничак показал мне старую книгу, хранящуюся в университетских фондах вместе с особо ценными изданиями: «Стихотворения В. Жуковского. Том первый. Издание третье, исправленное и умноженное. Санкт-Петербург, 1824». На книге была сделана четкая аккуратная надпись: «Графу Местру от Жуковского в знак душевного уважения». Первый лист украшен фиолетовым отпечатком монограммы, состоящей из букв «N» и «O» с короной наверху.

Как попала в Словакию книга с автографом русского поэта? Ответить на этот вопрос позволил экслибрисный вензель.

За несколько дней до посещения философского факультета я побывал в деревне Бродзяны, близ г. Топльчаны, где некогда находилась усадьба австрийского дипломата Густава Виктора Фогеля барона фон Фризенгофа — мужа Александры Гончаровой, сестры жены Пушкина. В старой, теперь обветшавшей части дома Фризенгофов, где, однако, поднявшись на второй этаж, на одном из дверных косяков еще можно разобрать надписи и отметки, обозначающие рост приезжавших гостей в Бродзяны детей Пушкина, Александра Николаевича почти безвыездно прожила около 40 лет. Вплоть до конца второй мировой войны здесь находились все вещи и книги собственности Пушкина, перешедшие по наследству к ее дочери — Наталии Густавовне, в замужестве герцогине Ольденбургской (ум. в 1937 г.), инициалы которой (N. O.) и были означены на фиолетовом отпечатке.

Для окончательного разъяснения пути, приведшего книгу Жуковского с его автографом в Словакию, остается сказать, что долго живший в России французский художник и писатель граф Ксавье де Местр, автор известного портрета матери Пушкина, был женат на тетке сестер Гончаровых, сестре их матери — Софье Ивановне Загряжской, приемная дочь которой, Н. И. Иванова, была первой женой Фризенгофа. Не удивительно, что в доме Фризенгофа оказался подарок Жуковского де Местру. В книге Н. А. Раевского «Если заговорят портреты» (Алма-Ата, 1965) есть упоминание о том, что будучи в 1938 г. в Бродзянах он видел там в столовой литографированный портрет Жуковского с его личной подписью. Кроме того, ему показали тогда в Бродзянах восемь альбомов рисунков де Местра, на одном из которых был изображен брат Пушкина — Лев Сергеевич¹.

После освобождения Чехословакии от фашизма при разборке бродзянской библиотеки, рукописей и иконографических материалов (ею занимались преподаватели и студенты Братиславского университета) было обнаружено немало интересного, в частности авторская рукопись стихотворения Жуковского «Мотылек и цветы», написанного им в альбом Н. И. И. (Наталии Ивановны Ивановой). Тогда и попала часть книг бродзянской библиотеки в Братиславский университет.

К сожалению, судьба всех остальных книг и других представляющих культурно-исторический интерес предметов, принадлежавших Александре Николаевне, не впол-

¹ Этот рисунок опубликован см. «Советское славяноведение», 1967, № 3.

не ясна. Часть из них, например: альбом с рисунками семьи Гончаровых и Ланских, альбом фотографий с инициалами А. Г., два гербария (по-видимому, собранные А. Н. Гончаровой с детьми Пушкина в Михайловском), семь портретов из имения Полотняный завод, акварельный портрет Н. Н. Гончаровой работы Гаука (очевидно, Гау), альбом работ Ксавье де Местра с пометкой Mögner (13 рисунков), старинные гравюры Петербурга и Москвы с пометами на французском языке и т. д. — в 1955 г. была передана работниками университета в другие словацкие учреждения², а какая-то часть иконографических материалов еще в 1947 г. поступила в музеи Советского Союза³.

Кроме того, целый ряд вещей из Бродзянской усадьбы оказался в частных руках. Некоторые жители деревни Бродзяны, как сообщалось в печати, имеют у себя дома альбомы и портреты из дома Фризенгофов⁴. Может быть, среди них есть и упомянутый портрет Жуковского, а также другие виденные Н. А. Раевским портреты русских.

Один из семейных альбомов свояченицы Пушкина, как мне рассказывали, совсем недавно попал в Вену.

Среди фотографий, некогда принадлежавших Александре Николаевне, есть предполагаемые портреты детей Пушкина и один групповой портрет, на котором, как сказано в журнале «Svet socializmu», где они были опубликованы в 1967 г., в обществе трех мужчин и неизвестной женщины сняты все три сестры Гончаровы.

Эти фотографии я показал Т. Г. Цявловской, специально занимающейся изучением связанных с Пушкиным иконографических материалов. По ее мнению, на портретах предполагаемых детей Пушкина, по-видимому, действительно изображены его дочь Наталия Александровна и сын Григорий Александрович. Что же касается групповой фотографии, то утверждение о присутствии на ней трех сестер Гончаровых сомнительно. Больше оснований, как полагает Т. Г. Цявловская, которой эта фотография была уже известна, считать, что на ней запечатлены Наталия Николаевна, Ланской, дочь Пушкина Мария Александровна (после замужества Гартунг), Александра Николаевна и Фризенгоф. Такой снимок мог появиться между 1852 г., когда Александра Гончарова стала женой Фризенгофа, и 1863 г., в котором Наталия Николаевна умерла. Очевидно, он был сделан в Австрии, скорее всего в Вене.

И в самом деле, одновременное присутствие на фотографии трех сестер Гончаровых и Фризенгофа, наличие которого на портрете почти не вызывает сомнения, очень маловероятно. Летом 1837 г. Екатерина выехала к мужу за границу и затем осенью 1843 г. умерла в Эльзасе. Наталия Николаевна и Александра Николаевна, как известно, сразу после смерти Пушкина выехали к брату в деревню Полотняный завод, где провели в уединении два года. Фризенгоф с первой женой Н. И. Ивановой впервые прибыл в Россию в 1837 г. и пробыл в ней до 1844 г. Где и при каких обстоятельствах могли сфотографироваться вместе все три сестры Гончаровы и Фризенгоф, исходя из сказанного представить трудно. Не следует забывать и о том, что дагерротипия была изобретена лишь в 1839 г. Для более поздней датировки группового снимка, исключаяющей возможность присутствия на ней Екатерины Гончаровой-Дантес, имеется больше оснований.

Таковы некоторые сведения о бродзянских материалах, представляющих интерес для историков русской культуры.

² Сведения почерпнуты из Описи передачи от 11 июля 1955 г.

³ См. об этом в рецензии А. В. Флоровского на книгу Н. А. Раевского «Если заговорят портреты» («Československá rusistika», 1966, № 3, s. 181).

⁴ См. «Svet socializmu», 1967, № 23, s. 9.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ruch Komunistyczny w Polsce. 1918—1968. Pod red. H. RECHOWICZA. Katowice, 1969, 320 s.

Коммунистическое движение в Польше. 1918—1968

В книге опубликованы материалы научной сессии Силезского научного института в Катовицах, посвященной 50-летию коммунистического движения на территории современного Катовицкого воеводства. Открывается она приветственной речью секретаря Воеводского комитета ПОРП в Катовицах Ст. Скибиньского. В его выступлении подчеркивается важность исторического исследования, изучения истории коммунистического движения. Исследования в этой области способствуют формированию социалистического сознания людей, укреплению идейно-политического единства польского общества.

В докладе Г. Реховича «Роль коммунистического движения в истории Верхней Силезии и Домбровского бассейна» освещаются основные проблемы развития революционного рабочего движения в 1918—1948 гг. в этом районе. Автор отмечает, что образование КПП было связано с двумя событиями большого исторического значения — с победой Октябрьской революции в России и с образованием независимого польского государства. В ходе революционной борьбы польские коммунисты овладевали ленинским учением и стремились творчески применить его к условиям своей страны. На территории воеводства велась большая идейно-организационная работа. Партии приходилось преодолевать значительные объективные и субъективные трудности. Важное значение в истории коммунистического движения имел II съезд партии, состоявшийся в 1923 г. и принявший программные документы по крестьянскому и национальному вопросам. Партия боролась за создание народного антифашистского фронта, указывала на угрозу национальной независимости со стороны гитлеровской Германии.

Война и немецкая оккупация не заставили врасплох польских коммунистов. Они создавали в подполье организации и вели борьбу с оккупантами. Образование в 1942 г. Польской рабочей партии (ППР) явилось новым этапом в развитии коммунистического движения в Польше.

Процесс создания организаций ППР на территории воеводства оказался довольно длительным и непростым. Он начался в 1942 г. и продолжался до 1944 г. В годы оккупации ППР была единственной организованной политической силой, которая смогла использовать сложившуюся обстановку для возрождения независимого польского государства на демократических основах.

После освобождения страны ППР, учитывая местную специфику, направила свои усилия на решение национальной проблемы и вопроса территориально-экономической интеграции воеводства. Под руководством партии были проведены аграрная реформа и национализация промышленности.

Начало следующему этапу развития коммунистического движения положило образование Польской объединенной рабочей партии в 1948 г. 20-летний период деятельности ПОРП ознаменовался усилением руководящей роли партии в социалистическом строительстве, значительными достижениями польского народа в развитии экономики и культуры всей страны и братского сотрудничества с народами социалистических стран. Премственность лучших традиций борьбы и их обогащение свидетельствуют о поступательном развитии коммунистического движения в Польше.

В работе А. Гребенды «КПП — организатор борьбы масс» рассматриваются численность и социальный состав партии и ее влияние на пролетариат воеводства. Общее количество членов партии на территории воеводства колебалось от 300 до 1200 человек. Одной из причин этого являлось нелегальное положение партии, жесткие преследования со стороны властей.

По мнению автора, изменения в составе партии были связаны, в основном, с развитием экономической борьбы рабочего класса. Среди рабочих-коммунистов наибольшее число составляли рабочие, занятые в крупной и средней промышленности. В профессиональном отношении это

были, главным образом, шахтеры. Другая характерная черта — довольно значительное количество безработных. КПП оказывала влияние на сравнительно широкие слои рабочего класса. Под ее влиянием находились Союз коммунистической молодежи, левые профсоюзы, кооперативные и другие организации. О влиянии партии на неорганизованных рабочих в определенной степени можно судить по результатам выборов. Так, список коммунистов на выборах в 1928 г. получил 34,5% голосов всех избирателей.

КПП являлась организатором многих массовых демонстраций рабочих и безработных, ряда забастовок, нередко сопровождавшихся кровавыми столкновениями с полицией, а порой принимавших новую форму, при которой бастующие рабочие не покидали предприятий. Некоторые выступления 1935 г., а также мощная забастовочная волна в 1936—1937 гг. проходили под знаком единого фронта.

В заключение А. Гребенда подчеркнул, что КПП на территории воеводства была значительной и очень динамичной силой, способной повести за собой рабочие массы.

Н. Коломейчик в докладе на тему «Силезия и ее место в программе и деятельности ППР», отметив особенности положения этого региона (высокое промышленное развитие, высокую концентрацию рабочего класса, тесное переплетение классовых и национальных интересов пролетариата), показывает отношение ППР к решению силезской проблемы. ППР связывала возрождение независимого польского государства в новых границах с установлением народно-демократического строя. Она предусматривала единственно возможный и реальный путь к осуществлению идеи освобождения и объединения Силезии. В условиях оккупации ППР призывала к массовой вооруженной борьбе с гитлеровцами и указывала на необходимость прочного союза с СССР и антигитлеровской коалицией.

С установлением новой власти в стране продолжался сложный процесс идейно-политической консолидации рабочего класса и его движения. Одним из показателей политической активности силезского рабочего класса являлась высокая степень его организованности в рядах ППР, ППС и профсоюзов. В результате ППР и ППС оказывали влияние на значительное большинство населения Силезии и Домбровского бассейна. Опыт силезско-домбровской организации ППР в решении национальной проблемы явился значительным вкладом в развитие политической мысли партии.

Значительный интерес представляют и выступления участников дискуссии. В сообщении д-ра ист. наук. Д. М. Сташевского (СССР) показывается роль американского империализма в борьбе против рабочего движения в Польше в 1919—1922 гг.

О. Прудель (ЧССР), остановившись на вопросе общности целей коммунистического движения в Чехословакии и Польше, отметил, что с момента образования КПЧ и КПП между ними установилось сотрудничество, доверие и взаимопонимание.

Сообщение Р. Еске (ГДР) было посвящено борьбе ППР с фашистской оккупацией.

В других сообщениях освещаются вопросы идейного развития и деятельности КПП, ее интернационализм, сотрудничество с КПГ и КПЧ, отношение к гражданской войне в Испании, роль КПП в развитии профсоюзного и кооперативного движения, ее работа в деревне и среди молодежи, борьба за создание единого народного фронта и другие аспекты коммунистического движения в этом регионе.

Рассматриваемая книга представляет несомненный интерес для всех тех, кто занимается проблемами коммунистического движения как в Польше, так и в международном масштабе.

М. Черныш

КНИГА О ДРУЖБЕ ДВУХ БРАТСКИХ НАРОДОВ

Советско-украинско-болгарские экономические, научные и культурные связи имеют давние традиции. Эти братские отношения особенно усилились после победы над германским фашизмом. Новому этапу в развитии дружбы братских народов посвящена монография молодого киевского ученого П. Соханя¹.

¹ П. С. Соханя. Социалистический интернационализм в действии (Украинская ССР в советско-болгарском экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве 1945—1965 гг.), «Наукова думка», Киев, 1969, 327 стр.

Исследуя советско-болгарские политические, экономические, научно-технические и культурные связи, которые закономерны для сегодняшней жизни стран социализма, автор ярко освещает украинско-болгарское сотрудничество, привлекая для этого очень большой и убедительный фактический материал: данные о развитии науки в СССР и Болгарии, материалы из советской и иностранной печати, выдержки из многочисленных опубликованных документов, а также материалы из архивов СССР и Болгарии. Это дало возможность П. Соханю нарисовать убедительную картину крепнущих связей Украины и Болгарии, подчеркнуть истоки

и перспективы этой действенной дружбы, указать на общность географических, исторических, этнических и других условий жизни обоих народов, глубоких и давних традиций дружбы, связывающих их. Связи украинского и болгарского народов в послевоенный период автор делит на три периода: 1945—1948 гг., 1949—1958 гг.; 1959—1965 гг. Это позволило ученому объективно и глубоко осветить важнейшие особенности этих связей на каждом из этапов, показать процесс расширения и углубления советско-болгарской и болгарско-украинской взаимопомощи.

Опираясь на богатый фактическим материалом, часть которого впервые вводится в научный оборот, П. Соханя раскрывает разнообразие форм советско-болгарского сотрудничества: дружественную помощь СССР, в том числе и Украины, трудящимся Болгарии в строительстве важнейших народнохозяйственных объектов, обмен специалистами и целыми коллективами рабочих, интеллигенции, развитие социалистического соревнования между отдельными предприятиями, городами и даже районами Болгарии и Украины.

Наблюдения и выводы автора подкрепляются тщательно подобранными цифровыми данными, таблицами, свидетельст-

вующими о все возрастающем объеме советско-болгарской торговли, о месте Болгарии во внешнем торговом балансе СССР и Украины и других формах советско-болгарских отношений.

Книга П. Соханя содержит яркий материал о культурных связях между Советской Украиной и Народной Республикой Болгарией, обмене специалистами, студентами, о росте туризма, связях в области спорта, литературы, науки.

Однако при освещении болгарско-украинского сотрудничества, особенно в первые послевоенные годы, стоило бы шире использовать украинские источники. Можно было бы несколько глубже осветить литературные традиции, связи в области литературы, искусства, шире показать военное советско-болгарское сотрудничество, особенно на современном этапе.

В целом монография П. Соханя, подводящая итоги исследований советских и болгарских ученых в области украинско-болгарских взаимосвязей является серьезным достижением советской славистической науки. Она представляет интерес для историков, литературоведов, для всех, кто интересуется болгаро-советским сотрудничеством.

П. А. Леценко

П. Н. ОЛЬШАНСКИЙ. *Рижский мир*. М., «Наука», 1969, 260 стр.

Историография советско-польских отношений 1918—1921 гг. весьма невелика. Большинство историков и марксистских и буржуазных, занимались изучением главным образом военных аспектов этих отношений (польско-советская война 1920 г.), роли Польши в антисоветских планах Антанты¹. Отсутствие монографических исследований по истории борьбы Советского государства в 1918—1921 гг. за установление мирных отношений с Польшей объяснялось не только сложностью темы, отпугивавшей некоторых историков, но и слабой источниковедческой базой. Положение существенно изменилось с появлением ряда документальных публикаций, в первую очередь — совместного советско-польского издания: «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», подготовленного Академиями наук СССР и ПНР². В результате длительных и планомерных поисков было выявлено такое значительное число документов, что можно было

¹ Ф. Г. З у е в. *Международный империализм — организатор нападения панской Польши на Советскую Россию*. М., 1954; Н. Ф. К у з ь м и п. *Крушение третьего похода Антанты*. М., 1958; А. P r z y b y l s k i. *Wojna polska 1918—1921*. Warszawa, 1930.

² Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. I, М., 1963; т. II, 1964; т. III, 1965.

приступить к монографическому исследованию. В ПНР еще в 1964 г. А. Лейнванд опубликовал интересную монографию о политике ППС в период польско-советской войны³, а в 1969 г. увидела свет монография советского историка П. Н. Ольшанского, члена Редакционной коллегии названного выше сборника документов и материалов. В его книге использованы также и неопубликованные документы из советских и польских архивов (Архив Министерства иностранных дел ПНР, Архив новых актов и др.).

В центре своего исследования автор поставил события последнего этапа польско-советской войны — в первую очередь ход мирных переговоров от их начала до заключения Рижского мира 18 марта 1921 г. В то же время в первой части книги — и это вполне оправдано — рассматриваются как советско-польские отношения 1918—1919 гг., так и события польско-советской войны 1920 г. Автор показывает борьбу, которую Советское правительство, возглавляемое В. И. Лениным, вело за установление мирных, добрососедских отношений с Польшей, подчеркивая, что это соответствовало жизненным интересам как Советских республик, так и Польши. Линия Советского правительства, сфор-

³ A. L e i n w a n d. *Polska Partia Socjalistyczna wobec wojny polsko-radzieckiej 1919—1920*. Warszawa, 1964.

мулированная в его обращении к правительству Польши 28 января 1920 г., в котором говорилось что «не существует ни одного вопроса: территориального, экономического или иного, который не мог бы быть разрешен мирно, путем переговоров, взаимных уступок и соглашений», как показывает П. Н. Ольшанский, по существу оставалась неизменной на всем протяжении конфликта с Польшей, вызванного позицией ее правящих кругов, несмотря даже на то, что этот конфликт в 1920 г. перерос в войну. Советское государство безоговорочно признавало право польского народа на создание независимого государства и не посягало на это право даже тогда, когда части Красной Армии находились у стен Варшавы и крах буржуазно-помещичьей Польши казался неминуемым. В. И. Ленин требовал, чтобы глава советской делегации на мирных переговорах, начавшихся в Минске 17 августа 1920 г., «начал с торжественного заявления (а) независимости и суверенности (б) границ больше Керзона (в) никаких контрибуций»⁴.

В то же время правящие круги Польши, ослепленные классовой ненавистью к Советскому государству, подталкиваемые державами Антанты, пытались осуществить широкую программу экспансии на Востоке, рассчитывая вернуть под господство польских помещиков и буржуазии земли бывшей Речи Посполитой. Вопреки национальным интересам Польши они вступили в сговор с германским империализмом и с русской контрреволюцией.

В рецензируемой книге раскрывается империалистическая сущность «восточной политики» Пилсудского и подчеркивается, что авантюры на Востоке помешали Польше полностью воссоединить ее исконные земли на западе, захваченные в свое время немецкими феодалами.

Ход мирных переговоров в Минске и Риге, маневры польской дипломатии, стремившейся выиграть время, дожидаться побед на фронте и навязать советским республикам тяжелые условия мира, борьба советской дипломатии, последовательно и настойчиво защищавшей интересы советских республик — все это в книге П. Н. Ольшанского показано весьма убедительно и документировано. Автор справедливо рассматривает Рижский договор как успех советской внешней политики — советские республики добились мира с Польшей в условиях, когда важнее всего, говоря словами Ленина, было «сорвать интриги русских белогвардейцев, эсеров и меньшевиков в Варшаве, империалистов Антанты, больше всего стремящихся не допустить мира»⁵.

Подписывая этот мир, Республика Советов шла на большие жертвы — границы, установленные Рижским договором, были несправедливыми, они оставляли под властью буржуазно-помещичьего польского государства народы Западной Белоруссии и Западной Украины, — но с прекращением состояния войны с Польшей международное положение Советского государства значительно укрепились.

Выражая согласие с основной концепцией автора, мы хотели бы отметить некоторые, на наш взгляд, спорные положения и отдельные недостатки. Так, нам кажется неправомерным называть Польшу, как это неоднократно делает П. Н. Ольшанский, послушным оружием французского империализма. Применение такого термина невольно затушевывает самостоятельную роль польского империализма в агрессии против Советского государства, которую он начал еще до того, как были установлены отношения между Польшей и Францией.

Справедливо отмечая, что между ППС и Пилсудским существовали определенные различия, в частности по вопросу о федералистской политике (стр. 16—17), П. Н. Ольшанский в дальнейшем практически ставит на одну доску ППС и пилсудчиков, что не согласуется с фактами. В отличие от Пилсудского, который вел курс на разрешение всех спорных вопросов с Советской Россией военным путем, правое руководство ППС при всей его враждебности к Советскому государству, неоднократно выступало за мирное урегулирование польско-советских отношений. Летом 1919 г. и в конце 1919 г. — начале 1920 г. ППС организовывала митинги и демонстрации, участники которых требовали прекращения войны на Востоке. В частности, многолюдные демонстрации 20 и 21 июля 1919 г. в Варшаве и других городах Польши были организованы не только КРПП и оппозицией ППС, как об этом пишет П. Н. Ольшанский (стр. 30), но и руководством ППС.

В октябре 1919 г. В. И. Ленин, оценивая обстановку в Польше и подчеркивая, что польские крестьяне требуют прекращения войны с Советской Россией, указывал, что «стремления эти поддерживают даже самые патриотические из польских социал-шовинистов (ППС), которые занимают место наших меньшевиков и эсеров, все более усиленно оказывая сопротивление своему правительству»⁶. В начале 1920 г. в связи с советскими мирными предложениями ППС усилила кампанию за заключение мира. В марте 1920 г. ЦИК ППС в воззвании «К русскому народу» заявлял: «Мы согласны с мнением, выраженным Советским правительством, что в настоящее время нет та-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 259.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 355.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 242.

кого экономического или территориального спора между Польшей и Россией, который не мог бы быть разрешен путем мирного соглашения»⁷. Это не помешало правому руководству ППС поддержать поход Пилсудского на Киев, но историк должен уметь найти объяснения всем колебаниям и зигзагам политики.

Несколько упрощенно показана позиция КРПП. В книге обходится молчанием тот факт, что в конце 1919 — начале 1920 г. КРПП считала возможным заключение мира только между Польской республикой Советов и Советской Россией. Эта сектантская ошибка, подчеркнутая в свое время критике Г. Валецким⁸, мешала развертыванию борьбы за мир между буржуазной Польшей и Советским государством.

⁷ «Robotnik», 9 III 1920.

⁸ H. Walecki. O taktyce i stosunku do parlamentaryzmu. Odczyt dyskusyjny. Warszawa, 1921, s. 6—8. См. об этом: И. С. Я ж б о р о в с к а я. Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. М., 1967, стр. 107, 172, 209.

И, наконец, мелкие замечания. Говоря о Варшавском Совете рабочих депутатов, в сентябре 1920 г. осудившим войну с Советской Россией, следовало уточнить, что речь идет о так называемом «независимо-социалистическом» Совете, созданном ППС весной 1919 г. после разгрома единых Советов правительством Падеревского. Приводя данные о результатах кампании ППС по вербовке добровольцев в польскую армию (стр. 81), можно было не делать ссылки на архивные документы — эти данные уже были введены в научный оборот⁹.

Наши замечания касаются, главным образом, проблем внутриполитического положения Польши. Отмеченные выше недостатки отнюдь не умаляют ценности серьезной, содержательной монографии по истории советско-польских отношений 1918—1920 гг., бесспорно заслуживающей самой положительной оценки.

С. Стецкевич

⁹ A. Leinwand. Ibid., s. 193—194.

НОВОЕ СЛАВИСТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ НА УКРАИНЕ

Вышел в свет первый выпуск межведомственного республиканского сборника по истории зарубежных славян «Українське слов'язнавство»¹. Сборник будет выходить двумя выпусками ежегодно — один исторический и один филологический. Таким образом наряду с «Українським історичним журналом», межведомственным сборником «Проблеми нової і новітньої історії», который издается при Киевском университете, появилось еще одно периодическое издание, которое объединит усилия украинских историков и филологов в разработке вопросов, связанных с историей и культурой славянских народов. Не случайно издателем этого сборника является Львовский университет, работы славистов которого широко известны в нашей стране и за рубежом.

Украинская славистика имеет длительную историю своего развития. И в настоящее время такие славистические центры, как Киев, Львов, Харьков, Одесса, известны далеко за пределами нашей Родины. Кроме того, ученые-слависты работают почти во всех научных центрах республики. Поэтому появление периодического славистического издания на Украине представляется нам вполне закономерным.

¹ «Українське слов'язнавство». Історія зарубіжних слов'ян. Вип. 1. Львів, видавництво Львівського університету, 1970.

Сборник состоит из шести разделов, где публикуются статьи, сообщения, рецензии и хроника научной жизни в области славяноведения в СССР и за границей. Сборник открывается статьей К. Д. Петряева «Некоторые актуальные вопросы советского славяноведения», в которой обосновывается необходимость разработки обобщающих трудов по историографии славяноведения. В статье рассматриваются проблемы историографии славяно-германских отношений, при этом подчеркивается их особая актуальность в борьбе против фальсификации истории славянских народов в работах западно-германских «остфоршеров».

В статье А. Ф. Кизченко «Внешнеполитические отношения так называемой „второй“ Чехословацкой республики (октябрь 1938 г. — 15 марта 1939 г.)» анализируется на основании документов из советских архивов и некоторой зарубежной литературы внешнеполитический курс послемиюнхенской Чехословакии. Автор показывает предательскую роль чехословацкой реакции, стремившейся привести внешнюю политику Чехословакии в полное соответствие с интересами гитлеровской Германии, а также разоблачает политику империалистов Англии, Франции и США, направленную на соглашение с Гитлером за счет малых стран Центральной Европы накануне второй мировой войны. Истории Чехословакии посвящено также сообщение Ж. М. Ковбы, в котором рассматривается история чешской

эмиграции на Украину. Особое внимание автор уделяет возникновению чешских поселений на Волыни во второй половине XIX в. В сообщении М. П. Повча рассматривается борьба КПЧ, в частности ее Закарпатской краевой организации, за создание единого фронта трудящихся в 1933 г.

Значительное место в сборнике занимает полонистика. На основании материалов советских и польских архивов И. И. Белякевич дает широкую картину роста и развития антифашистских настроений в 1-й Польской стрелковой дивизии на Юго-западном фронте летом 1917 г. Автор подчеркивает, что эти выступления сорвали контрреволюционные планы русского командования и польской реакции.

В. А. Борис в своей статье рассматривает один из важных документов польского национально-освободительного движения 30-х годов XIX в. — программу «Содружества польского народа». Он указывает, что эта программа имела буржуазный характер, ее создатели находились под идейным влиянием французской буржуазной революции конца XVIII в. Но в то же время, требование восстановления Польши в границах 1772 г. говорит о великодержавных тенденциях организаторов и теоретиков этой программы, подчеркивает автор статьи.

Ф. И. Стеблій в сообщении «Коліївщина в оценке польской общественно-политической мысли конца XVIII — первой половины XIX в.» показывает, что восстание на Правобережной Украине в 1768 г. привлекало внимание представителей самых различных социальных слоев и групп, которые оценивали его по-разному, в зависимости от того, интересы какого класса они представляли.

Значительное внимание польскому вопросу уделяет И. М. Теодорович в сообщении, посвященном попыткам антисоветского сговора США и государств Антанты с Германией и Австро-Венгрией за счет славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы в ноябре-декабре 1917 г.

Значительное место в сборнике занимает проблематика истории Болгарии. Здесь прежде всего следует отметить статью А. С. Бейлиса «Современная болгарская марксистская историография о социально-экономическом развитии Болгарии в эпоху национального Возрождения». Автор анализирует пути становления и развития болгарской марксистской историографии после 1944 г. на примере исследования болгарскими историками генезиса капитализма в Болгарии.

Г. И. Чернявский в своей статье «Движение солидарности трудящихся капиталистических стран с революционной борьбой болгарского народа в 1925—1929 гг.» на основе широкого круга источников показывает солидарность трудящихся Франции, Германии, Англии и других капиталистических стран с борьбой болгарского народа против фашизма. В разделе сообщений также опубликованы материалы по истории Болгарии: А. Мирзаева «Экономическое положение Болгарии накануне первой мировой войны» и А. И. Черния «Экономическая помощь Советского Союза Народной Республике Болгарии в первые годы социалистической революции (1944—1947 гг.)».

Значительный интерес представляет и сообщение С. П. Мовчана, в котором излагается жизненный путь видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения, одного из основателей Компартии Югославии, зачинателя марксистской историографии в Югославии Ф. Филипповича. Заслуживает внимания сообщение Я. Д. Исаевича о роли Львовского братства в межславянских связях в XVI—XVII вв.

В разделе «Критика и библиография» помещены две рецензии. Я. С. Хонисман подвергает острой критике книгу польского ученого Г. Батовского «Последний день мира», Познань, 1967 г., за отсутствие оценки классовой основы политики правящих кругов Англии и Франции в августе-сентябре 1939 г. Я. Д. Исаевич в своей рецензии дает высокую оценку работе польского историка С. Творека, исследовавшего школьную систему кальвинистской общины в Польше в XVI—XVII вв.

В заключение в сборнике публикуется хроника научной жизни славистических центров в Киеве, Львове, Харькове, Одессе, Воронеже, Познани, Вроцлаве, Будапеште (Институт серболужицкого народоведения).

Весь перечисленный материал говорит о широком охвате в сборнике истории восточных, западных и южных славян. Не все материалы сборника написаны на одинаковом уровне, положения некоторых статей спорны, иные требуют уточнения. Но в общем сборник оставляет хорошее впечатление, и можно только поздравить украинских славистов с выходом в свет интересного издания, которое, несомненно, сыграет важную роль в разработке проблем славяноведения в нашей стране.

И. И. Поп

BORIVOJ PAJOVIC — MILORAD RADEVIC. Bibliografija o ratu i revoluciji u Jugoslaviji. Posebna izdanja. 1945—1965. Beograd, «Vojno delo», 1969, 784 s.

В. ПАЙОВИЧ, М. РАДЕВИЧ. Библиография о войне и революции в Югославии. Отдельные издания. 1945—1965

В конце 1969 г. в серии «Военное прошлое наших народов», издающейся Военным издательством, вышла из печати «Библиография о войне и революции в Югославии». В нее включены данные обо всех отдельных изданиях (книгах), монографиях, сборниках документов и воспоминаний, художественных произведениях, критических обзорах и т. д., опубликованных в течение двадцати послевоенных лет (1945—1965). «Библиография» подготовлена двумя молодыми югославскими историками Боривоем Пайовичем и Милорадом Радевичем. В труде, объеме в 784 страницы, содержится 5508 библиографических единиц, что свидетельствует о все возрастающем внимании югославских историков, политиков, философов, юристов, социологов, публицистов и писателей, а также деятелей искусства к проблемам войны и революции в Югославии в 1941—1945 гг. Авторы «Библиографии» проделали огромную работу, впервые создав обобщающую и полную библиографию отдельных изданий, посвященных народно-освободительной войне и революционным социалистическим преобразованиям Югославии. «Библиография» знакомит с направлением интересов многочисленных авторов работ, различных по содержанию, жанру, характеру, с тематикой, которая больше всего привлекает внимание авторов, с уровнем, достигнутым в изучении и описании борьбы народов и народностей Югославии за свое освобождение и создание новых общественно-политических и экономических основ и отношений.

«Библиография» состоит из трех частей. Ей предпосланы введение, написанное профессором Белградского университета д-ром Йованом Марьяновичем, а также объяснительная вступительная статья составителей и обзор использованных источников. В ней находим и весьма полезный справочный аппарат, состоящий из пяти указателей: указатель обзоров и общих работ, тематический указатель, указатель географических названий, личных имен и имен авторов изданий. Особенностью «Библиографии» является то, что авторы снабдили каждую библиографическую единицу коротким резюме, что свидетельствует о большом и серьезном труде составителей.

Как отмечают авторы «Библиографии», они придерживались принципа распределения материала, основанного не на тематическом отборе, а на оценке характера публикации, объясняя такой выбор трудностями технического характера, прежде всего тем, что было невозможно разделить

работы по проблемам ввиду комплексности проблематики большинства книг. Указав на этот формальный недостаток, авторы в значительной мере компенсировали его, поместив в конце издания тематический указатель.

Каждая из трех частей «Библиографии» разделена на ряд разделов или групп на основании характера публикации. В первой части «Документы. Наука. Публицистика» в шестнадцати разделах даны последовательно публикации архивных материалов, научные исследования, публицистические работы, учебники, хронологии, атласы. Семь разделов посвящены документальным источникам, в восьмом помещены работы исследовательского характера (монографии, статьи), а также воспоминания, в последующих семи разделах содержится библиография хроник, биографий, докладов, репортажей, научно-популярных изданий, учебников, хронологий и др. В шестнадцатый раздел «Разное» составители внесли издания, которые представляют интерес для ознакомления с народно-освободительной войной, но по тем или иным причинам не могли быть включены ни в один из предыдущих разделов.

Во второй части — «Литература» — в восьми разделах содержатся данные о произведениях художественной литературы, относящихся к войне и революции (романы, рассказы, пьесы и сценарии, поэзия, детская литература, анекдоты военного времени), а также критические обзоры и учебники).

Третья часть «Библиографии» состоит из двух разделов. В первом даны названия произведений искусства (монографии об отдельных художниках, издания репродукций картин и других произведений искусства, каталоги и др.). Во втором разделе обработаны сборники публикаций музыкальных произведений (песен, симфоний, оркестровых партитур и др.).

В «Библиографии» материал расположен в алфавитном порядке за исключением переводов, которые помещены сразу же после оригинала.

«Библиография о войне и революции в Югославии» — первое обобщающее и полное издание всех отдельных публикаций самого разнообразного жанра и характера, вышедших на эту тему в Югославии в послевоенное время. Она дает возможность всем, кого интересует проблематика войны и революции народов и народностей Югославии, быстро и без труда найти книгу по любой проблеме.

Надежда Иванович

J. SIDAK, M. GROSS, J. KARAMAN, J. ŠEPIĆ. *Povijest hrvatskog naroda g. 1860—1914*. Školska knjiga Zagreb, 1968, XII+352 Sr.

Я. ШИДАК, М. ГРОСС, И. КАРАМАН, Д. ШЕПИЧ. *История хорватского народа в 1860—1914 гг.* Загреб, 1968

В Югославии после 1945 г. не было издано обобщающего труда по новой истории хорватского народа и, в частности, по периоду, которому посвящена рецензируемая книга («История народа Югославии» пока что доведена лишь до конца XVIII в.). Уже поэтому значение данного издания выходит за рамки учебного пособия (книга вышла в серии «Учебники Загребского университета»). В учебнике, как обычно, нет ссылок на источники и литературу, и это лишь частично возмещается архивоведческим, источниковедческим и библио-историографическим справочными очерками. Но эти очерки имеют самостоятельное значение¹. Доступности изложения способствует ряд таблиц, схем, диаграмм и карт.

В книге впервые подробно прослеживается история всего хорватского народа, составлявшего большую часть населения таких исторических областей, как Хорватия, Славония, Далмация, Истрия, примерно половину населения Хорватско-Славонской Военной Границы, значительное меньшинство жителей Боснии и Герцеговины, а также проживавшего в отдельных местностях тогдашнего Венгерского королевства.

Как отмечено в предисловии к книге, история сербского народа, сербского национального движения в хорватских землях освещена недостаточно (несколько полнее эта проблема затронута применительно к Далмации). Сказанное имеет особое значение для периода после 1881 г., когда в связи с присоединением Военной Границы к Триединому королевству сербское население резко возросло, а поскольку процесс формирования наций завершался, сербское национальное движение в Хорватии стало важным фактором.

Рецензируемая книга состоит из вводной главы («Хорватские земли накануне 60-х годов XIX в.») и 14 глав, сгруппированных по периодам, рубежами которых являются 1860, 1871, 1883, 1903, 1914 гг. В основу этой периодизации положены крупные события политической истории: стабилизация австро-венгерского дуализма и связанный с нею спад национально-освободительного движения хорватов, начало полудиктаторского «режима Куэна» и его конец, совпадающий с острым

¹ Здесь приведены, а частично оценены все сколько-нибудь значительные сборники документов, труды — книги и статьи, югославские и иностранные, в том числе советские, посвященные данному периоду хорватской истории. Почему-то, однако, не упомянута «История Югославии», М., 1963.

кризисом дуализма, годы довоенного империализма с их обостренной внутривойсковой и внешнеполитической борьбой².

Хотя 50-е годы XIX в. («бахов абсолютизм») и бедны проявлениями общественно-политической борьбы, но по содержанию исторического процесса (развитие капитализма, буржуазные реформы в Австрийской империи и др.) они органически связаны с последующим периодом и по праву должны быть включены в книгу, как начальный период буржуазной эпохи (наиболее важные факты социально-экономической истории этого периода освещены в вводной главе). Целесообразность включения периода первой мировой войны может быть предметом обсуждения. Лишь всеобщий подъем революционного движения после Великого Октября, кризис и крах габсбургской монархии коренным образом изменили исторические условия жизни хорватского народа и завершили целую эпоху его истории. Но начало мировой войны уже внесло резкие изменения в развитие Хорватии, и освещение событий военных лет ставит перед исследователем много особых проблем, существенно отличающихся от проблематики более ранних лет. И все же, вероятно, книга выиграла бы от характеристики ситуации, в которой оказался хорватский народ в первый период войны.

Как в сфере социально-экономической, так и политической (история национальной культуры в труде не освещается) авторы используют результаты ряда своих исследований и выводы других ученых. К достоинствам большинства разделов книги надо причислить единство изложения экономических, социальных, внутривойсковых (хорватских и общеимперских) и международно-политических сюжетов, показ взаимозависимости между политикой правящих кругов габсбургской монархии и развитием истории хорватского народа. Авторы показали, как в течение всей эпохи и особенно в начале XX в., в условиях подъема освободи-

² Признавая приемлемость указанной периодизации, отметим, что авторы книги считают переломным моментом середину 90-х годов XIX в., так как позднее «экономические изменения вызвали существенные перемены в политической жизни» (стр. 303), в том числе развитие кризиса дуализма (стр. 313) и подъем общедемократического и рабочего движения. Тем самым подтверждается обоснованность периодизации, принятой в гл. 33, т. I «Истории Югославии».

тельного движения народов Балканского полуострова и Австро-Венгрии, внутренняя и внешняя политика дуалистической империи были тесно взаимосвязаны.

В книге рассмотрены особенности развития капитализма в хорватских землях, подвергавшихся эксплуатации со стороны крупного инационального капитала, помещичьей аристократии и габсбургского государства, рассказано о наличии остатков феодализма в экономике и политическом строе, о препятствиях, стоявших на пути становления национального капитала, промышленности и развития рынка, показано экономическое оживление в Хорватии и Славонии в конце 90-х и в 900-х годах: развитие сельской торговли, быстрое укрепление сети финансовых и промышленных заведений, превращение Загреба в финансовый центр Хорватии и Славонии (стр. 223—227, 261—265). Наконец, хорошо изложена экономическая политика австро-венедских и венгерских правящих кругов в хорватских землях в разное время, показана связь этой политики со стремлением ослабить политические позиции угнетенной нации. Обширный материал, относящийся к перечисленным проблемам, производит большое впечатление. К сожалению, вне внимания авторов остались экономические процессы в 60-х годах XIX в.

В развернутой и убедительной характеристике политики габсбургских правящих кругов по отношению к хорватским землям не отмечен следующий момент: после 1851 г., когда внутренние таможенные барьеры в империи были устранены, Далмация и часть Истрии оставались (до 1880 г.) в особой таможенной зоне³. Это сдерживало экономическое сближение национальных территорий.

Весьма интересен вывод о застое в развитии национального капитала в 70-х и особенно в 80-х годах. Однако, на мой взгляд, он нуждается в дополнительном обосновании. Вряд ли уместно также утверждение, что застой в развитии национального капитала был результатом «утри экономической и финансовой самостоятельности» Хорватией и Славонией в 1868 г. Ведь и до хорватско-венгерского соглашения хорватские земли не имели этой самостоятельности.

Что касается периода предвоенного империализма, то в книге говорится о господстве в хорватских землях австро-венгерского и венгерского капитала, о роли чешского капитала, о появлении национального финансового капитала. Но, кроме этого, большой интерес для читателя представили бы конкретные сведения

о роли тех или иных монополистических объединений в экономике и углубленная характеристика экономики Хорватии в связи с экономическим развитием всей австро-венгерской монархии, как империалистического государства.

Изложение процесса развития классов буржуазного общества значительно выиграло бы, если бы больше внимания уделялось дифференциации крестьянства, становлению сельской буржуазии, то есть, если бы имеющаяся в книге характеристика антагонизма между полупролетарской массой деревни и крупными землевладельцами (на основе данных статистики 1895 г.; стр. 202, 203, 327) была дополнена анализом нарастающих противоречий в среде самого крестьянства (стр. 129). Относительно 90-х годов XIX в. сказано, что сельская буржуазия была еще немногочисленной (стр. 141), в дальнейшем эта тема не затрагивается. Вопрос об остатках феодализма также нуждается в большем внимании. Ведь с завершением выкупа урбаральных участков и даже с окончанием длительных тяжб в связи с сегрегацией владений (барон Раух, как известно, судился с крестьянами даже в 900-х годах), некоторые пережитки феодализма не исчезли (сохранились тяжелая форма аренды на условиях отработки, издольщина, общинная собственность, неурегулированность разделов задруг и др.). Можно вспомнить о протестах крестьянской партии Ст. Радича против многообразных проявлений неравноправия крестьянства в целом.

В книге кратко рассказано о крестьянских выступлениях в 1883 г. и более подробно о народном движении 1903 г. Однако не отмечены крестьянские волнения в 60-х годах XIX в. — яркие проявления остроты социальных противоречий в хорватской деревне в годы осуществления императорских аграрных патентов.

Большое внимание авторы уделили особенностям формирования и составу молодого рабочего класса, длительное время занятого по преимуществу в мелком производстве. Неясно лишь, каким образом авторы пришли к очень крупной цифре «рабочего населения» в 1900 г. (428,3 тыс. человек; стр. 197) и какие категории работников она включает.

Центральное место в книге занимает история политической борьбы, основным содержанием которой в условиях Хорватии было национально-освободительное движение⁴. Лишь одно замечание: вряд

⁴ Заслугой авторов является тщательная проверка ряда фактов национальной истории. Пользуясь случаем отметить, что авторы книги фактически поправляют рецензента, который (см.: «Jugoslovenski istorijski časopis», 1965, № 2, s. 93. приписал мне ошибку касательно территориального состава Военной Границы 50—60-х годов XIX в.

³ P. Matković. Geografsko-statistički nacrt Austrijsko-Ugarske monarhije. U Zagrebu, 1874, s. 55; F. Vabalić. Prvi istarski sabori (1861—1877). Zagreb, 1954, s. 331; «Enciklopedija Jugoslavije», sv. II, s. 331 (Carine).

ли традиционно приводимые в историографии эффектные цифры правильно отражают долю населения, участвовавшего в голосовании до реформы 1910 г. (2%) и после нее (6%.; стр. 124, 201, 268). В этом случае доля избирателей исчисляется относительно ко всему населению, включая несовершеннолетних и детей. Кроме того, в то время женщины почти всюду не пользовались избирательным правом. Получается, что по реформе 1910 г. право голоса имело более 20% мужчин, а до реформы — 7—8% мужчин. Понятно, почему социал-демократия, выражая неудовлетворение реформой, все же считала ее, как отмечено в книге, шагом к всеобщему праву голоса (стр. 268).

В большинстве разделов книги успешно решена задача выявления социальных основ отдельных политических течений и их эволюции в связи с изменениями в самом обществе. Национальную борьбу, национальное движение авторы рассматривают в связи с социальными интересами разных слоев буржуазного общества. Интересна характеристика становления прогабсбургского мелкобуржуазного течения в партии права, причины развития которого буржуазная историография сводила к личным качествам отдельных деятелей (И. Франк), а также характеристика либеральной хорватско-сербской коалиции, как представительницы прежде всего высших слоев буржуазии, привязывавших к себе благодаря своей экономической силе часть мелкой буржуазии (стр. 223, 226). Полагаю, что необходимо дальнейшее изучение связей отдельных группировок буржуазии с австрийским, венгерским, чешским и словенским капиталом, связей, безусловно влиявших на их ориентацию. (Эта мысль связана с высказанным выше пожеланием конкретизировать характеристику роли инационального капитала в Хорватии.)

В книге указано, что базой сотрудничества хорватской и сербской буржуазии были ее деловые связи (финансисты, промышленники, крупное купечество), что для антисербской позиции части мелкой хорватской буржуазии имела значение конкуренция мелких торговцев и производителей (стр. 245). К этому можно добавить, что расколу в самом хорватском национальном движении способствовала конкуренция между группировками хорватской буржуазии, объединившимися вокруг тех или иных финансовых учреждений, прежде всего кредитно-сберегательных касс (группа И. Франка против группы Г. Тушкана), и вероятно связанными с разными инациональными крупными финансовыми и промышленными объединениями. Далее отметим, что конкуренция между частью хорватской и сербской буржуазии открыто проявилась во время таможенной войны Австро-Венгрии против Сербии. Известно, что фран-

ковцы и клерикалы поддержали политику имперских властей, приносившую выгоды части местных торговцев и аграриям. Эти замечания направлены на дальнейшее углубление исследования политических тенденций в хорватских землях. Но и теперь книга содержит богатый новый материал и новую аргументацию, относящиеся к указанным проблемам.

Нет возможности остановиться на всех научных результатах, суммированных в рецензируемом обобщающем исследовании. В нем дана история борьбы, приведенной к хорватско-венгерскому Соглашению 1868 г., освещены проблемы взаимоотношений между национальными движениями югославян в 60-х годах XIX в., идеи прогрессистов на рубеже XIX—XX вв., деятельность национально-революционных организаций накануне мировой войны и др. Большое значение в развитии югославянского вопроса придается движению 1903 г., так называемому «новому курсу» и т. д. Политическая борьба в Далмации и Истрии излагается в тесной связи с ситуацией в Хорватии и Славонии и империи в целом. Выяснены условия возрастания роли Далмации в политической жизни хорватских земель, в организации прогрессивного хорватско-сербского сотрудничества. Последовательно изложена политика австро-венгерских правящих кругов в югославянском вопросе, ставшем в начале XX в. кардинальным для судьбы монархии Габсбургов. Проанализирована так называемая триалистская политика в Хорватии и сделан вывод, что осуществление триализма было невозможно, так как оно противоречило интересам австро-немецкого господствующего класса (стр. 241, 242). Подробно рассказано о политике имперских властей в связи с аннексией Боснии и Герцеговины.

При большем объеме рецензии можно было бы обсудить оценки отдельных важных моментов парламентской борьбы, тактики партий и т. д. Отметим лишь, что признавая наличие прогрессивных моментов в деятельности правительства И. Мажуранича, следовало бы, по моему мнению, указать на ее ограниченный характер не только потому, что она была под контролем венгерских властей, но и ввиду того, что она отражала лишь интересы помещиков и верхов национальной буржуазии. В тексте, относящемся к Хорватской крестьянской партии, отсутствует даже краткая характеристика социальных корней идеологии ее лидеров (стр. 220). Было бы нужно, уделить больше внимания ХКП, учитывая то значение, которое приобрела эта партия впоследствии.

Далее, что касается идейно-теоретических вопросов истории национально-политических течений, то, не вдаваясь в рассмотрение тех или иных тезисов, от

стаиваемых в труде, подчеркнем, что в целом идеология югославизма 60-х годов, ее общественные корни и эволюция, теоретические и политические принципы народняков, их взгляды на межнациональные взаимоотношения у южных славян и т. д. заслуживают более детального анализа, чем это сделано в книге (укажем на интересные замечания по поводу югославизма на стр. 283, 284). В связи с этим можно вспомнить, как о прогрессивном демократическом требовании Федерации южных славян, так и о весьма сложном по своей сущности решении сабора 1865—1867 гг. о равноправии и «тождестве» хорватского и сербского народов. Сказанное относится и к изложению в книге принципов другого направления — панхорватского, а также к освещению внутренней борьбы в партии права в начале 70-х годов, важной не столько своими непосредственными политическими результатами, сколько отражением определенных социальных столкновений.

Необходимо отметить, что авторы решительно отмежевываются от встречающихся в историографии (В. Богданов и др.) попыток идеализации мелкобуржуазных и радикально-националистических взглядов правых.

Достойное место в рецензируемой книге занимает история рабочего и социалистического движения, просветительских, профессиональных и партийных организаций, борьбы рабочего класса в разных хорватских землях, начиная от первых попыток создания рабочих обществ в конце 60 — начале 70-х годов XIX в. Содержится критическое изложение идеологии, господствовавшей в социал-демократии. Последняя, как отмечено в труде, развивалась под влиянием австромарксизма и германской социал-демократии, при решающем преобладании реформизма. Показано, как хорватские социалисты боролись против националистических организаций, как они постепенно освобождались от представлений о полном совпадении интересов рабочих и мелких ре-

месленников, представлений, связанных с отмеченным выше составом нарождавшегося рабочего класса (стр. 306). В книге подробно говорится об оригинальном явлении в истории социализма в Славонии и Среме (как и в Венгрии) — широком «аграрно-социалистическом» движении сельского пролетариата и бедноты. Однако взгляды социал-демократии по крестьянскому вопросу в целом (программно-теоретические принципы) освещены недостаточно.

Авторы «Истории хорватского народа» отстаивают принципы дружбы и сотрудничества между югославянскими народами, разоблачают деятельность клерикалов и политику габсбургских властей, раздувавших национальную рознь. Авторы подчеркивают, что сам принцип югославянского сотрудничества, за которым, хотя и не всегда четко, вырисовывалась идея объединенного югославянского государства, противостоял коренным интересам правящих кругов монархии. Вместе с тем в книге отмечено, что расхождение в политических тенденциях хорватских и сербских буржуазных кругов были следствием объективного процесса национальной дифференциации (стр. 110).

Здесь же позволю себе высказать пожелание, чтобы в дальнейшем югославские историки ознакомили читателя со своими соображениями и выводами относительно завершающего этапа процесса формирования хорватской нации. Кстати, рецензируемый труд содержит немало сведений фактического характера, способствующих пониманию этого процесса.

Принимая во внимание степень исследованности ряда проблем национальной истории до выхода в свет рецензируемой книги, следует констатировать, что ее авторы проделали трудоемкую работу, провели многочисленные новые исследования, представили сводный труд по истории хорватского народа. Тем самым сделан большой шаг вперед в изучении периода.

В. И. Фрейдаом

О. СТАВРОВСЬКИЙ. Словацько-польсько-українське прикордоння до XVIII століття. Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі, Відділ української літератури в Празі. 1967, 490 стор.

Книга О. Ставровского — первое монографическое исследование, посвященное истории словацко-польско-украинского пограничья (территория Карпат) в период феодализма, получившее признание как за рубежом, так и в нашей стране. Несмотря на то, что словацкие, польские и советские ученые касались этих проблем, их труды имели локальный характер, классовую борьбу крестьян они изучали в узком аспекте своей страны.

На основании источников и исследований своих предшественников автор в начале книги детально рассматривает географическое положение территории, лежащей вблизи границ Киевской Руси, Венгрии и Польши в период раннего средневековья. Он считает, что юго-восточное пограничье имело большое стратегическое значение, допускает, что эта земля могла «никому не принадлежать», но вместе с тем она не пустовала (стр. 21). Развитие

феодалных отношений неминуемо вело к захвату пограничных земель (Закарпатье) венгерскими королями и магнатами. Этому способствовала феодальная раздробленность Руси и монголо-татарское нашествие, на что автор монографии, к сожалению, не обращает внимания. В работе отведено много места украинской колонизации на территории Восточной Словакии. Пограничное, особенно горное, население длительное время не подчинялось феодальной власти, вело решительную борьбу с завоевателями. Словацкий историк считает, что в XIV в. «территория від Стропкова й Гуменного ще знаходилася, так би мовити, поза сферою феодальної влади і, як нам відомо, нікому не належала» (стр. 45). Вероятнее всего, что эта земля переходила из рук в руки и еще не стала постоянным владением крупных феодалов.

Второй раздел книги посвящен важной проблеме развития крупного феодального хозяйства в районах северо-восточной Словакии. Автор рисует яркую картину насильственного захвата феодалами земли заселенной крестьянами, и междоусобных войн, показывает борьбу между магнатскими группировками и королями. От этих конфликтов больше всего страдали народные массы, войны опустошали села, а население попадало под власть новых землевладельцев, несло на своих плечах тяжелое феодально-крепостническое бремя. В эту борьбу включались, как говорится в монографии, не только светские, но и духовные феодалы.

В восточной Словакии, а также в районах северо-восточной Венгрии, феодальные владения расширялись не только за счет насильственного захвата общинных земель, но и благодаря дарственным королевским грамотам. С целью укрепления своей власти над крепостными магнаты строили замки, обзаводились военными гарнизонами. С XV в. начинается развитие зависимых от феодалов городов, ставших важными торгово-промышленными и хозяйственными центрами восточной Словакии. Примерно на это время приходится возникновение фольварков (маеров), превратившихся позже в хозяйственные центры доминий. Возникновение фольварочной системы, как подчеркивает автор монографии, было тесно связано с развитием товарно-денежных отношений (стр. 96). Важно отметить и то, что фольварочная система хозяйства наблюдалась больше в низменных районах с плодородной почвой, находящихся в выгодных географических условиях. Автор приводит интересные сведения о количестве сел, крестьянских дворов, о землепользовании крепостных в XVI—XVII вв.

На основании урбариев (инвентарей) исследователь правдиво раскрывает перед читателем социально-экономические изменения в крестьянской массе, останавливает

свое внимание на характеристике форм ренты в Восточной Словакии, польской Подгалье, Закарпатье. Интересно отметить, что в XVI—XVII вв. барщина доминировала в районах с развитым земледелием, оброк — в горной местности, где значительную роль в хозяйстве играло животноводство. В первой половине XVII в., как устанавливает автор, на территории северо-восточной Словакии тесно переплетались все три формы ренты: отработочная, натуральная и денежная. В конце XVII в. повинности крестьян увеличились в несколько раз по сравнению с 20—30 годами.

Социально-экономические отношения феодального общества способствовали имущественному расслоению крестьянства. Крепостные лишаются наделов, остаются без скота, увеличивается число жерелов (inquilinus) и поджелелов (subinquilinus). Однако говорить о социальной дифференциации крестьянства в XVI—XVII вв., как это делает автор (стр. 175, 188, 202 и др.), не приходится. Социальное расслоение крестьянства, как известно, связано с развитием капиталистических отношений.

Тяжелое положение крепостного крестьянства подготовило почву для народного движения, направленного против феодально-крепостнического ига. В монографии часто вспоминается наличие в доминиях большого количества пустых дворов. Автору следовало бы обратить внимание на то, что бегство крестьян К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали как форму борьбы против феодализма в странах Западной Европы. Говоря о восточной польских крестьян в 1651 г. под руководством Костки Наперского, О. Ставровский пишет, что «... повстанці розраховували на підтримку й солідарність угорських селян» (стр. 208).

Видное место в книге занимает описание Галицкой Прикарпатье в XVI—XVIII вв. Содержательно раскрыта фольварочная система хозяйства в Галицкой, Перемышлянской и Саноцкой землях. Развитие товарно-денежных отношений, приспособление магнатских хозяйств к потребностям рынка в Прикарпатье в конце XVII в. способствовало имущественному расслоению крестьян. О. Ставровский останавливается на характеристике крестьянских хозяйств Прикарпатье, показывает количество земельных наделов, находившихся в их пользовании, детально рассматривает повинности крепостных. По подсчетам автора в 1648—1650 гг. во Львовской и Жидаческой землях население уменьшилось на 59% (стр. 225). Какая же причина такого резкого уменьшения? О. Ставровский на этот вопрос ответа не дает. Как известно, во время освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. крестьянство Галиции приняло в ней самое активное участие. Только Семен Высочан органи-

зовал в Прикарпатье отряд в 15 тысяч человек. Участники восстания пополняли армию Богдана Хмельницкого, многие действовали в местных отрядах, ушли в опришки. Это и есть главная причина уменьшения числа крепостных по реестрам феодалов.

Вторая часть монографии посвящена раскрытию борьбы крестьянства в районе польско-венгерского пограничья (западная часть украинских Карпат). Автор дает правильную оценку работам украинских и польских историков — В. В. Грабовецкого, Е. Дракохруста, И. П. Крипякевича, В. Охманского, ведет научную полемику с концепциями буржуазных исследователей. Использование источников позволило словацкому историку насытить книгу новым фактическим материалом, расширить проблематику темы по сравнению с опубликованными ранее работами. Книга содержит обстоятельную в научном отношении и правильную оценку классовой борьбы в эпоху феодализма. Анализируя движение опришков в Карпатах, автор указывает, что национальный состав отрядов был разнородным. Кроме украинских крестьян здесь находились представители польской, словацкой, венгерской национальностей. Отсутствие документов Мораморошской жупы (архив находится в Румынии) не дало возможности О. Ставровскому детально изучить движение опришков на территории Закарпатской Украины.

В разделе книги о борьбе крестьян польско-венгерского пограничья раскрыты формы и методы народных движений, дана характеристика опришковским отрядам XV—первой половины XVIII в. Социально-экономическая борьба в этих районах тесно переплеталась с национально-осво-

бодительной, поэтому, вероятнее всего, среди восставших встречались представители более зажиточной части населения — солтысов, низшего духовенства и даже шляхты. Автор не боится говорить, и это справедливо, что в движении опришков участвовали асоциальные элементы, однако они не были доминирующими и имели чисто случайный характер.

Авторизованный перевод со словацкого на украинский язык Ларисы Мольнар в целом удачный. Однако приходится говорить о том, что в книге встречается много словацких слов латинского происхождения: «гнищита» (этническая принадлежность), «пробст» (священник), «локалита» (местность) и много других. Много недостатков в переводе фамилий, географических названий. В книге встречаются термины «valachus», «валашские поселения», при этом автор рассматривает эти слова как определение этнической принадлежности населения. Думаем, что этот вопрос нуждается в дополнительном изучении. Нужно ясно разграничивать, где действительно были представители романованного населения, а где руководствовались волошским правом другие народности.

В монографии дан подробный научный аппарат.

Несмотря на замечания, рецензируемая книга О. Ставровского — значительное достижение чехословацкой исторической науки, она предлагает интересный материал о социально-экономическом развитии и классовой борьбе на территории словацко-польско-украинского пограничья в эпоху феодализма.

И. Шутьга

МОНОГРАФИЯ ПО СЛАВЯНСКОМУ ИНКУНАБУЛОВЕДИЮ

Начальный период книгопечатания — яркая страница культурного развития народов Европы. Свидетельством неслабейшего интереса к проблемам истории печатной книги XV в. является публикация статей и монографий по инкунабуловедению, каталогов инкунабулов отдельных библиотек¹.

Для славистов наиболее интересны инкунабулы на славянских языках, срав-

нительно немногочисленные². К сожалению, в обзорных трудах по истории книги и в сводных каталогах инкунабулов славянские издания XV в. представлены явно недостаточно и поэтому очень плохо известны книговедам неславянских стран. В связи с этим большое научное значение будет иметь монография по славянской инкунабулистике хорватского ученого Младена Бошняка, изданная недавно в переводе на английский язык³.

¹ Из выпущенных в СССР за последнее десятилетие каталогов высокую оценку советских и зарубежных специалистов получили каталоги инкунабулов Научной библиотеки Львовского университета (составитель Ф. Ф. Максименко) и Библиотеки АН СССР (составитель Е. И. Боброва, редактор В. С. Люблинский). См.: J. G. S. S i m m o n s. Incunabula in the USSR. I. Russia and the Ukraine. «The Book Collector», v. 14, № 3, London, 1965.

² Сейчас известно немногим более 50 названий инкунабулов на славянских языках, в то время как общее число сохранившихся инкунабулов — около 40 тыс. названий (более чем 400 тыс. экземпляров).

³ M. B o ŝ n j a k, A Study of Slavic Incunabula. Zagreb, 1968, 196 p., 16 л. илл. Название рукописного оригинала — «Slavenska inkunabulistika».

Предпринятое М. Бошняком книговедческое исследование всех известных ныне инкунабулов на славянских языках дало обильный материал для сравнения между собой особенностей книгопечатания разных народов и тем самым позволило глубже изучить явления, ускользавшие от внимания исследователей истории книги отдельных славянских стран.

К числу «славянских инкунабулов» хорватский книговед совершенно справедливо относит все напечатанные в XV в. книги на живых славянских языках, а также на старославянском (церковнославянском) языке, выполнявшем тогда у восточных и южных славян многие функции национальных литературных языков. Заметим, кстати, что в русской, украинской и белорусской научной литературе «славянскими» нередко называют только книги кирилловской печати. Однако, как справедливо указывал А. С. Мыльников, письменность славянских народов, пользующихся латиницей, является не менее славянской, чем кирилловская письменность русских, украинцев, белорусов, сербов, болгар⁴. С другой стороны — и в этом мы согласимся с М. Бошняком, а не с А. С. Мыльниковым, — вряд ли стоит безоговорочно именовать славянскими книги, изданные в славянских странах на латинском языке (хотя они и являются неотъемлемой частью книжной культуры отдельных славянских стран).

С этой точки зрения древнейшим известным славянским инкунабулом является чешский перевод «Троянской хроники» Гвидо дельла Колонна, изданный в Пльзене в 1468 г. 500-летие этой книги — это одновременно и полтысячный юбилей славянского книгопечатания. Этой знаменательной дате и посвятил свою книгу М. Бошняк.

Структура книги М. Бошняка четко продумана и дает автору возможность дать сжатое, но весьма насыщенное фактами изложение всех основных проблем славянского инкунабуловедения. Основная часть исследования посвящена истории типографского дела в XV в. у славянских народов, причем главы, посвященные отдельным народам, размещены в той последовательности, в какой появились у них первые печатные книги. В последующих главах дается обзор филиграней славянских инкунабулов, приво-

дятся сведения об авторах славянских первопечатных книг, наконец, сделана попытка общей характеристики начального периода славянского книгопечатания. Весьма полезны обширные приложения: сводный каталог славянских инкунабулов (54 единицы), перечень их по алфавиту и по тематическим разделам, перечень мест хранения, библиография.

История чешской печатной книги XV в. излагается с учетом новейших исследований ученых ЧССР. Автор отмечает, что Чехия явилась третьей (после Германии и Италии) страной, в которой начало развиваться книгопечатное дело. Поражает тематическое разнообразие чешских изданий последней трети XV в. Среди них 15 посвящено политико-юридической тематике, 8 книг по медицине, 3 — исторических, 2 — описания путешествий, один трактат по астрономии и астрологии. К числу интереснейших чешских изданий относятся поэма «Podkoni a žák» (Пльзень, около 1498 г.), чешский перевод «Жизни и басен Эзопа» (Прага, 1488 г.) и трактата итальянского философа-гуманиста Марсилио Фичино «O tom co maji všelijaci lide činiti» (Прага, около 1500 г.). Столь же богат репертуар изданий начала XVI в., из которых стоит назвать перевод книги Петрарки «De remediis utriusque fortunae» (Прага, 1501 г.). Кстати, отмеченное Бошняком, как и другими исследователями, многообразие изданий на живом национальном языке, наличие среди них работ итальянских гуманистов плохо согласуются с тезисом И. Н. Голенищева-Кутузова, утверждавшего, что гуситское освободительное движение привело к замедлению общеевропейского культурного процесса в Чехии⁵. Как раз все те черты, которые Голенищев-Кутузов считает «глубоко чуждыми» гуситизму (опирающаяся на античные образцы светская культура, основанная на опытах и выводах разума наука, интерес к географии и астрономии), нашли отражение в чешских первопечатных изданиях. Религиозная полемика, смелое разоблачение гуситами догматов католицизма, отсутствие засилья католической церкви отнюдь не противодествовали, а содействовали развитию культуры, невиданной в других славянских (да и не только славянских) странах тяге народных масс к культуре, политике, философии⁶. В этом одна из главных

⁴ Правильно подчеркивая это обстоятельство, А. С. Мыльников впадает в другую крайность, недооценивая общественно-политическую значимость кирилловского печатного шрифта для народов, издревле пользовавшихся кириллицей. См. А. С. Мыльников. Где и когда началось славянское книгопечатание. Книга. Исследования и материалы. Сб. 14, М., 1967, стр. 121—131; От редакции. Там же, стр. 131—132.

⁵ И. Н. Голенищев-Кутузов. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI веков. М., 1963, стр. 171, 327—328.

⁶ О широком проникновении в народные массы послегуситской Чехии передовых общественно-политических течений хорошо рассказано в книге: W. Urbán. Studia z dziejów antytrynitaryzmu w ziemiach czeskich i słowackich. Kraków, 1966, s. 13—27, 56 in.

причин тематического разнообразия и национального характера чешской книжной продукции последней трети XV в.

После характеристики плодотворной издательской деятельности чешских типографий Бошняк дает обзор их шрифтов (по материалам исследований З. Тоболки).

Наиболее обширна в книге Бошняка глава, посвященная хорватским инкунабулам, где автором наиболее полно использованы результаты собственных изысканий. Приводятся доказательства в пользу того, что первое хорватское печатное издание — глаголический «Мисал по закону римского двора» 1483 г. — появилось не в Венеции, а где-то на хорватской земле (возможные места издания — Изола в Истрии, Сень или Косинь в Хорватии). Весьма полезна также сводка результатов новейших исследований югославских ученых о других хорватских книгах, изданных глаголицей и латиницей, поскольку хорватские инкунабулы до сих пор, пожалуй, хуже других известны славистам за пределами Югославии.

Для советских читателей наиболее интересна, бесспорно, глава о первых книгах кирилловской печати — краковских изданиях Швайпольта Фиоля. Автор довольно полно использовал украинскую и русскую литературу вопроса, в том числе и работы советских ученых. Бошняк подчеркивает, что в конце XV в. Краков был важным культурным центром для западноукраинских земель, что в столице Польского королевства проживало тогда много украинцев, которые и могли быть сотрудниками и заказчиками Фиоля. Этот факт подтверждает как наличие украинизмов в церковно-славянском тексте фиолевских книг, так и упоминание в святцах при «Часословце» святых, почитаемых на Украине⁷. Вполне вероятно предположение Бошняка и других ученых, что в издании кирилловских первопечатных книг участвовали украинцы — студенты Пражского и Краковского университетов⁸. Однако трудно согла-

ситься с утверждением Бошняка, что инициатива издания вышла из среды братств, поскольку их организационное оформление относится к более позднему времени⁹.

По вопросу о хронологической последовательности выхода в свет изданий Фиоля, хорватский исследователь склоняется к мнению библиографов XIX в., что первенцем кирилловского книгопечатания был «Осмогласник». Новыми исследованиями, однако, установлено, что, по всей вероятности, «Триодь постная» и «Триодь цветная» вышли ранее «Осмогласника» и «Часословца»¹⁰.

Бошняк вполне убедительно возражает тем исследователям, которые видели в Фиоле лишь дельца, безразличного к культурному значению своих типографских работ. В действительности же это был разносторонне одаренный человек, имевший связи с западноевропейскими гуманистами, с симпатией относившийся к критике некоторых католических догматов с позиций православия¹¹.

В монографии М. Бошняка подробно излагается история первой черногорской типографии, созданной иеромонахом Макарием при дворе воеводы Зеты (Черногория) Джурджа Црноевича. Исследователь отмечает ряд сходных черт у изданий Фиоля и Макария, подчеркивая, что первая кирилловская типография не могла не повлиять на вторую. Первоначально Бошняк, вслед за большинством исследователей, считал, что Макарий впоследствии перевез свою типографию в Тырговиште (Валахия), где в 1508—1512 гг. напечатал первые книги, предназначенные для румын и болгар. Впоследствии, однако, ученый склонился к мнению, что на тырговиштенскую типографию в гораздо большей степени, чем черногорская, повлияла краковская типография Фиоля. Наблюдения М. Бошняка о влиянии фиолевских изданий на тырговиштенские вполне основательны, хотя его мнение о полном тождестве шрифтов обеих типографий ошибочно.

М. Бошняку принадлежит заслуга создания первой сводки сведений о водяных знаках, встречающихся в славянских инкунабулах. Он не только перечисляет (на основании литературных источников и по данным собственных изысканий) фи-

⁷ См. об этом также: П. М. Попов. Початок книгодрукування у слов'ян. В кн. Книга і друкарство на Україні. Київ, 1965, стор. 12, 13, 298.

⁸ Одним из сотрудников Фиоля был, вероятно, преподаватель Краковского университета Юрий Котермак из Дрогобыча, первый украинский автор печатной книги («Iudic pronosticon», Рим, 1483). Работая в Краковском университете, доктор имел связи с учившимся тогда там немецким гуманистом Конрадом Цельсом, который впоследствии интересовался изданиями Фиоля. См. J. Isajew i z. Jerzy z Drohobycza w Krakowie i we Włoszech. «Małopolskie Studia Historyczne», т. VI, з. 3, Kraków, 1964, s. 63.

⁹ Я. Д. Ісаєвич. Найстарші документи про діяльність братств на Україні. В кн. Історичні джерела та їх використання, вип. 2, Київ, 1966, стор. 13—22.

¹⁰ M. B ł o Ń s k a. Próba nowego spójrzenia na dzieje krakowskiej oficyny drukarskiej Szwejpolta Fiola (około 1483—1491). «Rocznik Biblioteki Narodowej», т. 4, 1968, s. 62.

¹¹ Об этом см.: П. М. Попов. Там же, стр. 14.

лиграни всех сохранившихся славянских инкунабулов, но и дает их репродукции. К сожалению, не указано, по сколько раз выступают отдельные знаки в исследованных экземплярах. Если даже репродукции знаков в натуральную величину (как это принято в современной филогранологии) было невозможно дать по техническим причинам, следовало хотя бы указать масштаб изображений.

Одним из самых ценных разделов книги является библиографическое описание славянских инкунабулов, составленное по следующей схеме: автор (если он известен); название книги; название оригинала (для переводных книг), место и дата издания; формат; количество страниц, сигнатуры, лагинация; сведения об использовании красного цвета, об инициалах и иллюстрациях; начало текста, колофон (если он имеется); библиографические указания и сведения, где хранятся экземпляры данного издания. Недостатком является отсутствие сведений о размерах шрифтов.

В общий реестр включены также издания не сохранившиеся, но известные по литературным источникам («Псалтырь» Фиоля, упомянутая в 1721 г. архиепископом Питиримом), или по рукописным копиям («Ispovid orbena», Венеция, 1492; «Четвероевангелие» иеромонаха Макария).

Сведения о местах хранения инкунабулов, конечно, не могут претендовать на полноту¹², однако автору следовало бы избегать утверждений о хранении инкунабулов в несуществующих ныне учреждениях, как, например, библиотеки монастырей Михайловского и «Петровского» (Печерского?) в Киеве, Института Оссолинских во Львове, Мукачевского монастыря и др. Ошибочных сведений об инкунабулах, хранящихся во Львове, можно было избежать, если бы автор использовал каталог, составленный Ф. Ф. Максименко¹³.

Учитывая характер издания и разнообразие его тематики, не приходится удивляться, что по некоторым спорным вопросам автор изложил не все существующие гипотезы, а лишь те, которые казались ему наиболее вероятными. Слишком фрагментарно, на наш взгляд, из-

ложены связи славянских типографий с книгопечатанием неславянских стран, в первую очередь Германии и Италии. Не освещена также роль ксилографического воспроизведения текстов — одной из интересных страниц предистории славянского книгопечатания¹⁴. Из допущенных в книге неточных формулировок отметим, что вряд ли правильна характеристика неоплатоника Марсилио Фичино только как сторонника единства философии и религии (стр. 129). Изданный в 1496 г. чешский перевод «Трактата о святой земле» Бернгарда фон Брейденбаха отнюдь не является первой славянской книгой путешествий. Отцы церкви Иоанн Дамаски (неверно называемый в английском тексте «Иваном Дамасценским») и Иоанн Златоуст — не одно и то же лицо (стр. 129).

Одна из глав книги первоначально была опубликована на языке оригинала¹⁵, и сравнение с английским текстом свидетельствует, что в некоторых местах перевод искажает смысл. Так, в оригинале сказано, что Заблудов находится в Литве (точнее следовало бы здесь говорить о Великом княжестве Литовском), а в английском переводе этот белорусский город уже безапелляционно назван «литовским». Вероятно, также по ошибке переводчика чешские печатники конца XV в. Ян Камп и Бенедикт названы ... кальвинистами (стр. 32, 36).

Особенно много неточностей и ошибок встречаем в переводах личных и географических названий. Чешский издатель, подписывавшийся Ян или Йоната, назван «Jan neb Jonatan», хотя большинству английских читателей, конечно, неизвестно, что «neb» — это «или» (стр. 30). Чешский город Кралице в английской книге почему-то именуется в хорватском варианте: «Кралице над Ославом» (стр. 15, 19). Указатель терминов, помещенный на стр. 184—185, относится к книговедению (bibliology), а не к библиотековедению (librarianship). Перечень неверных переводов можно было бы продолжить, но и из приведенных примеров видно, что переводчик Фердинанд Добровольский недостаточно знаком с научной проблематикой книги.

Недостатки перевода не могут, однако, заслонить главного: исследование М. Бошняка является значительным вкладом в сравнительное изучение славянских инкунабулов. Издание этой книги как бы

¹² Отметим, например, отсутствие указаний о наличии «Гроянской хроники» 1468 г. в музеях чешской письменности — Стравовском (Прага) и в г. Ждяр над Сазавой. Что касается кирилловских изданий конца XV в., то гораздо более полный, чем у Бошняка, перечень мест их хранения опубликован недавно Е. Л. Немыровским («Советское славяноведение», 1968, № 1, стр. 21—22).

¹³ Ф. Ф. Максименко. Першодруки (инкунабули) Наукової бібліотеки Львівського університету. Львів, 1958.

¹⁴ Ф. Ф. Максименко. Забута сторінка історії слов'янського друкарства. «Slavia», 1958, № 2, стр. 262—264.

¹⁵ М. Вошняка. О штампарии, штапару і издавачу українських інкунабула на народном язикі. Poseban otisak iz Buletina Zavoda za likovne umjetnosti JAZU, godina 14 (1966), broj 1—3, s. 92—109, Zagreb, 1967.

завершает намечившееся уже ранее выделение славянского инкунабуловедения в особую отрасль инкунабулистики. Дальнейшие работы по истории славянского первопечатания могут рассчитывать на успех, если будут идти по тому же пути

— комплексного изучения книжной культуры разных стран и народов с учетом как общих явлений, так и национальной специфики.

Я. Д. Исавич

«RUCH LITERACKI»

1963—1969

Журнал «Рух литерацики», который в этом году отмечает свое десятилетие, играет важную роль в польской славистике. Его с 1960 г. раз в два месяца издает Краковское отделение историко-литературной Комиссии ПАН при участии Литературного общества им. А. Мицкевича. Главный редактор журнала — Виценты Давек, крупный ученый-полонист, автор интересных научных исследований о жизни и творчестве Юзефа Игнация Крашевского. Новая его книга — «Писатель всегда живой» вышла из печати в 1969 г. («Pisarz wciąż żywy», Warszawa, 1969). В состав редакционного комитета входят известные ученые Тадеуш Буйницкий, Болеслав Фарон, Ядек Кайтох (секретарь редакции), Ежи Квятковский, Юлиан Маслянка, Ян Новаковский и Тадеуш Улевич.

В журнале четыре раздела: статьи, заметки и материалы, рецензии и обзоры, хроника. Иногда добавляется раздел дискуссий. Исследования, публикуемые на страницах журнала, чрезвычайно разнообразны. Это и монографические работы об отдельных произведениях польской литературы, и постановка общих теоретических и историко-литературных проблем, и материалы по истории литературной жизни, и вопросы сравнительного изучения литератур и межславянских связей. Журнал уделяет внимание разным эпохам в истории польской литературы. В 1968 г., например, опубликованы статьи о новаторстве рассказов М. Домбровской (Ewa Korzeniewska. Czy proza dziewiętnastowieczna? 1968, № 1) и о литературной программе польских совизжалов (S. Grzeszczuk. Program literacki polskich Sowiźrzałów. 1968, № 4), о лирике польского Просвещения (M. Piszcowski. W stronę liryki polskiego Oświecenia, 1968, № 5) и о Вацлаве Беренте (J. Garbaczowska. Wacław Berent wobec zagadnienia rewolucji, 1968, № 6).

Второй номер журнала за 1968 г. посвящен в основном издательским планам, оценкам уже изданных произведений польской литературы и требованиям и заявкам на будущее. Здесь же речь идет об основных задачах науки о литературе. (J. Krzyżanowski. Perspektywiczny plan wydawniczy polonistyki, T. Ulewicz. O wydaniach klasyków literatury dawniejszej, «Bibliotece pisarzy polskich» oraz o naszych potrzebach w tym zakresie, Cz. Zgorzelski. Postulaty edytorskie w zakresie literatury pierwszej połowy wieku XIX,

Z. Goliński. Perspektywy rozwoju nauki o literaturze).

О переписке писателей, без исследования которой трудно дать правильное толкование их творчества, определить многообразие связей художника с обществом, о контактах М. Конопницкой и Т. Ленартовича, Ю. И. Крашевского и Э. Ожешко речь идет в статьях Я. Новаковского (Spotkanie nad Arnem (Konopnicka i Lenartowicz), 1968, № 3) и С. Буркота (Kraszewski i Orzeszkowa, 1968, № 6). Межславянские связи в свете проблем сравнительного изучения литератур рассматриваются в работе Т. Улевича «О культурных и литературных польско-чешских связях периода гуманизма и ренессанса. К проблеме сравнительного изучения литератур» (T. Ulewicz. O związkach kulturalnych i literackich polsko-czeskich w dobie humanizmu i renesansu (z zagadnień porównawczych), 1968, № 4).

В 1969 г. читатель найдет в журнале основательную и интересную теоретическую и методологическую постановку вопроса о сравнительном изучении литератур (H. Markiewicz. Zakres i podział literaturoznawstwa porównawczego, № 2).

Статья Г. Маркевича посвящена как терминологии, так и определению различных аспектов литературных взаимоотношений, разного рода параллелизмов и т. п.

В № 1 за 1969 г. М. Подраза-Квятковская пишет о роли художника на переломе XIX и XX вв., а название исследования «Бог, жертва, клоун или психопат» определяет круг проблем, интересующих автора в связи с этими различными трактовками роли творческой личности периода модернизма. В № 4 помещена дискуссия по поводу этой статьи.

Большинство статей и материалов № 4 связано с творчеством Станислава Выспянского и приурочено к столетию со дня его рождения. В статье Яна Новаковского намечаются направления дальнейших исследований творчества Выспянского и в том числе вопросы восприятия его драмы и других произведений, история дискуссий, споров, различных интерпретаций и т. д. (J. Nowakowski. Na stulecie Wyspiańskiego).

В разделе «Заметки и материалы» Г. Маркевич дополняет фундаментальную библиографию М. Стоковой рядом неучтенных позиций.

В № 5 опубликована статья о литературной жизни Кракова 1831—1840 гг., различные аспекты которой начинают все больше привлекать внимание исследователей (Z. Jagoda. O tendencjach ideowych kształtujących charakter życia literackiego w Krakowie w latach 1831—1840). Но основной материал этого номера посвящен памяти одного из крупнейших историков польской литературы, профессора Станислава Пигоня (1885—1968). В статьях Юл. Кшижановского, Г. Маркевича, Т. Улевича подчеркивается многосторонность деятельности ученого, — научной, издательской, — его любовное отношение к самым малым фактам и явлениям литературной жизни Польши, скрупулезность научного метода (J. Krzyżanowski. Stanisławowi Pigionowi podzwonne; H. Markiewicz. Filologia, „nescio quid blandum spirans“; T. Ulewicz. Stanisław Pigoń w Krakowie i w „Ruchu Literackim“).

В последнем номере за 1969 г. привлекает внимание основательная и интересная работа С. Буркота о романе Я. Ивашкевича «Слава и хвала» (Znamiona wielkiej epiki).

С интересом познакомится читатель со статьей Б. Сордыловой об известном польском ученом Габриэле Корбуте, обширная библиография которого — первый помощник каждого исследователя польской литературы (B. Sordyłowa. «Życie i działalność Gabriela Korbuta w świetle nowych materiałów». 1969, № 2).

Большое и важное место в журнале занимает раздел рецензий и обзоров. Все сколько-нибудь значительные работы о польских писателях и проблемах литературной жизни, издания польской литературы находят в высшей степени квалифицированный отклик на страницах «Руху литературного».

Д. Прокофьева

J. URBAŃSKA. *Radziecka powieść rosyjska w Polsce w latach 1933—1939*. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, 145 s.

Я. УРБАŃСКАЯ. *Русский советский роман в Польше в 1933—1939 гг.*

Новая книга Я. Урбаньской является продолжением ее работы «Русский советский роман в Польше в 1918—1932 гг.», опубликованной в 1966 г. Автор изучил переводы русского советского романа на польский язык, литературно-критические выступления по поводу этого романа в польской печати тех лет. Одних только периодических изданий 30-х годов просмотрено около сотни. В исследовании Урбаньской приводятся полные, если не исчерпывающие, сведения, без которых нельзя представить себе роль советской литературы в общественно-литературной жизни Польши.

Сведения эти дополняются ценным приложением к книге — библиографией переводов советского романа на польский язык, а также книг, статей, рецензий, отзывов, заметок, появившихся в Польше в 30-е годы, о русском романе и об отдельных его представителях.

Анализируя распространение советской литературы в Польше, Я. Урбаньская выделяет 1932—1936 гг., когда после заключения в 1932 г. между Польшей и Советским Союзом договора о ненападении советские книги широком потоком хлынули в Польшу. За неполные четыре года в Польше было издано около 90 советских романов, в том числе около 50, написанных в 20-е годы, и около 40, выпущенных в 30-е годы.

«В истории советского романа в Польше, — пишет автор книги в своем резюме на русском языке, — годы 1933—1936 составляют один из самых важных по своей значимости периодов, по сравнению

с которым резко контрастным является следующий этап рецепции, охватывающий период 1937—1939 гг., когда в силу все осложняющихся внутренних и внешних политических обстоятельств, вопросы советской литературы начинают постепенно исчезать со страниц газет и журналов, а достойными внимания окажутся только произведения Пришвина, Арсеньева и Гроссмана» (стр. 145).

Рассмотрению переводов советских романов на польский язык и сопутствовавшей им критической литературы (около 150 статей, обзоров и рецензий) в книге предшествует общая характеристика эпохи, условий распространения в Польше советской книги.

Проблемно-тематический анализ переведенных в 30-е годы книг и посвященных им статей приводит автора к выводу, что переводы советских романов представляют «многообразную картину в жанровом и тематическом планах». Наибольшее распространение получили в те годы в Польше нравственно-бытовые романы, несмотря на то что многие из них были весьма слабыми художественно. К ним принадлежат произведения Слезкина, Гумилевского, Романова, Никифорова, Никандрова и других.

В центре внимания польской общественности тех лет оказались произведения о революции и гражданской войне — Фурманова, А. Толстого, А. Веселого; о войне 1905 и 1914 годов — Новикова-Прибоя, Соболева, Тихонова и др.; о советской деревне в годы формирования сельских коммун и коллективизации —

Шолохова, Панферова, Гладкова и др.; о строительстве социалистической индустрии — Эренбурга, Катаева, Леонова и др. Хорошо были известны в Польше советские исторические и историко-биографические романы, прежде всего Тынянова и А. Толстого. Жанр модного в Европе того времени авантюрно-фантастического романа представляли книги А. Толстого «Аэлита», «Гиперболоид инженера Гарина» и Лавренева «Республика Итль», которые пользовались успехом у читателей, но игнорировались критикой.

Читатели и критики высоко оценивали достижения советских писателей в области литературы для детей и юношества (книги Кассиля, Паустовского, Катаева, Ильина).

Интересный, забытый или малоизвестный материал привлекается автором для характеристики мнений польской литературной критики о советском романе и — шире — о советской литературе вообще. Большая заслуга в пропаганде советской литературы принадлежала польским революционным писателям, коммунистическим и левым журналам. Известными переводчиками советской литературы были Вл. Броневский и А. Ставар. Марксистские критики Бачинский, Ставар, Хопшенштадт и другие внимательно следили за развитием советской литературы, применяя ее опыт к задачам создания польской революционной литературы. В левых польских журналах широкое отражение нашла программа социалистического реализма, принятая на Всесоюзном съезде советских писателей. В 30-е годы, особенно после I съезда, польская марксистская критика вносит все большую ясность в понимание путей развития польской революционной литературы, формулируя ее программу, близкую программе социалистического реализма. С. Бачинский, например, в статье «Социалистическая культура» писал о том, что съезд выдвинул программу развития литературы, связанной с пролетарской идеологией, и особенно подчеркивал реалистический и действенный характер этой литературы. В другой своей статье — «Социалистический реализм» — Бачинский дал характеристику методу социалистического реализма, указав на возможность развития литературы социалистического реализма в Польше.

Работам общего содержания о советской литературе сопутствовали в 1933—1936 гг. многочисленные статьи и рецензии, посвященные отдельным авторам и книгам, переведенным в Польше. В эти годы появились обширные статьи о творчестве Горького, Леонова, Лавренева, А. Толстого, Шолохова, Тынянова и других.

Наиболее восторженный прием встретили в Польше произведения А. Толстого и Шолохова. По отношению к ним даже реакционные критики умеряли свой анти-

советский пыл и вынуждены были признать их незаурядный литературный талант.

Глубокие оценки творчества советские писателей 30-х годов содержались в статьях известного ныне польского писателя, исторического романиста Т. Парницкого. С восхищением писал, например, Парницкий о романе Толстого «Петр Первый»: «Его роман для людей совершенно других убеждений и другого мировоззрения является документом замечательного возрождения исторического романа. Со времен Сенкевича не выступали с такой силой эрудиции, стиль, пластика, красочность и эпичность, какие имеют место в романе Толстого». В рецензиях, посвященных отдельным томам «Петра Первого», Парницкий называет роман «величайшим триумфом эпика, выдающимся историческим романом XX века».

С неменьшим энтузиазмом были встречены критикой произведения Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина». О «Поднятой целине» (ставшей известной в Польше ранее «Тихого Дона») тот же Парницкий писал, что «роман является замечательным шедевром писательского искусства. Это не только огромный успех эпического таланта Шолохова, не только большое достижение советской — и русской — литературы, это поистине большой триумф эпохи в истории мировой литературы...»

Признание Парницкого и других критиков разных направлений и ориентаций вызвал талант Шолохова, широкий эпический размах писателя, реалистическое изображение им сложных жизненных путей героев, творческое использование им лучших традиций русской эпика XIX в.

Наряду с романами Шолохова и Толстого большим признанием пользовалась в Польше психологическая проза Леонова, пять романов которого были переведены в середине 30-х годов. Критика подчеркивала новаторство формы, актуальность проблематики и психологическую глубину характеров, являющихся продолжением традиций Достоевского.

Творчество М. Горького, как убедительно показывает в своей книге Я. Урбанская, привлекало внимание польских читателей и критики еще с 1918 г., но особенно широкий резонанс оно получило в 1936 г., после смерти писателя, хотя в большинстве посвященных ему публикаций преобладала концепция Горького — традиционного писателя-классика, а не Горького — основоположника социалистического реализма.

Не следует думать — и об этом верно пишет Урбанская, — что распространение советской книги в буржуазной Польше не встречало препятствий. Левым журналам и издательствам приходилось преодолевать огромные цензурные

трудности. Реакционная критика всячески стремилась исказить идейное звучание советской книги, запретить ее распространение в стране. Так, например, в 1935 г. была запрещена цензурой книга Панферова «Бруски». В том же году был изуродован цензурой перевод романа Фурманова «Чапаев», а вскоре после этого запрещен показ в Польше советского кинофильма «Чапаев». С 1936 г. начинаются подлинные гонения на советскую книгу. Во все времена польская охранка считала каждую советскую книгу, независимо от ее содержания и места издания, найденную при аресте у коммуниста, серьезной отягчающей уликой.

Важным аспектом исследования Я. Урбаньской являются наблюдения над ролью

советского романа в формировании революционного сознания передовых кругов польского общества. Автор приводит несколько свидетельств революционеров о значении в их жизни советской книги, пишет о том, что переводы советских авторов в Польшу в 30-е годы открывали им новый мир.

Книга Я. Урбаньской подводит и к другой важной теме, едва в ней намеченной, — изучению влияния советской литературы на творчество польских писателей. Тема эта, в работе над которой незаменимым подспорьем явится труд Урбаньской, ждет своего исследователя.

В. Хорев

МОНОГРАФИЯ О «ВОЙНЕ С САЛАМАНДРАМИ» КАРЕЛА ЧАПЕКА

Книга С. В. Никольского о Чапеке¹ является первой монографией, посвященной анализу одного из произведений чешского писателя и проблемам его поэтики на материале этого произведения. Появлению этой работы предшествовал ряд ценных публикаций того же автора, в течение многих лет занимавшегося творчеством Чапека. На этот раз речь идет о романе «Война с саламандрами» — произведении, которое впитало многие идеи и мотивы, идущие от разных традиций мировой литературы, философии, социологии. С. В. Никольский не увлекается поисками идейных, сюжетно-образных, стилистических параллелей к «Войне с саламандрами» (о чем много писали другие исследователи Чапека: У. Харкинс, О. Малевич, А. Магушка, М. Вей, Р. Якобсон). Автор рецензируемой книги производит скорее «внутренний» анализ романа». Однако, когда требуется, исследователь свободно оперирует не только литературным материалом, но и данными самых различных областей знания от истории и политики до зоологии и палеонтологии. Таким образом, необходимые параллели-источники учтены автором.

Книга отличается четкой композицией написана емко и компактно, за исключением, пожалуй, главы «По стопам человечности» (109—123), которая несколько растянута.

Основное достоинство монографии — в методе исследования. Известный научоведческий афоризм гласит: «Метод — аналог изучаемого предмета». Такой аналог найден исследователем. Книга задумана и выполнена как целостный анализ всех содержательных и формальных ком-

понентов произведения (хотя самое выражение «целостный анализ», автор, кажется, не употребляет). За последние годы наши литературоведы все чаще обращаются к целостному анализу. Успех или неуспех здесь во многом зависит от выбора угла зрения, «ключа», который дал бы возможность вскрыть взаимосвязанность частей и компонентов анализируемого целого. Подбор ключа — в сущности определение, что именно является организирующим началом данного произведения. Часто им является авторская идея. «Война с саламандрами» многодейна, и попытка раскрыть роман через одну идею может привести (и приводила неоднократно) к сужению и искажению чапековского замысла. В других случаях ключом может быть образ основного героя — такового в анализируемом произведении нет. Не мог стать ключом к пониманию «Войны с саламандрами» ни сюжет, ни стиль. Произведение многосюжетно и многостильно. В то же время все многообразные компоненты находятся в единстве.

Никольский нашел ключ, раскрывающий единство чапековского многообразия. Это — жанровая структура, порожденная авторской концепцией и многогласностью содержательных планов произведения.

Исследователь пишет: «Выбор ракурса и особенности построения работы подсказаны спецификой материала, в частности жанровой многогранностью произведения и сменой жанровых доминант в нем. Так как развитие сюжета сопровождается в романе определенными сдвигами в его жанровом построении, нам казалось более удобным рассматривать роман в последовательности «движений» его структуры» (10). Этот ракурс дал возможность автору избежать той «неполноты аргументации», которая у ряда чапековедов,

¹ С. Никольский. Роман К. Чапека «Война с саламандрами» (структура и жанр). М., «Наука», 1968, 208 стр.

по справедливому утверждению Никольского, «предопределена» эссеистским или литературно-критическим жанром их ра- бот.

Монография отличается концептуаль- ностью и последовательностью, стремле- нием к точности литературоведческого ис- следования. Избегнув упрощений в по- нимании смысла «Войны с саламандрами», ученый рассматривает роман как своеоб- разную образную модель всего капитали- стического мира. Обобщенность, несво- димость к отражению только данных явлений, сочетается в романе, по справед- ливому мнению исследователя, с многооб- разием возникающих у читателя и запро- граммированных писателем конкретных ассоциаций.

В то же время в исследовании показанно: «Война с саламандрами» имеет как бы ядро, к которому тяготеют остальные идейно-художественные компоненты. Это ядро — антифашистская памфлетная са- тира. Раскрывая через анализ жанрово- стилевых компонентов разные аспекты чапековской сатиры, автор работы не забы- вает: главный адресат обличения — фа- шизм, его «животная доктрина» и «анти- человеческая практика».

Никольский использует и реализует на материале «Войны с саламандрами» положение М. Бахтина: «Каждый жанр имеет свою преимущественную сферу бы- тия, по отношению к которой он незаме- ним». Так как «Война с саламандрами» энциклопедична, освещает очень многие сферы жизни, то она не может быть под- ведена ни под одну жанровую определен- ность (отметим, что в силу своей энцикло- педичности не укладываются в привычные жанровые нормы и такие великие произ- ведения, как «Фауст», «Евгений Онегин», «Пан Тадеуш», «Война и мир»).

Анализируя «Войну с саламандрами», ученый доказывает, что необычное и по- разительное многообразное содержание ее можно было воплотить только путем по- следовательных жанровых переходов, не разрушающих целостности книги Чапека, но придающих ей необычную оригиналь- ность. Так раскрывается содержатель- ность художественной формы. Поэтика романа рассмотрена как реализация художественного мышления Чапека, отражение его наблюдений над действи- тельностью и оценок наблюдаемых явле- ний (например, стр. 186 и 191—192). Все изложение или, правильнее говоря, дви- жение исследовательской мысли убежда- ет, что «Война с саламандрами» — «роман жанрового синтеза». Так и называется предпоследний раздел работы. Понятие «жанровый синтез» встречает возражения у некоторых теоретиков литературы. Ни- кольский, не вступая с ними в полемику, всей своей книгой доказывает не только законность, но и необходимость этого понятия. Раскрытие жанровой специфики «Войны с саламандрами» является несом-

ненной заслугой Никольского, достиже- нием по сравнению со сделанным до него.

Рецензируемое исследование отличается продуманностью терминологии (что, к со- жалению, не всегда бывает в литературо- ведческих работах). Среди терминов и «классические», и новые, но уже широко- употребительные — структура, микро- структура, образная модель, мысленный эксперимент, художественное открытие. Встречаются и термины редкие (то ли авторские, то ли малоупотребляемые): глобальная утопия, микросатира, микро- и макросюжетные линии, многоуровневость и др. (Может показаться, что такие выра- жения, как микро- и макросюжетные ли- нии или многоуровневость, всегда лишь словесные образования, имеющие целью в конкретных случаях точнее донести мысль. Думается, однако, что это выра- жения не просто уточняющего харак- тера — что уже неплохо, а имеющие опре- деленное терминологическое наполнение.)

Термины лейтмотивами проходят через исследование. Может показаться, будто автор несколько повторяется, рассуждая о жанровой структуре «Войны с саламандрами», о таких ее особенностях, как ав- торский эксперимент, экспериментальный сюжет, парадокс, стилизация, образная модель. Но это вытекает из лейтмотивного построения книги, из последовательного рассмотрения чапековского произведе- ния, из того, что метод исследования явля- ется аналогом «Войны с саламандрами», где различные идейные, тематические, сюжетные, стилистические линии развива- ются параллельно. Никольский убедитель- но показывает, как в романе отдель- ные мотивы зарождаются, проходят пун- ктиром, намеками, потом нарастают, выходят на передний план. Исподволь появляется в романе его важнейшая — антифашистская тема и вырастает затем в целый ансамбль пародий-памфлетов: «са- тирическую стилизацию наукообразной расовой теории, шовинистической нацист- ской публицистики, философского эссе и отчета о международных переговорах» (165). Мельком сделанное в начале романа замечание о строительных способностях саламандр вырастает в дальнейшем в важ- нейший сюжетный мотив. При этом соблю- дается тщательно продуманная соразмер- ность между различными пластами идейно- тематического материала. Соотнесенность и взаимосвязанность разных мотивов и оп- ределяет движение жанровой структуры.

К сожалению, имеются и некоторые тер- минологические неточности. Могут быть художественные принципы писателя, но вряд ли закономерно выражение «художественные принципы романа» (13). Не- ясно утверждение, что сатирические миниатюры Чапека имеют в себе «что-то от басни, притчи и афоризма одновременно» (12). Из контекста следует, будто басня и притча — весьма разные явления. Од-

нако басня и притча чрезвычайно близкие, с трудом отграничиваемые жанры. По мнению же Потехни, притча всего лишь часть басни.

Не всегда точно употребляет Никольский столь важные для его работы выражения: структура, структурный, микро-структура и пр. Может быть следовало дать определение, что понимает автор под структурой, и соотнести это определение с тем достаточно четким терминологическим наполнением, какое «структура» имеет в современной науке от кристаллографии до философии. Но в то же время Никольский неоднократно вскрывает взаимосвязанность и взаимообусловленность компонентов различных структурных уровней. И все это ставится в причинную связь с философскими взглядами писателя — релятивизмом.

К числу основных особенностей книги Чапека справедливо отнесены контрастность и гротескность. Верный своей методике, Никольский рассматривает эти явления в их проявлении на различных структурных уровнях (авторская концепция, композиция, стиль).

Глубоко показано значение метафоры как структурообразующего начала «Войны с саламандрами» (сатирическая метафора реализуется как научно-фантастический сюжет). Эти наблюдения ценны для теории тропа, где еще до конца не изжито его формально-стилистическое толкование.

Свежие мысли высказаны о главе «Яхта в лагуне», представляющей, как показывает исследователь, вставной эпизод и в то же время отражающей «в миниатюре структурные особенности произведения, взятого в целом» (49). К лучшим местам книги относится разбор «обывательского плана» в романе, начатый уже со страницы 70 и завершающийся особым разделом (170—172).

Ценны сопоставления анализируемого романа с другими произведениями писателя: «Системой», «Фабрикой абсолюта», «Кракатитом», «Первой спасательной», «Афоризмами» и т. д. Наиболее интересно сопоставление с драматическим обзором

«Из жизни насекомых». Здесь сравнивается самая сущность структур двух произведений в их общем и отличном (12—14). Чрезвычайно интересны и убедительны сопоставления ультимативных выступлений Верховной Саламандры по радио с газетными заметками Чапека о выступлениях по радио Гитлера и Муссолини (140—141). Весьма тонки наблюдения над исторической относительностью представлений о возможном и невозможном, фантастическом, в связи с рассказом «Офир».

В работе много интересных наблюдений и выводов, не просто важных для всестороннего понимания «Войны с саламандрами», но имеющих значение для теоретических обобщений более широкого охвата. Так, убедительно опровергнуто мнение А. Матушки, будто «описательные» картины в духе «традиционного реализма» снижают художественную ценность произведений Чапека, работающего преимущественно в условной манере (29). Никольский показывает: реализм и условность отнюдь не взаимоисключающие категории. У Чапека описательно-реалистические элементы органически, функционально входят в сложную жанровую структуру. Эти рассуждения Никольского могут быть противопоставлены не только мнению Матушки, но и тех исследователей, которые осуждают Чапека именно за условность и тоже метафизически противопоставляют ее реализму.

В заключение рецензент хочет высказать пожелание, чтобы содержательная, хорошо написанная работа появилась бы в другом, облегченном и сокращенном варианте, в «Массовой историко-литературной библиотеке», издаваемой «Художественной литературой». «Война с саламандрами» заслуживает такой популяризации, а монография Никольского, поновому, глубже, чем это делалось раньше, анализирующая замечательную книгу Чапека, после соответствующей авторской обработки, заслуживает быть изданной для широкого читателя.

А. Волков

ИССЛЕДОВАНИЕ О ДРЕВНЕМ БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОМ ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ

В истории славянских литературных языков в настоящее время заметно выделяется проблема старинного белорусско-украинского письменного языка как характером внутренних взаимоотношений, так и особенностями его взаимодействия с другими славянскими языками, прежде всего с церковнославянским и польским, с которыми он наиболее тесно соприка-

сался. В научной литературе высказывались разнообразные мнения о сущности и структуре этого языка. В начале нашего века Е. Ф. Карский утверждал, что это был белорусский язык, получивший распространение и на Украине и постепенно насыщавшийся там местными украинскими особенностями. Позднее исследователями (Ф. Т. Жилко и др.) сделана была

попытка связать письменно-литературный язык древнего периода с южной и юго-западной украинской диалектной территорией. В литературе последнего времени (Ф. Т. Жилко, П. П. Плющ, Л. Л. Гумецкая) высказывались взгляды, что это было койне, в образовании которого одинаковое участие принимали белорусские и украинские говоры.

В последние годы проблема белорусско-украинских языковых связей древнего периода была объектом пристального внимания со стороны белорусского исследователя В. В. Аниченко. Итогом его работы явилась рецензируемая книга «Белорусско-украинские письменно-языковые связи», изданная в Минске в 1969 г.¹

Книга открывается небольшим введением и вступительной главой «Исторические корни белорусско-украинских письменно-языковых связей» (стр. 7—11), где рассмотрены исторические условия жизни белорусского и украинского народов на заре их самостоятельной истории. Некоторым анахронизмом выглядит попытка автора выводить белорусскую и украинскую народности из соответствующих племен: белорусов — из дреговичей, радимичей и части кривичей и полочан, а украинскую — из полян, северян, древлян, волынян, уличей и хорватов (стр. 9). Автор не учитывает, что эпохе самостоятельной истории белорусской и украинской народностей предшествовала эпоха древнерусской народности, и известное воспоминание летописца о восточнославянских племенах уже в начале XII столетия воспринималось как предание о далекой старине.

Специальная глава посвящена вопросу о названии в древних памятниках и в научной литературе литературно-письменного языка Белоруссии и Украины древнего периода. В памятниках язык этот назывался «русский язык», «простый русский язык», «руская мова», «простая руская мова», «русский диалект», «русское письмо» и др. Автор полагает, что эти названия употреблялись для того, чтобы «показать общность происхождения и родство этого языка с великорусским языком» (стр. 16). Трудно согласиться с этим утверждением. Нет сомнения, что основной была другая причина, которую упоминает и автор, — необходимость противопоставить местный письменный язык польскому, церковнославянскому и латинскому (о последнем В. В. Аниченко почему-то ничего не говорит). Рассмотрев важнейшие названия старинного белорусско-украинского письменного языка в научной литературе, В. В. Аниченко приходит к выводу, что наиболее оправданным является название «западнорус-

ский язык» (стр. 17). Но и такой термин нельзя признать удачным, так как им фактически перечеркивается национальная сущность старинного белорусского языка.

В следующей главе автор подробно излагает взгляды отдельных ученых по вопросу о разграничении белорусских и украинских письменных памятников и высказывает ряд интересных соображений, которые, несомненно, будут учтены при подборе письменных источников и подготовке конкретных исследований по истории белорусского языка.

Основное содержание книги составляют главы, посвященные характеристике литературно-письменного единства Белоруссии и Украины в древний период (XIV—XVII вв.). Здесь рассмотрены языковые особенности деловых памятников с белорусской и украинской территории, литературно-художественных произведений, а также религиозной и учебно-педагогической литературы. Значительный интерес представляет та часть книги, где охарактеризовано белорусское влияние на староукраинскую письменность. В. В. Аниченко довольно полно выявил белорусские языковые черты в деловых памятниках с украинской территории. Он проследил также отражение белорусских особенностей в украинских списках или изданиях белорусских памятников, в украинских изданиях, предшествующих белорусским, и в самостоятельных украинских текстах. Подобным образом охарактеризовано отражение украинских языковых особенностей в разнообразных жанрах белорусской письменности. Изучены также графико-палеографические особенности белорусских и украинских памятников. В результате изучения большого количества письменных источников с белорусской и украинской территории исследователь пришел к выводу, что обогащение языка украинской письменности за счет белорусизмов наиболее ощутимо было в XIV—XVI вв., тогда как интенсивное насыщение языка белорусской письменности специфическими чертами украинского языка происходит в XVII в.

Интересны и последние главы книги, посвященные изучению книжнославянизмов и полонизмов в белорусско-украинской письменности. Несомненную ценность имеют наблюдения автора, что больший удельный вес книжнославянизмы имели в украинских памятниках, в то время как в белорусской письменности более широко были представлены лексические и грамматические полонизмы.

Основной метод исследования автора книги — сопоставительный анализ идентичных или близких в текстуальном от-

¹ У. В. А н і ч е н к а. Беларуска-ўкраінскія пісьмова-моўныя сувязі. Мінск, 1969, 296 стр.

ношении памятников, возникших на белорусской и украинской территориях приблизительно в одно время. В. В. Аниченко изучил большое количество рукописных и старопечатных источников; некоторые из них он первым использовал для научного анализа. Правда, не все эти источники имеют одинаковую ценность. Большую часть их составляют тексты, переписанные или перепечатанные на одной территории с текстов, возникших на другой территории. Такие памятники в языковом отношении менее важны, так как в них могли отразиться лишь спорадические изменения, дающие мало материала для заключения об общих письменных нормах переписчиков или издателей. Для суждения о языковых отличиях отдельных местностей гораздо большее значение имеют памятники, текстуально совпадающие или близкие, но возникшие независимо друг от друга в Белоруссии и на Украине. К сожалению, таких памятников сохранилось очень мало (переводы псалтыри и евангелия).

К достоинствам книги следует также отнести публикацию большого количества параллельных отрывков и фотоснимков отдельных страниц текстов, дающих наглядное представление о языке древних памятников.

Весьма внушительна также библиографическая база исследования. Автора трудно упрекнуть в пропуске хотя бы одной сколько-нибудь значительной работы по изучаемому вопросу.

Круг вопросов, затрагиваемых в исследовании, широк и разнообразен. Автору пришлось обстоятельно ознакомиться с историко-культурным фоном эпохи, с историей памятников, их содержанием и — что наиболее важно — изучать языковые особенности памятников в сравнении с языком письменности предыдущей и последующей эпох. В. В. Аниченко изучил все основные стороны языка памятников, начиная от их графики и кончая лексикой. Естественно, что при таком объеме исследования трудно ожидать от автора освещения всех изучаемых им вопросов с одинаковой степенью полноты и точности.

Например, недостаточно внимания, на наш взгляд, уделил В. В. Аниченко проблеме диалектной основы старинного белорусско-украинского письменного языка, ограничившись оговоркой, что для решения этой проблемы необходима надлежащая разработка исторической диалектологии белорусского и украинского языков и всестороннее исследование письменных источников с учетом времени и места их возникновения (стр. 45). Он придерживается мнения, что в процессе формирования этого языка участвовали диалекты разных территорий Белоруссии и Украины, крупные диалектные массивы, в пределах которых находились в то время значительные экономические и по-

литические центры Великого княжества Литовского. В решении указанного вопроса автор, таким образом, стоит на точке зрения тех украинских исследователей, которые считают, что литературно-письменный язык Великого княжества Литовского представлял собою койне, выступавшее в двух фонетических вариантах — белорусском и украинском. Но этим характеризуется лишь функция старинного письменного языка, а не его структура. Возникновение койне, как известно, возможно и на базе одного диалекта. История литературного языка как раз и должен интересоваться вопрос, какой именно диалект явился исходным при образовании этого койне.

Следует заметить, что утверждение об одинаковом участии разных диалектов в образовании старинного белорусско-украинского литературно-письменного языка не согласуется с наблюдениями ученых (например, Хр. Станга) над развитием языка актовой письменности эпохи Великого княжества Литовского, согласно которым первоначально в Великом княжестве Литовском употреблялось два типа канцелярского языка, отражавшие соответственно особенности белорусских и севернопольских говоров. Позже в деловой письменности заметно усиливается белорусский элемент, и уже во времена Сигизмунда Августа (1548—1572) канцелярский язык выступает как белорусский, который имел больше всего соответствий в белорусских говорах в районе Вильно.

Несколько невыразительно освещен в книге вопрос о расщеплении прежде единого белорусско-украинского языка на два самостоятельные — белорусский и украинский. В. В. Аниченко утверждает, что уже в первой половине XVII в. сложился украинский тип литературно-письменного языка в жанре переводной религиозной литературы (стр. 114—115). Эта же тенденция к расщеплению выявляется и даже в лексикографических трудах первой половины XVII в. (стр. 119). Однако даже на основании содержащегося в книге материала можно говорить о более раннем начале этого процесса. Для решения этой проблемы имеет значение утверждение автора, что процесс демократизации литературно-письменного языка проявляется по-разному в Белоруссии и на Украине (стр. 26, 274), что письменный язык в Белоруссии и на Украине был окрашен местными особенностями (стр. 41, 47), что церковнославянские лексические и грамматические элементы более устойчиво сохранялись в украинской письменности (стр. 237—252) и что белорусская письменность более свободно насыщалась полонизмами (стр. 257—272). В пользу такого заключения говорит и материал сопоставительного изучения белорусских и украинских памятников (стр. 81—85, 105—108, 110—113, 161).

Следует обратить также внимание и на неточности в трактовке некоторых других вопросов истории белорусской письменности и ее языка. Автор приводит известное высказывание Ф. Энгельса о белорусском языке, где этот язык характеризуется как средний между польским и русским, но более близкий к последнему. Но эта характеристика относится к белорусскому языку XIX в., а не XIV в., как это изложено в книге (стр. 10). Сам автор утверждает, что в XIV в. еще не чувствовалось заметное польское влияние на белорусскую письменность (стр. 68).

Трудно согласиться с утверждением, что «лексика белорусского и украинского языков в древний период была почти тождественной» (стр. 139). Памятники белорусской письменности дают возможность выявить диалектные лексические различия даже в пределах белорусской языковой территории, хотя эти различия, конечно, нивелировались нормами письменного языка.

Язык «Диариуша» А. Филипповича нельзя считать образцом полемики литературы (стр. 149), ибо в годы создания этого произведения (1638—1648) полемика велась уже на польском языке, к тому же к этому времени она уже затухала. Нельзя причислять к памятникам полемики типа «Историю о Варлааме и Иоасафе» издания 1637 г. (стр. 178), ибо это переводное произведение и принадлежит оно к агнографической литературе. Автор придерживается уже не популярного в современном белорусском языковедении мнения, что решение Варшавского сейма 1696 г. о замене белорусского языка польским в делопроизводстве явилось следствием стремления польских властей лишить белорусов средства борьбы за свою независимость (стр. 255).

В. В. Аниченко оперирует огромным иллюстративным материалом, в большей части выбранным непосредственно из первоисточников и впервые введенным в научный обиход. Этот материал приводится обычно с сохранением графико-орфографических особенностей оригиналов, что придает ему особую ценность. Но в книге имеют место и случаи произвольного толкования некоторых языковых фактов.

Так, на стр. 27—32 без ясных оснований в числе украинизмов в белорусской письменности приведены и такие слова, как *взувати*, *вызути*, *зволокати*, *опочити*, *озороняти*, *щадокъ*, *щасный*. Едва ли можно согласиться с утверждением, что «некоторые лексические элементы в старобелорусской письменности ... на фоне других можно считать украинскими хотя бы по той причине, что они в дальнейшем сохранились в украинском языке, а в белорусском по существу вышли из употребления» (стр. 27). Вообще В. В. Аниченко часто без достаточных оснований склонен считать украинскими такие чер-

ты, которые в старину свойственны были и белорусскому языку. Именно так поступает он при толковании безличных оборотов с причастием в роли сказуемого типа *медь дано*, *ярлыкъ писано*, *двери замкнено* (стр. 179, 190, 203, 206, 266). Большая часть черт, отнесенных автором к числу украинских (стр. 23—24), присуща и современным юго-западным белорусским говорам. Обычные в старинных белорусских памятниках инфинитивы на *-ти* автор склонен объяснять сохранением традиции тогдашнего письма, но эти формы известны и современным белорусским говорам, а в старину территория их распространения была, несомненно, значительно большей. Вряд ли достаточно оснований считать формы повелительного наклонения второго лица множественного числа на *-те* украинскими в белорусских псалтырях XVI и XVII вв. (стр. 207), поскольку соответствующие формы и сейчас известны примерно третьей части белорусской языковой территории.

К фактам украинского языка В. В. Аниченко иногда причисляет и заимствованные формы, которые лишь внешне совпадают с соответствующими украинскими. Так, формы *бестый*, *азы*, *каплани* (стр. 205) — несомненные полонизмы и в них не следует видеть смещения и в них не следует видеть смещения и в *и*. В *музыка* (стр. 193) передано и этимологическое (ср. лат. *musica*, нем. *Musik*), и еще Ф. Скорина писал это слово с *и* — *учитися музики*. Нет смещения *о* и *у* в *хуть* (стр. 195), где отражена обычная для древности субституция польского *ę* (ср. *okręć* → *окрутъ*, *potęga* → *потуга*).

Неточно интерпретированы и некоторые другие языковые явления памятников. Укажем лишь некоторые из них. В обороте *а дворици* первоначальный вид предлога был *съ*, а не *изъ*, и тут, следовательно, нет отпадения начального *и* (стр. 49). Неверно, что сочетание *жч* в формах *жчечанутся*, *жчезноуть*, происходит из древнего * *dj* (стр. 55). В случаях типа *у насъ*, *урадовалася*, *указоватисе* нет смещения *в* и *у* (стр. 93, 98), ибо здесь *у* этимологическое. Нет отпадения начального *и* или *ј* в словах типа *яковъ*, *юда*, как нет и удвоения согласных в формах *ссаль*, *жжирать*, *затресьсе* (стр. 108). Формы родительного падежа женского рода прилагательных *доброе*, *синее* преобразовались в *доброй*, *синей* вследствие отпадения конечного *е*, а не редукция его в *й* (стр. 126). В сочетаниях *вѣрши склада-ти*, *выдаю грошъ* выступает не именительный (стр. 186), а винительный падеж. Написание *е* вместо *я* в словах *памень*, *поесь*, *светый* В. В. Аниченко в одном месте рассматривает как косвенное отражение *яканья* (стр. 22), но в другом месте он склонен видеть в нем передачу живого произношения, свойственного некоторым южнобелорусским говорам (стр. 124—125).

Есть в книге также и библиографические неточности. Известный Вислицкий статут («Статут Казимира Великого») и примеры из него (стр. 49, 67 и др.) автор датирует 1347 годом. В действительности же к этому году относится лишь появление в Вислице латинского текста этого кодекса, а перевод его на белорусский язык был осуществлен около 1423—1438 гг., но сохранился он только в копии конца XV—начала XVI в. Книга «Собрание припадков краткое и духовным особам потребное», изданная в Супрасле в 1722 г., не является перепечаткой «Дидаскалии» С. Коссова 1653 г., как утверждает автор в списке на стр. 146. Рукописный сборник № 107 хранится в библиотеке Академии наук Литовской ССР, а не в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (Москва), как об этом сообщается на стр. 209 и 288.

Указанные и другие недостатки и неточности в целом не снижают общей положительной оценки книги В. В. Ани-

ченко. Автор проделал большую работу по изучению забытых и малоизвестных памятников, систематизировал и дал научную интерпретацию нового фактического материала. Его исследование проливает свет на многие стороны белорусско-украинских языковых отношений.

Свою книгу В. В. Аниченко завершает напоминанием, что для полного и всестороннего освещения проблемы взаимоотношений белорусского и украинского языков в древний период необходимо еще тщательное изучение исторической диалектологии, подготовка словарей старо-белорусского и староукраинского языков. Это даст возможность выявить общие и специфические закономерности литературно-письменного развития в Белоруссии и на Украине. Книга В. В. Аниченко является первой удачной попыткой решения указанной проблемы на свежем фактическом материале.

А. И. Журавский

М. СТЕВАНОВИЋ. Савремени српскохрватски језик, II. Синтакса. Београд, «Научна књига», 1969, 902 стр.

М. СТЕВАНОВИЧ. Современный сербохорватский язык, II. Синтаксис

В основу книги акад. М. Стевановича положен курс лекций, читанный им на протяжении ряда лет студентам Белградского университета. Однако по замыслу автора она должна быть не только учебником для студентов, но и пособием для широкого круга читателей, не занимающихся лингвистикой специально, но проявляющих интерес к родному языку. Это обстоятельство обязывало автора излагать материал и на высоком теоретическом уровне, не избегая серьезных и трудных научных проблем, и достаточно просто, доступно. С этой задачей он, по нашему мнению, справился успешно.

Рецензируемая книга является второй частью учебного пособия того же автора «Савремени српскохрватски језик», изданного в Белграде в 1964 г. (см. нашу рецензию на первую часть в журнале «Советское славяноведение», 1965, № 6, стр. 72—73).

В небольшом вступлении «О предмете синтаксиса и синтаксических единицах» (стр. 1—4) М. Стеванович кратко излагает свое понимание синтаксиса. Предметом синтаксиса, по его мнению, являются предложения. Другие языковые единицы исследуются в составе предложения, через предложения, так как все, что есть в языке, выступает в предложениях, или в функции их частей, их элементов, или

как нечто, употребляющееся в их роли (стр. 1). «Синтаксис, если говорить кратко, это наука о предложениях, о их частях и связях, в которых они выступают, о их взаимоотношениях, а также о различных формах слов, в которых они, выполняя определенные функции, употребляются в предложении» (стр. 2). Предложение, по М. Стевановичу, — «минимальная полная речевая единица..., словами высказанное суждение (мысль, воля или чувство), возникшее как результат связи двух понятий и оформленное особой интонацией. Это, таким образом, смысловое и интонационное единство, в котором одним понятием что-либо переписывается другому» (стр. 4). Эта концепция находит свое отражение и в структуре всей книги.

Изложение синтаксиса М. Стеванович начинает с главы «Предложения по содержанию» (стр. 5—19), где дает описание типов предложений с точки зрения их коммуникативного назначения. В этой главе характеризуются повествовательные («обавештајне»), вопросительные («упитне») и восклицательные («ускличне») предложения. Предложения, выражающие побуждение, судя по примерам, рассматриваются среди повествовательных и вопросительных. Автор специально оговарива-

ет, что он не видит оснований отделять отрицательные предложения от повествовательных и вопросительных, так как они все равно остаются либо повествовательными, либо вопросительными. Справедливость этого положения не устраняет, однако, того факта, что отрицательные предложения все же противостоят всем остальным предложениям как утвердительным (так же, как, например, восклицательные — эмоционально «нейтральным»), имеют свои семантические, структурные и коммуникативные особенности. Во всяком случае, отсутствие в книге специального раздела об утвердительных и отрицательных предложениях (хотя отдельные интересные замечания и наблюдения на эту тему содержатся в различных главах) приводит, по нашему мнению, к тому, что особенности построения и функционирования сербохорватских отрицательных конструкций раскрыты в ней не полностью.

Последующее содержание книги четко делится на три части.

Первую из них составляет учение о простом предложении (стр. 21—145). Начав с характеристики двусоставного предложения (нераспространенного и распространенного), М. Стеванович тщательно, с привлечением богатого материала, описывает способы выражения подлежащего, сказуемого и зависимых (определятельных и дополняющих) членов предложения. Здесь впервые полно и обстоятельно не только описаны многие новые факты современной синтаксической системы сербохорватского языка, но и содержится ряд новых теоретических положений и суждений автора (например, положения о сущности аппозиции и аппозитивных отношений, о различиях между *аппозицией* и *атрибутом* и др.). В этой же части дается описание формальной типологии простых предложений. Кроме нераспространенных (*Човек ради*) и распространенных (*Славко не може донети књигу*) простых двусоставных предложений, автор выделяет предложения с невысказанными главными частями («реченице с неизреченим главним деловима»). Последние в свою очередь могут быть безличными и неполными. К безличным относятся предложения, в которых нет и не может быть выражено грамматическое подлежащее (*Грми. Ведри се. Касно је. Страх ме је било*). Неполными являются предложения, в которых не выражено грамматическое сказуемое (только сказуемое или и сказуемое и подлежащее). В зависимости от того, знаем ли мы точно, какая часть предложения не высказана и может быть мысленно восстановлена, или же невысказанные части являются неопределенными и неопределимыми, такие предложения могут быть формально неполными или абсолютно неполными. Недостающий член формально неполных предложений «подсказывается» ближай-

шим контекстом (*А чим први снег, никуда не маћи; Није одговорила ништа. Тизи јецаји*). Абсолютно неполными являются такие предложения, которые не имеют в своем составе ни сказуемого, ни подлежащего, причем контекст не дает возможности определить их и даже мысленно восстановить. Автор вслед за А. Беличем называет их высказываниями («искази»), включая сюда предложения номинативные (*Пожар. Вода*), определяющий номинатив, опирающийся на контекст (*Изненада сам пошао. Служба.*), так называемые «обращенные» предложения (*Добар дан. Лаку ноћ. На здравље!*), императивные слова-предложения (*Немој! Напоље! Ван!*) и т. д. Разрабатываемая М. Стевановичем формальная типология простых предложений, его теоретические положения, расширяющие традиционное понимание так называемых неполных предложений, несомненно являются плодотворными и повлекут за собою новые исследования, направленные, в частности, на определение степени зависимости типа предложения от контекста, на уточнение границ между формально неполными предложениями и определениями или дополняющими членами предложения, выделенными точкой в результате актуализации или интонационно-смыслового и позиционного отделения, а также между формально неполными и абсолютно неполными предложениями.

После учения о формальной типологии предложений следует традиционная в югославских грамматиках глава «Конгруенция». В ней тщательно и полно описаны всевозможные случаи выражения частей сказуемого, различающих грамматическое число, лицо или род, в зависимости от того, чем выражено подлежащее. Несомненным достоинством этой главы является и то, что в ней систематически сопоставляются нормы современного языка с языком Вука Караджича. М. Стеванович показывает, что, оставаясь в основном стабильными, эти нормы со времен Вука Караджича подверглись известным изменениям, и соответственно с этим в некоторых случаях уточняет, дополняет или отвергает отдельные правила согласования, установленные Т. Маретичем в конце прошлого века и по традиции сохраняющиеся в новейших учебниках и грамматиках сербохорватского языка.

Следующая часть книги объединена общим названием «Синтагмы» (стр. 147—745). Она открывается разделом, содержащим общие положения учения о словосочетаниях. Под словосочетаниями (автор пользуется термином синтагма) М. Стеванович понимает синтаксические единицы, образуемые зависимым словом и словом, которое оно определяет или дополняет, т. е. обозначающие одно понятие группы слов, связанных синтаксическими отношениями, а также группы

слов, не зависящих друг от друга, но выполняющих в предложении одну синтаксическую функцию (стр. 147). Соответственно различаются зависимые (определятельные и дополняющие) и независимые словосочетания, которые по составу могут быть простыми и сложными. Кратко остановившись на истории разработки теории словосочетаний и подчеркнув, что учение А. Белича, на которое он в основном опирается, совпадает в главных чертах с учением советских лингвистов (имеются в виду в первую очередь В. В. Виноградов и авторы академической «Грамматики русского языка»), М. Стеванович указывает на коренные различия между словосочетаниями и предложениями как различными синтаксическими единицами. Соединения слов, возникающие на основе предикативных отношений, являются не словосочетаниями, а предложениями. Словосочетание по сравнению с предложением — единица неразвитая, несовершенная и непригодная для коммуникации (стр. 151).

Автор не ставит целью всестороннее исследование способов образования простых, сложных и комбинированных словосочетаний, особенностей включения их в состав предложения и изменений, которые при этом происходят (или не происходят) в их структуре. В соответствии со своей концепцией предмета синтаксиса автор исследует словосочетания не самостоятельно, не изолированно, а в том виде, в каком они выступают в составе предложения. В частности, детально описываются падежные словосочетания в главе «Падежные синтагмы» (стр. 153—506). Эта глава представляет собою построенное на богатом и новом материале и на основе новейших достижений науки солидное исследование значений падежных форм существительных, устанавливаемых на основании изучения функционирования этих форм в именных и глагольных словосочетаниях в составе предложений. Здесь исследуются значения не только «настоящих» падежей (генитив, датив, аккузатив, инструментал, локатив), но и номинатива и вокатива, поскольку и эти падежи «выступают не исключительно в одиночном употреблении, но и как группы слов, синтаксически организованные в словосочетания» (стр. 157).

Вторая глава этой части «Глагольные системы» (стр. 506—745) посвящена исследованию функций и значений глагольных форм. Здесь дано описание глагольного вида, залога, времен, наклонений, причастий, дееспричастий, инфинитива. Хотя эта глава включена в часть книги, озаглавленную «Синтагмы», глагольные формы рассматриваются и исследуются в ней не в составе словосочетаний, а в составе предложения (что специально оговаривается и обосновывается автором; см. п. 149 д). Синтаксические свойства глагольных форм, правила их сочетае-

мости устанавливаются в рамках предложения и объясняются факторами «предложенческого характера».

Заключительная часть книги, озаглавленная «Сложные предложения» (стр. 747—884), посвящена исследованию сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, порядка предложений в сложных конструкциях, а также краткой характеристике вводных и вставных предложений. Сложное предложение М. Стеванович характеризует как наибольшую языковую единицу, образуемую двумя или несколькими простыми или простыми распространенными предложениями, тесно связанными между собой по смыслу или синтаксической функцией (или тем и другим одновременно) (стр. 747). В основе этой концепции лежат, таким образом, понимание сложного предложения как целостной синтаксической структуры, выступающей в качестве одной коммуникативной единицы. Среди сложносочиненных предложений в зависимости от смыслового взаимоотношения их частей различаются соединительные («составные»), противительные («супротивные») и разделительные («раставные») предложения, а также предложения заключающие («заклучные»), как разновидность соединительных, и исключающие («исклучные»), как разновидность противительных. Бессоюзные и союзные сложносочиненные предложения рассматриваются вместе. Предложения с несколькими сказуемыми при одном подлежащем считаются сложными. Автор отмечает, что имеется много общих черт между сочинением и подчинением. В частности, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения могут выражать одни и те же или очень близкие смысловые отношения (см. пп. 722, 770).

Среди сложноподчиненных предложений М. Стеванович выделяет изъяснительные («изъяснительные») и как разновидность их предложения волеизъявительные («волунтативные»), включая сюда императивные и желательные предложения, содержащие косвенную и прямую речь («посредни говор», «непосредни говор»), косвенный вопрос («зависно-ушитне речнице») и предложения цели («намерне»). Кроме этого выделяются предложения относительные («односне»), временные («временске»), местные («местне»), сравнительные и образа действия («шоредбене и начинске»), причинные («узрочне»), следствия («последичне»), условные («погодбене») и уступительные («допусне»). Сложноподчиненные предложения классифицируются в зависимости от особенностей их структуры, значения и функции подчиненных частей. При этом учитывается также общая языковая ситуация, в которой они используются и которая дает возможность определить точно характер каждого предложения, его отношения к другим предложениям и их частям (стр. 793). Поэтому в некото-

рых случаях предложения одной структуры в зависимости от того, как они поняты, могут быть отнесены к различным типам (см. п. 746).

Нужно, однако, заметить, что отнесение М. Стевановичем реальных примеров к тем или иным типам не всегда представляется бесспорным. Так, к сложноподчиненным предложениям с придаточным места отнесены и следующие: *Наши, који су знали где је затворено око 60 Срба, обиђу затвор и пуне их да не погоре. Он никада не зна где му је глава. Не зна се ни где живи ни зашто живи. Нити је на то много гледао како ће и откуда ће новаца добити. Знам ја откуд вјетар дува. Он ти одмах каже куда иде и откуда долази* (п. 787, 788). Однако в этих и некоторых других примерах придаточные не характеризуют место действия, названного в главном предложении, а раскрывают содержание глаголов речи или чувства. Они, как нам кажется, должны быть отнесены не к местным, а к одной из разновидностей изъяснительных предложений. В п. 748б в качестве изъяснительных предложений с союзом *где* при глаголах восприятия указаны кроме действительно дополнительных предложений (например: *Видим где се двојица по соби хватају. Книга каже где га куле маја*) и такие предложения, которые представляют собою группу гибридных конструкций, совмещающих атрибутивное и объектное значения, например: *О видим те ... у дузу где шећер по обали бескрајнога мора. А их двојица кад опазе за собом змаја где их тера, препадиу се. У твојој башти ја те видјех јуче где береш крупне распукле гранате. Угледат ћу другога човјека где иде мојим стопама*. Придаточное здесь относится не только к глаголу, но и к дополнению главной части (в наших примерах: *те, змаја, те, човјека*). Поэтому такие предложения можно было бы выделить в особую группу или отнести к разряду относительных, в числе которых, кстати, автор рассматривает подобные структуры (ср.: *чују све где око торина лају* и др. в п. 773 в).

Свои высказывания и теоретические положения М. Стеванович умело иллюстрирует примерами предложений из художественной и научной литературы, из периодической печати и разговорной речи. В отдельных случаях (см., например, некоторые параграфы в главе «Конгруенция» и др.), чтобы сделать примеры более соответствующими излагаемому грамматическому материалу, он прибегает к некоторым сокращениям, перефра-

зировкам, структурным и лексическим изменениям, что мы не можем признать лучшим способом иллюстрации и подтверждения теоретических положений в таком серьезном издании.

Оценивая книгу в целом, следует сказать, что она, как и первая часть ее, является существенным вкладом в науку о сербохорватском языке и в разработку синтаксической теории вообще. К ее достоинствам следует отнести то, что в ней не только подводятся итоги изучения того или иного вопроса, но и ставятся и углубляются некоторые новые проблемы сербохорватского синтаксиса. Наука располагает немногими специальными исследованиями в области синтаксиса сербохорватского языка. Почти все они учтены автором. Во всех разделах автор приводит важнейшую лингвистическую литературу; как правило, отмечает различные точки зрения и старается раскрыть причины неоднозначных решений.

Исторические судьбы развития сербохорватского литературного языка привели к тому, что в нем нашла определенное отражение поляризация важнейших культурных центров страны — Белграда и Загреба. Вызванные этим расхождения в фонетике, лексике, словообразовании и синтаксисе по-разному оценивают и интерпретируют лингвисты. М. Стеванович исходит из того, что сербохорватский язык представляет собой сложную, но единую систему. Он подчеркивает региональные различия, отразившиеся в литературном языке и, в частности, в его синтаксисе (употребление вопросительных и относительных *где, куда, камо* в п. 14, 787, некоторых предложных синтагм с предлогом *из* в п. 223, придаточных с союзом *те* и др.), отмечает с рядом случаев и различия, обусловленные формой (письменной или разговорной) языка и сферами его функционирования. Региональные различия в синтаксисе интерпретируются автором как синонимические конструкции, наличие которых отнюдь не означает, что сербохорватский литературный язык как единая система не существует.

Выход в свет новой книги акад. М. Стевановича надо приветствовать. Нет сомнения в том, что студенты, преподаватели, лингвисты, изучающие сербохорватский и другие языки, а также читатели, не занимающиеся непосредственно филологией, будут признательны автору, так как найдут в ней ответы на многие интересующие их вопросы.

П. А. Дмитриев

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «СЕРБСКОХОРВАТСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ» И. И. ТОЛСТОГО

В апреле 1970 г. вышло в свет третье, исправленное и дополненное, издание «Сербскохорватско-русского словаря» И. И. Толстого. Этот труд широко известен в нашей стране и за рубежом. Впервые он был опубликован в 1957 г. Интерес к этому словарю был столь велик, что уже через год было выпущено повторное (стереотипное) издание. Словарь получил высокую оценку советских и югославских специалистов-лексикографов.

Труд И. И. Толстого — первый большой сербскохорватско-русский словарь, изданный в Советском Союзе. Изданные ранее «Сербско-русский словарь» П. Лавровского (СПб., 1870) и «Дифференциальный сербско-русский словарь» Л. А. Мичатека (СПб., 1903), основывавшиеся на материалах «Сербско-немецко-латинского словаря» Вука Караджича, давно устарели как по составу представленной в них лексики, так и по ее семантической разработке. Во второй половине XIX в. и в XX в. лексический состав сербскохорватского языка значительно изменился, пополнился множеством новых слов. Лексикография обогатилась значительными трудами. В своей многолетней работе над словарем И. И. Толстой творчески использовал опыт югославской лексикографии и достижения словарного дела в СССР. И. И. Толстой одинаково хорошо знал оба языка — сербскохорватский и русский, умело использовал при переводе богатейшие выразительные возможности русского языка. Составленный им словарь стал необходим для всех, обращающихся к сербскохорватскому языку.

При составлении словаря ставилась задача широко и всесторонне отразить лексику литературного сербскохорватского языка XIX—XX вв. и удовлетворить потребности самого широкого круга читателей и специалистов. Поэтому в словарь наряду с современной лексикой были включены областные и устаревшие слова, в том числе и турцизмы, встречающиеся в произведениях сербских и хорватских писателей. Всего в первом издании словаря содержалось около 50 000 слов.

К словарю приложен краткий, но очень содержательный грамматический очерк, освещающий основные явления фонетики, морфологии и словообразования сербскохорватского языка.

Учитывая растущий интерес к сербскохорватскому языку и литературе югославских народов, издательство «Советская Энциклопедия» приняло решение выпустить новое издание словаря И. И. Толстого. При его подготовке составитель проделал большую работу, направленную на совершенствование словаря.

Словник третьего издания был пополнен лексемами, случайно пропущенными

в двух предыдущих изданиях (*трошити, ташна, смештај, надокнада, насмешити се* и др.), хорватской лексикой, недостаточно полно представленной в первых изданиях (*тједан, међукат, надоместити, крумпир, танур, урар* и др.), а также словами, особенно широко употребляющимися в последние десятилетия (*бригадиста, квалитетан, надовољњак, подвожњак, небодер, симултан, фротир* и др.). Были устранены отдельные неточности перевода. Например, слово *млака*, переводившееся ранее как '1) лужа; 2) болотистое место', в третьем издании дано с переводом 'топь; болотистое место'. Глагол *набрствити*, в первом издании неточно переведенный как 'распуститься (о листьях на деревьях)' в третьем издании переводится 'начать распускаться (о листьях на деревьях, кустарниках)'. При фразеологизме *навести на танак лед* вместо перевода 'подвести, обмануть' в третьем издании дан перевод 'перехитрить, обмануть, подстроить каверзу'. Внесены некоторые значения слов, отсутствовавшие в предыдущих изданиях словаря. Например, слово *бесправен* имело в первом издании только одно значение 'бесправный', в третьем издании указано также и значение 'незаконный'. Слово *брисач* переводилось как 'коврик (для вытирания ног)', в третьем издании внесено также значение 'стеклоочиститель, дворник', характерное для современного словоупотребления. Слово *навелико* ранее давалось только с переводом 'оптом', в третьем издании помимо этого значения приводится также и 'повсюду, в широких размерах; всюду'.

Была подвергнута пересмотру система стилистических помет с учетом современного состояния литературного языка, хотя эта работа и чрезвычайно осложнялась тем, что лексическая норма сербскохорватского литературного языка еще не вполне установилась. Упорядочена подача двухвидовых глаголов с дублетными суффиксами *-ир-* и *-ов-*. В третьем издании словаря устранены сербскохорватские акцентные дублеты, которые не обязательны в переводном словаре.

Орфография сербскохорватской части словаря изменена в соответствии с орфографическим кодексом, опубликованным в Югославии в 1960 г.

В третье издание словаря включен список наиболее употребительных буквенных сокращений, принятых в сербскохорватском языке.

При работе над новым изданием словаря И. И. Толстой пользовался некоторыми новыми лексикографическими трудами, опубликованными в Югославии в последние годы. К сожалению, вышедшие в свет тома толкового словаря Матицы Сербской — Матицы Хорватской не могли

быть приняты во внимание, так как к моменту их выхода редактирование третьего издания было завершено.

Сербскохорватско-русский словарь, составленный И. И. Толстым, — самый значительный труд по сербскохорватскому языку, опубликованный в Советском Союзе. И. И. Толстой не увидел третьего издания. Он умер 7 апреля 1970 г. Илья Ильич ушел из жизни в расцвете творческих сил. Он работал над новыми словарями, в частности над сербскохорватско-

русским словарем значительно большего объема. С большим увлечением он разрабатывал принципы словаря так называемых «ложных друзей переводчика» (межъязыковых омонимов), собрал и в значительной мере обработал материал для этого словаря. Можно надеяться, что словарь «ложных друзей переводчика» будет доведен до конца и опубликован учениками Ильи Ильича Толстого.

В. В. Барсукова, Г. А. Мартынова

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В КОНЦЕ 1969 — НАЧАЛЕ 1970 г.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Бабий А. Социальные корни правого и «левого» оппортунизма. (В частности, критикуются концепции «рыночного социализма»). «Коммунист Молдавии», 1970, № 2.

Бакарич В. Речь на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. (Москва, 22 апреля 1970 г.) «Правда», 1970, 23 апреля.

Бокон Г. Нержавеющее оружие. (О принципе пролетарского интернационализма в болгарской печати.) «Журналист», 1970, № 4.

Брежнев Л. И. Речь на торжественном митинге по случаю подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР. (Прага, 6 мая 1970 г.) «Правда», 1970, 7 мая.

Броз Тито И. Ленин — мыслитель и стратег социалистической революции. «Правда», 1970, 18 апреля.

Бульба Т., Быков А. Консолидация стран социализма. Полит. самообразование. 1970, № 3.

Вуйцик Т. Трудящі ПНР до юбилею вождя. Укр. іст. журн., 1970, № 4.

Гомулка В. Речь на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. (Москва, 21 апреля 1970 г.) «Правда», 1970, 22 апреля.

Гусак Г. Речь на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. (Москва, 21 апреля 1970 г.) «Правда», 1970, 22 апреля.

Гусак Г. Речь на торжественном митинге по случаю подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной

помощи между СССР и ЧССР. (Прага, 6 мая 1970 г.) «Правда», 1970, 7 мая.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой. (Подписан в Праге 7 мая 1970 г.) «Правда», 1970, 7 мая.

Еремич Ю. Социалистическая демократия и «демократический социализм». (Критика ревизионистских теорий Р. Супека, Г. Петровича, П. Враницкого, С. Стоянновича). «Слово лектора», 1970, № 3.

Живков Т. Речь на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. (Москва, 21 апреля 1970 г.) «Правда», 1970, 22 апреля.

Косыгин А. Н. Выступление на торжественном митинге по случаю подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР. (Прага, 6 мая 1970 г.) «Правда», 1970, 7 мая.

Кручек В. Решающее звено строительства социализма. (К 25-летию подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между ПНР и СССР.) «Правда», 1970, 20 апреля.

Ленинизм — идейное оружие трудящихся (Международная теоретическая конференция в Москве 19—23 янв. 1970 г.) Вестн. АН СССР, 1970, № 3.

Мировая социалистическая система — решающая сила в антиимпериалистической борьбе. «Коммунист Узбекистана», 1970, № 3.

Мойковский С. Идеи братского сотрудничества. (Об экономическом и политическом сотрудничестве социалистических стран.) «Агитатор», 1970, № 5.

Размеров В. Верность пролетарскому интернационализму — коренное условие успехов всех революционных сил. Междунар. жизнь, 1970, № 3.

Ржевский Ю. Европейская безопасность и неизбежность границ. (К про-

блеме границы по Одеру—Нейсе.) *Международная жизнь*, 1970, № 4.

С в о б о д а Л. Выступление на торжественном митинге по случаю подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и ЧССР. (Прага, 6 мая 1970 г.) *«Правда»*, 1970, 7 мая.

Советско-чехословацкие переговоры. *«Правда»*, 1970, 6, 7 мая.

Соколов А. И. Мировая социалистическая система — воплощение идей социализма. (Международная конференция в Москве 27—30 янв. 1970 г.) *Вестн. АН СССР*, 1970, № 3.

С о х а н ь П. С. Ленінізм і деякі питання інтернаціоналізму. *Укр. іст. журн.*, 1970, № 3.

Шатров В., Юрьев Н. Ключевой вопрос современности. (В связи с предложением социалистических стран о проведении общеевропейского совещания по вопросам безопасности.) *Международная жизнь*, 1970, № 3.

2. Экономика, экономическое сотрудничество.

Александровский В. Мировое социалистическое хозяйство. «Вопросы и ответы». 1970, № 2.

Валентинович Л., Моторин М. СЭВ: решение проблемы сырья и топлива. *«Новое время»*. 1970, № 7.

Внешняя торговля стран — членов СЭВ в 1968 г. (Краткий обзор.) *Бюл. эконом. информ. СЭВ*, 1969, № 6.

Вовчук В. ПНР: Центр подготовки кадров. (О деятельности Центра повышения квалификации руководящих кадров.) *Эконом. газ.*, 1970, № 7.

Войтоловский Г. К. Развитие международного сотрудничества в морском рыболовстве. (В связи с Соглашением между правительствами СССР, НРБ, ГДР и СРР о сотрудничестве в области морского рыболовства.) *Рыб. хоз-во*, 1970, № 1.

Ветчинов І. А. До питання про місце ринкових відносин у системі соціалістичного відтворення. *Питання політ. економії*. 1969, вип. 60.

Гвишиани Д. Научно-техническое сотрудничество СССР с зарубежными странами (в частности, с социалистическими странами). *Международная жизнь*, 1970, № 2.

Гвишиани Д. М. О международном научно-техническом сотрудничестве (в частности, социалистических стран). *«Новое время»*, 1970, № 3.

Георгиев О. Автоматизация банковских операций (в Болгарском народном банке). *Эконом. газ.*, 1970, № 4.

Голубков В. В. Новое в транспортном обслуживании народного хозяйства НРБ. *Ж.-д. транспорт*, 1970, № 1.

Городинская И. С. Новое в оплате труда работников промышленности Народной Республики Болгарии. *«Труд и заработная плата»*, 1969, № 3.

Дамьянов К. Развитие сельского хозяйства Болгарии. *Экономика сел. хоз-ва*, 1969, № 12.

Даскалов П. Пути развития консервной промышленности в Болгарии. *Сов. торговля*, 1970, № 1.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи. (Июль—декабрь 1969 г.) *Бюл. эконом. информ. СЭВ*, 1969, № 6.

Добрев Г. Ревизионный контроль и экономика (в ТКЗХ Болгарии). «Учет и финансы в колхозах и совхозах», 1970, № 1.

Донков В. Развитие легкой промышленности в Народной Республике Болгарии за годы народной власти. *Текстиль пром-сть*, 1969, № 12.

Дылбоков С. По пути совершенствования экономики. Из опыта наших друзей (болгар.). *«Правда»*, 1970, 12 февраля.

Еремин А. О соединении факторов производства при социализме. *«Вопр. эконом.»*, 1970, № 1.

Забелин В. Договоры морской перевозки СЭВ. *Внеш. торговля*, 1970, № 3.

Иванов В. «Интерметалл». (Об организации по сотрудничеству в черной металлургии между странами СЭВ.) *Внеш. торговля*, 1970, № 2.

Кайе Б. Проблемы и перспективы экономики Чехословакии. *«Новое время»*, 1970, № 6.

Каплин С. Современное состояние сельского хозяйства ПНР и его задачи. *Обзор. Новости с.-х. науки и практики*, 1970, № 1.

Коммюнике о сорок пятом заседании Исполнительного комитета Совета Экономической Взаимопомощи. (Москва, 24—27 февраля 1970 г.) *«Правда»*, 1970, 1 марта.

Королев В. В. О соотношении социалистической собственности на средства производства и планомерности хозяйства. *Учен. зап. Яросл. гос. пед. ин-та*, 1969, вып. 63.

Кочетков А. И. К вопросу о двух мировых рынках (социалистическом и капиталистическом). *Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та*, 1969, № 310.

Кунцевич В. М. Сучасний стан теорії автоматичного керування. IV конгрес Міжнар. федерац. автоматич. керування в Варшаві (16—21 июня 1969 г.) *Вісн. АН УРСР*, 1970, № 1.

Лайтер М. Вопросы повышения эффективности капитальных вложений в странах — членах СЭВ. *«Вопр. эконом.»*, 1970, № 1.

Малютина Н. Н. Премирование рабочих за качество продукции в зарубежных европейских социалистических странах. *Труд и заработная плата*, 1969, № 3.

Мишуров И. И. Взаимодействие объективных и субъективных факторов

в экономических процессах социалистического общества. Учен. зап. Ярослав. гос. пед. ин-та, 1969, вып. 63.

Н и ж н я я С. Вопросы электрификации промышленности европейских социалистических стран — членов СЭВ. Научн. докл. выпш. школы. Эконом. науки, 1970, № 2.

П е к ш е в В. В. И. Ленин о внешней торговле социалистического государства. Внеш. торговля, 1970, № 2.

Перспективы обеспечения стран — членов СЭВ фосфорными и калийными удобрениями за период 1971—1980 гг. Бюл. экон. информ. СЭВ, 1960, № 6.

Планы развития народного хозяйства братских социалистических стран на 1970 г. Эконом. газ., 1970, № 4.

Польское подъемно-транспортное оборудование. (Обзор внешнеторговых проспектов.) «Торговля за рубежом», 1970, № 1.

П о п о в И. Наука и техника НРБ. (Доклад на научно-техническом симпозиуме в Москве 29 сентября — 17 октября 1969 г.) «НТО СССР», 1969, № 12.

П у з а н о в В. Ассортимент — форма — качество. (О болгарской юбилейной выставке на ВДНХ, сентябрь-октябрь 1969 г.) Техн. эстетика, 1970, № 2.

П ' я с н и й Я. Зміни в рівні і структурі споживання на селі в Народній Польщі (1953—1966 рр.). Питання політ. економії, 1969, вип. 61.

Р у д а к о в Е. Совершенствование оплаты труда в кооперативах европейских стран — членов СЭВ. Вопр. эконом., 1970, № 1.

Р ы б а к о в Н. «Капитал» К. Маркса и вопросы методологии политической экономики социализма. Труды ГВШ (Горьк. выпш. парт. школа), 1968, вып. 3.

С а л ь в а З. Изменения в трудовом законодательстве Польши. (1968—1969 гг.) Сов. гос-во и право, 1970, № 1.

С е р г е е в В. Социалистическая интеграция и показатели разделения труда. Внеш. торговля, 1970, № 3.

С о к о л о в И. Новые явления в мировой экономике и революционный процесс. (Об укреплении позиций социализма в мировой экономике). «Коммунист», 1970, № 3.

С о р о к и н Г. Международное разделение труда — важный фактор экономического роста. Вопр. эконом., 1970, № 2.

СЭВ: сотрудничество углубляется. (О заседании Исполкома СЭВ в Москве 11—16 декабря 1969 г.) «Новое время», 1969, № 52.

Х а к и м о в В. СССР — ЧССР: сотрудничество металлургов. Эконом. газ., 1970, № 3.

Ч а р н о ц к и й Я. Основные проблемы и актуальные задачи технической эстетики (из опыта ПНР). Техн. эстетика, 1970, № 2.

Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. (Обзор за 1962—1969 гг.) Бюл. экон. информ. СЭВ, 1969, № 6.

Я л о в Г. З. Успехи машиностроения Польской Народной Республики. «Машиностроитель», 1970, № 1.

Я н е в С. Осуществление ленинских идей о кооперации в Болгарии. Сов. потреб. кооперация, 1970, № 3.

Я р о л е в и ч П. Широкие перспективы. (Интервью об экономическом сотрудничестве стран — членов СЭВ.) Эконом. газ., 1970, № 2.

3. Партийная жизнь

Во имя дальнейшего развития социалистической Чехословакии. Письмо ЦК КПЧ всем коммунистам. «Правда», 1970, 5 февраля.

Г р о м у ш к и н Е. Болгарская коммунистическая партия (БКП). (Справка). «Агитатор», 1970, № 1.

Г у д а В. По пути консолидации экономики. (Изложение доклада на Пленуме ЦК КПЧ 28—30 января 1970 г.) «Правда», 1970, 30 января.

Г у с а к Г. Доклад на пленуме ЦК КПЧ (28—30 января 1970 г.). «Правда», 1970, 31 января.

Г у с а к Г. Ленинское учение о партии и чехословацкая действительность. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1970, № 1; Парт. жизнь., 1970, № 2.

Д и м о в Д. В. Коммунистическая партия и общественные организации в социалистическом обществе. (На материалах Народной Республики Болгарии.) Проблемы научн. коммунизма, 1969, вып. 3.

Л е б е д е в М. П. Партия в политической системе социализма. Сов. гос-во и право, 1970, № 2.

Л е н а р т Й. Пленум ЦК Компартии Словакии. Выступление Й. Ленарта. «Правда», 1970, 8 февраля.

Л о щ а к о в А. И., П о п о в Ю. Н. Братские партии социалистических стран к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. «Вопросы истории КПСС», 1970, № 3.

Пленум ЦК КПЧ. (28—30 января 1970 г.) «Правда», 1970, 29, 30, 31 января, 1 февраля.

Пленум ЦК Компартии Словакии. (Братислава, 5 февраля 1970 г.) «Правда», 1970, 6, 8 февраля.

Пленум ЦК БКП (по вопросам развития сельского хозяйства, 27—28 апреля 1970 г.) «Правда», 1970, 1 мая.

Путь к укреплению экономики. Резолюция Пленума ЦК КПЧ (28—30 января 1970 г.) «Правда», 1970, 1 февраля.

Ш т р о у г а л Л. Коммунистическая партия — гарант социализма. Интервью Л. Штроугала. «Правда», 1970, 10 февраля.

4. Государственное строительство и право

Г е с т е р н Е. Варшава, улица Вейска ... Заметки парламентарского обозревателя. (О работе Сейма ПНР). «Советы депутатов трудящихся», 1970, № 2.

Радева М. Из опыта исследования общественной активности населения в Болгарии. Научн. докл. высш. школы. Филос. науки, 1970, № 1.

Свитала К. Польские чекисты на страже. (Статья министра внутренних дел ПНР.) «Пограничник», 1970, № 1.

Спасов Б. Зміни структури і функцій державних органів Народної Республіки Болгарії. Рад. право, 1969, № 12.

Турецкий М. Б. Закон о прокуратуре Польской Народной Республики 1967 г. Вестн. Моск. ун-та. Право, 1970, № 1.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

I. История

Андронов И. В памяти народа. (О памятных местах, связанных с пребыванием В. И. Ленина в Польше.) «Новое время», 1970, № 5.

Бегунов Ю. К. К изучению истории текста «Беседы на новоявившуюся ересь Богомилу» болгарского писателя Х в. Козмы Пресвитера. «Византийский временник», 1969, т. 30.

В. Д. Обговорення «Очерков истории словацкой литературы XIX—XX вв.». Рад. літературознавство, 1969, № 10.

В. З. Радянсько-болгарський симпозіум у Софії (посвящений 25-літтю соціалістическої революції в Болгарії і 100-літтю основи Болгарської академії наук). (Софія, 1969), Рад. літературознавство, 1969, № 10.

Вилибахов В. Б. По поводу некоторых замечаний П. Н. Третьякова. Сов. археология, 1970, № 1.

Докторович А. С. Здійснення ленінських принципів пролетарського інтернаціоналізму в діяльності міжнародної організації допомоги борцям революції. Вісн. Львівського політехн. ін-ту, 1969, № 40.

Займов Й. Битольская надпись болгарского самодержца Ивана Владислава 1015—1016 гг. Вопр. языковедения, 1969, № 6.

Злупко С. М. «Капитал» К. Маркса и прогрессивна економічна думка в Галичині. Питання політ. економії, 1969, вип. 48.

Зодорецький В. М. Ленінський принцип поєднання інтернаціональних і національних інтересів в діяльності КПЗУ (1920—1926 рр.). Вісн. Львівського політехн. ін-ту, 1969, № 40.

Ісаєвич Я. Д. Юрій Котермак з Дрогобича і його книга. Бібліотекознавство та бібліогр., 1969, № 7.

Кирілюк Є. Міжнародний симпозіум, присвячений 1100-й річниці смерті Костянтина-Кирила Філософа. (Софія, 21—23 мая 1969 г.) Рад. літературознавство, 1969, № 12.

Коваленко А. П. До питання про встановлення Радянської влади у виз-

воленних Червоною Армією повітах Східної Галичини у 1920 році. Вісн. Львівського політехн. ін-ту, 1969, № 40.

Кондратов Н. А. Документы из истории русского славяноведения. Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1969, т. 257. Рус. яз., вып. 16.

Королюк В. Д. Основні етапі розвитку ранньфеодальної державності у східних і західних слов'ян. Укр. іст. журн. 1969, № 12.

Кутшеба-Пойнорова А. Польская этнография в системе мировой науки. Предмет и методы исследований. Сов. этнография, 1969, № 6.

Лаппо Д. Д. К вопросу о пребывании Красной Армии в Польше. (1920 г.) Труды Воронежского гос. ун-та, 1969, т. 85.

Ледньов М. І. Болгарська компартія про характер революції 1944 г. Вісн. Харк. політехн. ін-ту, 1969, № 39.

Лоцманов М. І. Ленинский Декрет о мире и Болгария. «Вопросы истории КПСС», 1970, № 1.

Машотас В. В. Грабжницька економічна політика гітлерівських окупантів у Галичині в 1941—1944 рр. Укр. іст. журн., 1970, № 1.

Наливайко Д. С. Західноєвропейські історико-літературні джерела про визвольну війну українського народу 1648—1654 рр. Укр. іст. журн., 1969, № 12.

Прасолов Н. Д. Вопросы первобытной археологии на Международном рабочем совещании по теме «Лесс — перигляциал — палеолит Средней Европы». (Совещание проходило в ГДР, Чехословакия и Венгрии с 5 по 18 июня 1968 г.) Сов. археология, 1970, № 1.

Сергієнко Г. Я. Діяльність «Союзу польского народу» на Україні (1835—1839 гг.). Укр. іст. журн., 1969, № 12.

Собчак Я. Два года на польской земле. (О связях В. И. Ленина с польскими революционерами во время пребывания в Польше.) «Проблемы мира и социализма», Прага, 1969, № 12.

Шнитман А. М. Издание и распространение трудов В. И. Ленина в Болгарии в годы фашизма (1923—1944 г.). Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та, 1969, т. 426.

Шнитман А. М. Отклики болгарской прогрессивной печати на смерть В. И. Ленина. Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та, 1969, т. 426.

Шусторович Э. М. Древнеславянский перевод хроники Иоанна Малалы. (История изучения). «Византийский временник». 1969, т. 30.

2. Культура и наука

Бабович М. «Нашествие» Л. Леонова на сцене Театра народного освобождения. Рус. лит-ра, Л., 1969, № 4.

Бахмат К. Зв'язки двох мистецтв. (Пьесы болгарских драматургов на Украи-

не и украинская драматургия в Болгарии с начала XX в.) «Мистецтво», 1969, № 6.

Березницкий Я. Три старые пьесы в Кракове. (О спектаклях «Фантазии» Ю. Словацкого, «Цимбелин» Шекспира и «Мизантроп» Мольера в Краковском Старом Театре). «Театр», 1970, № 1.

Большак В. Новый Сад — Дюрдьов. (О культурной жизни русинов в Югославии). «Всесвіт», 1969, № 8.

Виц И. Традиция и поиск. (О творчестве польских художников-иллюстраторов детских книг.) Иностран. лит-ра, 1970, № 1.

Гавин М. С. Образ Нила в польской сценической трактовке. Вопросы рус. лит-ры, Львов, 1969, № 2.

Горецкий А. В. Епічна тенденція в словенській соціалній прозі. (Роман Прежихова Воранца «Добердоб»). Рад. літературознавство, 1969, № 10.

Гришина Е. Поэт Ежи Погодский. (К гастролям в Москве.) «Театр», 1970, № 1.

Дерфл А. Назначение публичной специальной библиотеки в информационной системе (ЧССР). Информация о библиотечном деле и библиографии за рубежом, 1969, вып. 4.

Доброскок І. Г. Обгрунтування і розвиток лєнінської ідеї при загальній відображенні в працях Тодора Павлова. Філософ. проблем сучасного природознавства, 1969, вип. 16—17.

Дылевский Н. Два книжных юбилея. (О рукописном украинском Евангелии 1568 г. и списке 1666 г. «Грамматика Славянская» М. Смотрицкого, хранящихся в Болгарии.) Вопросы лит-ры, 1970, № 1.

Едрева П. Издание и распространение произведений В. И. Ленина в Болгарии (1944—1968 гг.). Библиогр. обзор. Информация о библиотечном деле и библиографии за рубежом, 1969, вып. 4.

Захаржевська В. Болгарский Прометей (Н. Вапцаров). «Всесвіт», 1969, № 12.

Коновалов Г. Довголіття драматургії. (О пьесах А. Корнейчука в чехословацких театрах.) «Всесвіт», 1970, № 1.

Крыстов В., Милев Я. Наши международные конкурсы. (О международных конкурсах молодых оперных певцов и артистов балета в Болгарии.) Сов. музыка, 1970, № 2.

Любченко В. Г. З історії культурного співробітництва України і Чехословаччини (1956—1969 рр.). Укр. іст. журн., 1969, № 12.

Мешкова Е. Л. К. Гавличек-Боровский и русская прогрессивная литература. Вопросы рус. лит-ры, 1969, № 2.

Музиченко С. Барви словацької землі. (О выставке народного искусства Словакии, проходившей в октябре 1969 г. в Киеве). Нар. творчість та етнографія, 1970, № 1.

Нагорная Н. М., Киселева Л. А. Всесоюзный форум славистов. (Киев, 31 октября — 3 ноября 1968 г.) Вопросы рус. лит-ры, 1969, № 2.

Олексюк О. Г. Традиції І. Франка у творчості західноукраїнських пролетарських письменників. (На прикладі творчеств С. Тудора, В. Бобинського и др.) Укр. літературознавство, 1969, вип. 7.

Орлов Д. О том, что нам дорого. Заметки о новых болгарских фильмах. «Искусство кино», 1970, № 1.

Островський Г. С. З історії творчих зв'язків образотворчого мистецтва Угорщини і Закарпаття (XVIII—XX вв.). Укр. мистецтвознавство, 1969, вип. 3.

Охріменко О. Г. До питання зв'язків І. Франка з болгарською поезією. Укр. літературознавство, 1969, вип. 7.

Пархомовская С. Писатели Словакии. (О встрече с писателями в редакции журнала.) Иностран. лит-ра, 1970, № 2.

План сотрудничества подписан (между союзами обществ дружбы ЧССР и СССР). «Правда», 1970, 17 января.

Полек В. Т. Котляревский у світопольської критики XIX — початку XX ст. Рад. літературознавство, 1969, № 10.

Польша. (Навстречу юбилею.) (Об издании трудов В. И. Ленина в издательстве «Косенка и ведза»). «Проблемы мира и социализма». Прага, 1970, № 2.

Помыкало В. Религия, дети, школа в Народной Польше. «Наука и религия», 1970, № 2.

Рутгайзер В. Новое в высшей школе социалистических стран. «Новое время», 1970, № 5.

Сеть массовых библиотек в Словении. Информация о библиотечном деле и библиографии за рубежом, 1969, вып. 4.

Судариков Л. Г. Применение вычислительной техники для планирования здравоохранения и управления им. (По материалам II Международ. симпозиума стран социалистического содружества. Берлин, 7—9 мая 1969 г.) Сов. здравоохранение, 1970, № 1.

Твардовський В. В. До питання «Іван Франко про міжслов'янські літературні та культурні зв'язки „Руської трійці“». Укр. літературознавство, 1969, вип. 7.

Трегубова Т. А. Нове про архітектуру середньовічного житла на площі ринок у Львові. Укр. мистецтвознавство, 1969, вип. 3.

У нас в гостях друзья из Чехословакии. (Беседа в редакции журнала с членами делегации Союза чехословацко-советской дружбы 17 декабря 1969 г.) «Новое время», 1969, № 52.

Федорук О. К. До українсько-польських мистецьких зв'язків. (Твор-

чѣсть Володимира Лося). Укр. мистецтвознавство, 1969, вип. 9.

Шидляк Я. В духе интернационализма и социалистического патриотизма. (К вопросу коммунистического воспитания в Польше). Парт. жизнь, 1970, № 4.

3. Языкознание.

Аскоченская В. Ф. Выражение возможности в конструкциях с зависимым инфинитивом в польском языке. Труды Воронежского гос. ун-та, 1969, т. 83. Материалы по русско-славянскому языкознанию.

Венедиктов Г. К. О нормализации устной речи на начальном этапе формирования современного болгарского литературного языка. Вопр. языкознания, 1969, № 6.

Габинский М. А. К новой этимологии балканской утраты инфинитива. (Критические соображения). Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1970, № 343. Серия филол. наук., вып. 73.

Гутшмидт К. О роли церковнославянского языка в формировании современных болгарского и сербского литературных языков. Вопр. языкознания, 1969, № 6.

Демина Е. И. «Начало» современного болгарского литературного языка в свете общей периодизации истории литературного языка в Болгарии. Вопр. языкознания, 1969, № 6.

Дыбо В. А. Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения. Вопр. языкознания, 1969, № 6.

Жихарева Н. Д., Фролова И. А. Использование алгоритмов при изучении старославянского языка. Труды Воронежского гос. ун-та, 1969, т. 83. Материалы по рус.-слав. языкознанию, № 4.

Иванова Т. А. О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите. Вопр. языкознания, 1969, № 6.

Колевский В. О становлении социалистического реализма в болгарской поэзии. Научн. докл. высш. школы. Филол. науки, 1970, № 2.

Кондрашов Н. А. Некоторые проблемы формирования словацкого литературного языка. Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1969, т. 257. Рус. яз., вып. 16.

Копорская Е. С. Из истории взаимоотношений книжно-славянской и русской лексики в русском литературном языке (конец XVIII—нач. XIX в.). Учен. зап. Калининск. гос. пед. ин-та, 1969, т. 14—35.

Логачев К. И. Некоторые вопросы албано-греческого языкового параллелизма и общепалканистические проблемы. Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1970, № 343. Серия филол. наук, вып. 73.

Нерознак В. П. Палеобалканские элементы в словаре Гесихия. Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1970, № 343. Серия филол. наук, вып. 73.

Нерознак В. П. Фракийские реликты в балканских языках. Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1970, № 343. Серия филол. наук, вып. 73.

Неруш Г. И. Відображення термінологічної лексики в новому тлумачному словнику чеської мови. «Лексиколгія та лексикографія», 1969, № 3.

Пилинський М. М. Культура мови у Народній Польщі. «Мовознавство», 1970, № 2.

Рупосова Л. П. Русизмы в истории словацкого литературного языка. Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1969, т. 257. Рус. яз., вып. 16.

Семчинський С. В. Феонетичні особливості «Дакийського словника». І. М. Вагилевича. Вісн. Київського ун-ту, 1970, № 12.

Смирнов Л. Н. О роли Антона Бернолака (1762—1813), словацкого просветителя в истории словацкого литературного языка. Вопр. языкознания, 1969, № 6.

Цвях В. Д. Способи тлумачення зменшених іменників у словниках тлумачного типу (на матеріалі словників української, російської, польської та чеської мов). «Лексикологія та лексикографія», 1969, № 3.

Цейтлин Р. М. О лексических особенностях языка старославянских памятников. Вопр. языкознания, 1969, № 6.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1969, № 5

Ж. Натан. Международное совещание коммунистических и рабочих партий в Москве и болгарская историческая наука; Е. Стателова. Болгаро-сербские отношения в период 1909—1911 гг.; Б. Джорджевич. Участие болгар в защите Советской власти в Венгрии в 1919 г.; К. Палешутский. Македонская эмиграция в Болгарии во

время Парижской конференции 1919 г.; П. Тивчев. Бунт Фомы Славянина и вмешательство болгарского хана Омуртага.

№ 6

Г. Глинчев. К вопросу о вкладе Болгарии в освобождение Югославии от немецко-фашистского ига; Г. Наумов. Политическая борьба в Демократическом договоре в период правления Андрея Лянчева.

«Литературна мисъл», 1969, № 5

Т. Живков. Четверть века по пути социализма; И. Дуйчев. О некоторых проблемах древнеболгарской и древнеславянской литературы; Д. Петканова-Тотева. О некоторых взглядах на древнеболгарскую литературу; М. Наг. Блок, Маяковский, Милев; В. Николова. «Иконы спят» Гео Милева; Н. Давидов. Сатира — поэзия басни; Т. Стойчев. Художественное познание и эмоциональное отражение; Н. Дончев. Сент-Бев в истории французской литературной критики.

№ 6

Ц. Младенов. О некоторых основных понятиях и о методе сравнительного славянского литературоведения; П. Русев. Рыльская повесть Владислава Грамматика; Х. Йорданов. Самопожертвование — проявление высшего гуманизма; А. Илчев. Интуиция и литературное творчество; Н. Антонов. Прекрасное — попытка его анализа в свете науки о творческом процессе; Б. С. Ангелов. Об авторстве «Болгарской хроники» начала XV века; Н. Шипковенский. Медицина и врач в объективе писателей.

«Език и литература», 1969, № 6

С. Каракостов. Подъем болгарской комедии в 50-е годы; Е. Шпилева Я. Личность поэта и общественная психология; Е. М. Верещагин. Этнолингвистика и установление корреляции между типами билингвизма и культурой; С. Обрешкова. Подчиненные определительные предложения, состоящие из двух или более простых предложений; Б. Ангелов. Неизвестный список «Похвального слова о патриархе Евфимии» Григория Цамблака.

«Български език», 1969, № 6

Наука о родном языке в Болгарском книжном обществе и в Болгарской академии наук (1869—1969); И. Леков. Праславянские, послепраславянские и балканские черты в синтаксисе современного болгарского литературного языка; Д. Тилков. Сонорные согласные в литературном болгарском языке; К. Станчев. Ритмическая структура в гимнах Климента Охридского; М. Коспартова. Особенности детской речи; Е. Михайлова. Возрожденческие мечты о Болгарской академии; Р. Русинев. История слова *читалище*; А. Ничев. О болгарских собственных именах на -ий < греч. -ιος, лат. -ius; М. Сл. Младенов. Об одном случае особого диалектного глагольного словообразования; К. Димчев. Тексты из с. Валя Драгулуй (Румыния).

«Studia Slavica», t. XV, fasc. 1—2, 1969

Л. Киш. Новая славянская гидронимика; А. Адамик. Синтаксическое освоение заимствованных слов в русском языке; Л. Даже. Материалы к исторической диалектологии закарпатских говоров; Ф. Грегор. Словацкие элементы в Бистрицком глоссарии? Г. Пойкерт. Параллелизм образов в русской народной лирике; И. Фрид. Отражение южнославянской народной поэзии в литературе эпохи венгерского Просвещения; М. Тетени. «Дело Артамоновых» М. Горького и «Господа Головлевы» М. Щедрина (К вопросу о щедринских традициях в творчестве Горького); Л. И. Ройзензон. Заметки о германо-славянской интерференции в области глагола; А. И. Моисеев. Слово и его «соседи» (К проблеме лексической сочетаемости); А. Дубинский. О славянском влиянии на караимский язык; Н. Секей. Забытая статья А. Белого.

«Zeitschrift für Slawistik», 1969, № 4

Д. Петканова. Значение Кирилла и Мефодия для возникновения и развития болгарской литературы; Б. Велчев а. Об одной особенности глаголицы; Ю. К. Бегунов. В поисках древнерусских рукописей у старообрядцев эстонского Причудья, И. Равальд. Понятие «одушевленности» и образование аккузатива в естественнонаучных терминах; Г. Шлимперт, Т. Витковский. Данные ономастики о проблеме Ретры; К. Мюллер. Немецкие названия славянского происхождения рыжика; Ф. Хинце. Словенские реликтовые слова, относящиеся к зимнему рыболовному промыслу, в нижнегерманском; К. Рунге. Замечания к вопросу о реализме Н. П. Огарева в репационные годы перехода на позиции революционной демократии; Й. Дитце. Август Шлейхер и ранняя балтистика; Л. Цейл. Значение чешского иозефиниста Франтишека Яна Томсы (1751—1814) для развития родного языка.

№ 5

Е. Май. Совещание Комиссии по изучению грамматического строя славянских языков; М. Грель. К структуре типов предложения; Т. П. Ломтев. Критерии выделения типов предложений в славянских языках; Р. Ружичка. Замечания к понятию «тип предложения»; Н. Ю. Шведова. Некоторые вопросы синтаксиса простого предложения в его отношении к синтаксису слова и словоформы; Я. Качала. Вторичный предикат и его место в структуре славянского предложения; А. Е. Михневич. К характеристике номинативных предло-

жений; О. Лешка, П. Новак. Формальная структура и функция как системообразующие факторы; М. Ивич. К введению символов порождающей грамматики в описание синтаксических структур славянских языков; К. Свобода. К вопросу о трансформационном методе в синтаксическом исследовании; Р. Ружичка. О согласовании в русском языке.

«Kwartalnik Historyczny», 1970, № 1

К. Бучек. Из исследований по организации городов в раннефеодальной Польше. Территориальная проблема каштелянских городов; В. Чаплиньский. О проблематике польского сейма в первой половине XVII века; А. Грицкевич. Милиция магнатских городов в Белоруссии и Литве в XVI—XVIII вв.; З. Либишовская. Эдмунд Бурке и Польша.

«Przegląd Historyczny», 1969, № 3

З. Ландау, Е. Томашевский. Коммерческий банк в Варшаве в годы гитлеровской оккупации; К. Фронтчак. Формирование и развитие военной территориальной администрации в условиях перехода польских вооруженных сил на мирное положение; Т. Мантейфель. Из истории восстановления Варшавского университета в 1945—1949 гг.; Я. Калининский. «Сражение за торговлю» и рост государственного торгового аппарата в народной Польше.

№ 4

К. Бучек. Еще о завещании Болеслава Кривоустого; Я. Вшолек. Адам Потоцкий и лагерь Чарторьского в 1839—1851 гг.; З. Гродек. Снабжение по карточной системе в период Временного правительства (31 декабря 1944 — июнь 1945 г.); З. Ландау. Была ли проведена в народной Польше национализация банков?

1970, № 1

В. Найдус. Между Брюсселем и Циммервальдом. Ленин и польские левые силы в международном плане; А. Гловацкой. Ленин о рабочем движении в Германии; А. Хойновский. Польская пресса о смерти Ленина.

«Z pola walki», 1969, № 3

М. Вержбицкая. О взглядах Казимежа Келлес-Крауза на историю Польши; М. Вальденберг. Полемика Розы Люксембург с Карлом Каутским; Б. Сыздек. Польское социалистическое движение в годы второй мировой войны; О. Бетлен. О некоторых

проблемах возникновения и развития Коминтерна.

№ 4

И. С. Яжборовская, Я. Б. Шмераль. В. И. Ленин и международное рабочее движение; Р. Святло. Эдвард Абрамовски. (Очерк идейно-политической биографии); А. Коханьский. Международное коммунистическое движение и вопросы профсоюзного движения в 1919—1920 гг. (У истоков Профинтерна); Б. Дымек. Крестьянский Интернационал и его связи с польским революционным движением.

«Pamiętnik Literacki», 1969, № 3

Е. Старновский. Петр Скара в легенде веков; Ф. Гжещук. Совязжальские сопоставления и вызовы; К. Кробицкий. О «Книгах бытия польского народа» Ю. Словацкого; Е. Квятковский. «Книга перемен» Ивашкевича; Э. Сарновская. Аллегорическое знание поэзии в XVI—XVII веках; З. Копчиньская, Л. Пшелковская. Значение и ценность стихотворных форм в литературном контексте эпохи (поэзия польского барокко).

№ 4

Ю. Кшижановский. О «Фигликах» Миколая Рея; В. Вейнтрауб. Парадоксы «достоинства» Рея; Г. Дзежиньская. Идеал дворянина в «Жизни достойного человека», или увещательное повествование; Я. Пельц. Роль эмблем и исходных конструкций в творчестве М. Рея; В. Кураскевич. Имена существительные в «Подлинном изображении» Рея; Ф. Пеловский. О функциях частицы *-e* в произведениях Рея; М. Карплюк. Авторство «Истории в Ланде».

1970, № 1

К. Вька. Станислав Пигонь как ученый; С. Пигонь. Спор об Асныке; М. Жмигродская. Два облика раннего романтизма (Мицкевич и Мальчевский); Р. Фигут. Торжество метафоры. О виленских «Дзядях»; С. Домбровский. К вопросу о крылатых словах Мицкевича («храм без Бога»); А. Ковальчик. О «Генезисе духа»; Е. Коженевская. Место «Ночей и дней» Домбровской в польской литературе; Т. Михаловская. К истокам генологических размышлений над повествовательной прозой; А. Вержбицкая. Семантика предложений о животных.

«*Slavia Orientalis*», 1969, № 2

И. Кузьмичев. Горький и проблема поэтизации мысли; З. Бараньский. М. Горький и литературные группировки 20-х годов; Ф. Семицкий. Горький в польской критике 1918—1939 гг.; Ф. Неужажный. Несколько замечаний о концепции человека в произведениях Горького; Е. Налёпа. Значение ятвяжского названия *Сейны*; Е. Борейша. Валерий Врублевский и русские.

№ 3

А. Захаркин. Проблема счастья и долга в творчестве Тургенева; А. Семчук. Литературная юность Тургенева; З. Бараньский. Тургенев в кругу польских вопросов; А. Попие. Сказание о Борисе и Глебе. Обстоятельства и время создания; Ю. Бегунов. Литературные произведения об Александре Невском в составе русских летописей; И. Гальстер. К вопросу об основе древнерусского перевода «De Republica emendanda» Анджее Фрыча Моджевского; В. Аниченко. Полонизмы в белорусских и украинских памятниках XVI—XVII веков.

«*Język Polski*», 1969, № 3

В. Ташицкий. Чешские и словацкие фамилии в Польше, Е. Островская. Древнепольские изменения в словах *ksiądz*, *księga*; М. Вейсс-Бжезинова. Особые формы именительного — винительного единственного числа типа *młodości*, *nocu*, *lutni* у Ю. У. Немцевича; Б. Клебановская. *Przed* и *za*; Ю. Речек. Замечания о языке произведений А. Корчинского; Е. Мосько. *Ubiedra*, *Obodrowo* и *Obodryci* (к исследованию племенных названий *славян*); Диалектные тексты: В. Макарский. Тексты подкарпатские; Т. Станькувна. Польско-русская словообразовательная параллель (польск. *młynarki* — русск. *жеренки*); Е. Островская. *Piorunek* 'полгроша'; Е. Бартмицкий. О двух редких формах превосходной степени: разговорной *bardziej wyższy*, диалектной *gorszy chory*; И. Гурак-Бартмицкая. О произношении и склонении фамилии *Трубецкой* в польском языке.

№ 4

Заседание Краковской организации Общества любителей польского языка, посвященное памяти проф. Зенона Клеменевича (22 апреля 1969 г.): Я. Сафаревич. Вступительное слово; Е. Островская. Характеристика З. Клеменевича как ученого; С. Йодловский. Проф. З. Клеменевич как дидактик; К. Писаркова. Основные за-

слуги проф. Клеменевича в области культуры языка; А. Заремба. Деятельность проф. З. Клеменевича в условиях нелегального обучения; К. Писаркова. Из воспоминаний о проф. З. Клеменевиче; М. Карилуковна. Сказуемое в предложениях, начинающихся союзом *aby*; Ю. Бубак, А. Вильконь. Из проблематики собственных названий лошадей; Диалектные тексты: С. Гжендова. [Малопольские тексты]; В. Ташицкий. Два местных названия: *Gdów* и *Niepolomice*; Ф. Батко. Подкарповские *Kuciarze*; В. Будзишевская. Из польской жаргонной терминологии. Жаргон коробейников.

№ 5

Е. Островская. Александр Брюкнер (К тридцатилетию со дня смерти); М. Куцала. Шестидесятилетие проф. Станислава Урбанчика; Х. Поповская-Таборская. Что мы знаем о польском языке дописменной эпохи? И. Дамборский. Чешская и польская фразеология в сравнительном плане; К. Писаркова. Языковая стилизация в прозе Я. Стоберского; М. Новотна-Шибистова. Деминутивные существительные-неологизмы в языке С. И. Виткевича; Я. Струтинский. *Dubacz* или, может быть, *dubiacz*? Древнепольское название лесного голубя; И. Вонтор. Сложные предлоги в польском языке; Э. Бреза. *Biatlon* или *dwubój zimowy*.

«*Ceský časopis historický*», 1970, № 1

З. Шолле. О смысле чешской политической программы нового времени; З. Сладек. Чехословацкие банки и Советский Союз в 20-е годы; Р. Бржях. Чехословацкая внешняя политика и политическая обстановка в Европе в 1924 году (Правительство Эррио и первое правительство Макдональда).

«*Historický časopis*», 1969, № 4

М. Гронский. К вопросу о словацкой политике в период первой мировой войны (1914—1918); К. Моронёва. Штефан Мойзес.

1970, № 1

Р. Марсина. Разрешение славянской литургии; Н. Райчовичова. Словацкая национальная партия под руководством д-ра Эмиля Стодолы.

«*Rewue dějin socialismu*», 1969, № 6

О. Янечек. Рождение Национального фронта и московское руководство КПЧ; Е. Влчкова. Критика реформизма в немецкой и австрийской социал-

демократии; И. Сладек. К. Маркс и профсоюзы.

«Česká literatura», 1969, № 4

М. Григар. О перспективе значения в «нарративной прозе»; М. Погорский. Комизм «Шутки» М. Кундеры; А. Гаман. К. М. Чапек-Ход и чешский натурализм; В. Форст. «Гостиш» Гербена; С. Левин. Языковые структуры в поэзии.

«Slovanský přehled», 1969, № 5

М. Мадурек. Из истории чешско-венгерского сотрудничества в 1849—1867 гг.; Л. Гавлик. Моравские и чешские традиции в венгерских хрониках; Р. Пражак. Чешские художники в Венгрии на переломе XVIII и XIX вв.; М. Коуколова. В Вене решали сильные; М. Моравцова. Изменения национальной структуры в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы в послевоенные годы. 1945—1948.

№ 6

Р. Поспишил. Польская осень 1946 года; В. Бородовчак. Л. Василевский и словаки; В. Жачек. Чешское участие в начале строительства Лодзинского промышленного района в Польше; Я. Вавра. Восстание Пугачева и поляки; Й. Мадурек. Из судьбы эмиграции после Белой Горы.

1970, № 1

З. Брадач. Европа «новейших» консерваторов и Россия Александра III; В. Моулис. Советская политика в Центральной и Юго-Восточной Европе весной 1945 г. и конфликты в коалиции держав; М. Пуласки. Польский национальный комитет и римский конгресс поработанных народов; П. Градечвы. Рокковая пасха.

«Slavia», 1969, № 3

Е. Лотко. Лексическое отрицание в чешских диалектах; А. Данти. От Хроники турецкой к Воспоминаниям янычара; З. Генык-Березовска. Травести Ивана Котляревского; Е. Бойтар. Коммунистическое l'art pour l'art; О. Беркопец. Йован Кршч и словенская литература; В. Ярошевич-Клейндияст. Переписка З. Целиховского с Э. Елинеком.

«Slovo a slovesnost», 1969, № 3

К. Гаусенблас. Толкователь языков и языка (К шестидесятилетнюю Владимира Скалички); К. Горалек. К теории литературного языка; Я. По-

пела. О сущности частей речи; Н. Савицкий. Об одном примере комплексной языковой единицы (синтагма); Б. Трнка. К характеристике изменения $-erC > -arC$ в раннем новоанглийском языке; И. Васильев. К типологической характеристике слова; К. Петрачек. Синхрония и диахрония в системе арабской литературы; Б. Палек. Туре-token и языкование; М. Тештелова. К вопросу о частотности падежей в современном чешском литературном языке; Я. Проуха. К синтаксической дифференциации между письменными и устными текстами; Й. Скацел. К пониманию функции контактирующего коммуникативного окружения с социально-лингвистической точки зрения; Л. Кроупова, В. Мейстржик. К вопросу о так называемом центральном значении при синхроническом лексикографическом описании структуры значений полисемных слов.

№ 4

И. Немец. О лексическом отрицании в чешском языке; Д. Конечна. О значениях падежей в современном чешском языке, особенно в определенных местах; Л. Углиржова. Отношение синтаксической функции члена предложения и его места в предложении (Методы и результаты статистического исследования); И. Клаус. К статистическому анализу публицистического стиля; Б. Догнал. Ритм оригинала и перевода.

«Slovenská literatura», 1970, № 1

И. Кусы. Слово к словам; П. Штевчек. Личность в критической прозе; В. Петрик. Единство интеллекта и характера; Я. Штевчек. Личность и традиция; И. Купец. Черты к портрету; Ф. Мико. Образные константы стиля А. Матушки; Й. Феликс. А. Матушка и французская литература; М. Томчик. Позиции поколений; К. Розенбаум. Решительное наступление; А. Фишера. Критик словацкой прозы межвоенного периода; А. Плавка. В годы войны с А. Матушкой.

№ 2

Л. Новомеский. Ялта была после Мюнхена; М. Пишут. Раздумья о взаимосвязях (I. К вопросу о чешско-словацких отношениях в литературе народного возрождения. II. Словаки и идея славянской взаимности в 20—30-х годах XIX столетия); З. Сойкова. Отношение чешских современников к завещанию Л. Штура; И. Кусы. Место Тайёвского в развитии довоенной прозы; К. Розенбаум. «Камень на меже» Рауса.

«*Slavica Slovaca*», 1969, № 3

Д. Маречкова. Еще к слову «учитель» в Житиях Константина и Мефодия; Р. Зетт. К характеристике словообразовательного типа *duchaplný/pravdepodobný*; Ш. Ондрус. Чего мы достигли в славянской этимологии; П. Шима. Характер старославянского наследия восточной Словакии; Р. Кухар. К развитию словацкой юридической терминологии; П. Олтяну. Словакистика и богемистика в Румынии.

«*Slovenská reč*», 1969, № 5

Ф. Мико. Пятьдесят лет словацкой стилистики; Ш. Пецар. Образование и количество приставочных существительных в словацком языке; Й. Мистрик. Рекуррентность в тексте; М. Ивановашалингова. Глагол *ziabat'* и его соответствия в словацком языке; Й. Яцко. Еще раз о долгом *á* после полугласного *j* в словацком литературном языке; Л. Двонч. Некоторые новые случаи нарушения ритмического закона; К. Габовштякова. Фреквенция слов в словацком литературном и долитературном языке.

№ 6

Е. Йона. О новых задачах словацкого языкознания: Я. Сабол. Комбинация двух сонорных в словацком языке; Й. Младек. Фразеология в «Словацком фразеологическом словаре» П. Твердого; О характере чешско-словацкого словаря; Л. Двонч. О написании аббревиатур в словацком литературном языке; К. Габовштякова. Еще раз о словацком языке до Бернолака; Ю. Рыбак. К характеристике системы указательных местоимений в словацком языке; Р. Схнек. Синтагма и предложение, образуемые рядом глаголов-сказуемых; Ф. Кочич. Об иерархизации основных синтаксических отношений.

«*Jezik*», 1968—1969, № 5

Л. Йонке. Основные понятия о языке хорватов и сербов; С. Бабич. За равноправие, но чего? П. Текавич. О слове *kukunješće*; А. Младенович. Некоторые ненаучные суждения о народном языке письменности до Негоша.

«*Jezik in slovstvo*», 1969, № 4

Я. Авшич. О языке приказов Народно-освободительной армии Словении; Т. Логар. Праславянское *a*-склонение в словацких наречиях; Й. Махнич. Письмо Жуланчича Мурну; С. Котник. Сравнительная методика при обучении словацкому языку; Й. Стабей. Из истории словацких слов.

№ 5

Б. Орожен. Литературная и культурно-историческая экскурсия по Целье; Й. Гелб. Сложноподчиненное предложение в функции сложносочиненного; Х. Глушич. Историческая и писательская правда в толминском цикле Прегеля; Б. Комель. О красном карандаше и хорошем стиле; С. Котник. Начало и конец сочинения.

№ 6

С. Трдина. Разговорные упражнения на семинаре по словацкому языку; Й. Задрavec. Повторение как композиционное и стилистическое явление; Б. Орожен. Литературная и культурно-историческая экскурсия по Целье; Й. Стабей. Из истории словацких слов; Й. Топоршич. Несколько замечаний по открытым орфографическим и орфоэпическим проблемам.

№ 7

А. Гспан. Антону Слодняку — семьдесят лет; Б. Гавранек. Теория литературного языка; Б. Мерхар. К истории свободного стиха в словенской литературе; А. А. Бронская. Бессоюзные сложные предложения в словенском литературном языке.

№ 8

Двуязычное преподавание в школах Прекомурья; М. Кметцл. Заметка о нашей «новой литературной науке»; Б. Глоб. Кое-что о языковом обучении; А. А. Бронская. Бессоюзные сложные предложения в словенском литературном языке; Й. Стабей. Из истории словацких слов; Й. Топоршич. Анкеты по определению места ударения и качества и количества ударенного гласного.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА, В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

16—17 апреля 1970 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина состоялась научная сессия на тему «Значение ленинских идей для развития национально-освободительного и революционного движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы».

Директор Института чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков в своем вступительном слове подчеркнул, что учение В. И. Ленина, все то новое, что внес ленинизм в марксизм, отразилось на всех сторонах жизни народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Он подчеркнул, что обращение к наследию В. И. Ленина — постоянный долг всех ученых в области общественных наук.

На пленарном заседании с докладом «В. И. Ленин об общих закономерностях и специфических особенностях развития социалистической революции» выступил зам. директора Института канд. ист. наук П. И. Резонов. В. И. Ленин, — отметил он, — уделяя большое внимание обобщению опыта международного рабочего движения, много сделал для раскрытия общих закономерностей, присущих социалистическим революциям, к которым, в первую очередь, относятся завоевание рабочим классом политической власти, установление диктатуры пролетариата, руководство действиями трудящихся со стороны марксистской партии и др. Революционная практика Центральной и Юго-Восточной Европы подтвердила правильность ленинского учения об общезначимости опыта Октябрьской революции и строительства социализма в СССР. Но история европейских социалистических стран явилась также яркой иллюстрацией ленинского положения о том, что в конкретно-исторических условиях каждой стране будут присутствовать свои специфические черты в деле революционного преобразования общества. Абсолютизация специфических черт в развитии какой-либо страны, преувеличенное внимание к национальным особенностям приводят к ревизии марксистско-ленинского учения о

социалистической революции, наносят непоправимый ущерб революционной практике рабочего класса, подчеркнул в заключении докладчик.

С докладом на тему «Ленинское учение о партийности литературы и становление марксистской критики в зарубежных славянских странах» выступила канд. филолог. наук С. А. Шерлаимова (в докладе был использован материал кандидатом филолог. наук В. И. Злыднева, М. Б. Ешича, Е. И. Рябовой и В. А. Хорева). Докладчик показал, что анализ формирования марксистской критики в зарубежных славянских странах подтверждает всеобщее значение открытого В. И. Лениным принципа партийности литературы и позволяет сделать вывод о том, что критика, овладевшая марксистской эстетикой и ленинским принципом партийности литературы, становится мощной прогрессивной силой литературного процесса.

Работа научной сессии была продолжена в секциях. Первая секция «Проблемы народно-демократических и социалистических революций» (руководитель — П. И. Резонов) заслушала три доклада.

Д-р ист. наук Л. Б. Валев в докладе «Ленинизм и строительство социализма в Народной Республике Болгарии» проследил применение некоторых основных общих закономерностей социалистической революции, отмеченных В. И. Лениным, к своеобразным условиям Болгарии. Докладчик подробным образом остановился на V съезде БКП, в частности, на вопросе о том вкладе, который внес V съезд и лично Г. М. Димитров в разработку вопроса о путях и методах строительства социализма, рассмотрел вопросы осуществления ленинского кооперативного плана в условиях Болгарии и сотрудничества БКП с Болгарским сельскохозяйственным союзом в ходе социалистического строительства.

В докладе канд. ист. наук В. В. Зеленина «Идеи В. И. Ленина и национально-освободительное движение народов Югославии в годы второй мировой войны»

основное внимание было сосредоточено на рассмотрении сформулированного В. И. Лениным принципа действенной поддержки пролетарского государства со стороны мирового коммунистического движения. Докладчик показал действие этого принципа как основополагающего в отношениях между СССР и коммунистическими партиями всего мира. Советский Союз — страна победившей пролетарской революции стал подлинным оплотом всего мирового революционного рабочего движения. Эта роль СССР особенно ярко проявилась в годы второй мировой войны, когда советский народ, отстояв свою независимость, избавил народы Европы от ужасов фашистской оккупации. Коммунистическая партия Югославии в годы второй мировой войны неоднократно подчеркивала, что борьба советского народа является одновременно борьбой и за освобождение народов Югославии от фашистского гнета.

Далее докладчик показал, что решение национального вопроса в ходе освободительной войны в Югославии было актуальнейшей проблемой, стоявшей перед коммунистической партией. В условиях самых чудовищных форм национальной гнета вплоть до массового истребления населения, проводимого оккупантами, перед КПЮ встала крайне трудная задача — дать народам Югославии такое решение национального вопроса, которое способствовало бы прекращению всякой национальной розни. Правильный подход к решению национального вопроса югославские коммунисты нашли, основываясь на ленинских принципах в подходе к национальному вопросу и опираясь на богатый опыт Советского Союза.

В. В. Зеленин подчеркнул, что в тяжелые дни борьбы с гитлеровскими захватчиками югославские коммунисты создали четкую структуру национальных политических, военных и государственных органов, твердо придерживаясь ленинского принципа права каждой нации на самостоятельное национальное развитие.

В докладе д-ра ист. наук А. И. Недорезова «Ленинские идеи и развитие социалистической революции в Чехословакии» были охарактеризованы условия развития чехословацкой национально-демократической революции и ее перерастания в социалистическую в плане ленинских идей о подходе к социалистической революции и борьбы за создание широкой социальной базы новой революционной власти. Ленин неоднократно подчеркивал, что устойчивость власти зависит от ее безусловной поддержки большинством населения страны. Именно это обстоятельство учитывали в своей революционной практике чехословацкие коммунисты, борясь за установление народно-демократического строя. Они творчески воплотили на практике указания В. И. Ленина об использовании разнообразных средств, включая

и мирные, в борьбе за переход от общедемократической революции к социалистической. События чехословацкой истории явились яркой иллюстрацией тезиса В. И. Ленина о том, что между демократической революцией и революцией социалистической нет «китайской» стены. Опыт послевоенных лет дает возможность сделать вывод, отметил докладчик, что в те исторические моменты, когда Коммунистическая партия Чехословакии была верна ленинским заветам, она успешно побеждала в борьбе с классовым врагом, когда же руководство партии забывало ленинские принципы, что имело место во время событий 1968 г., враждебные силы стали серьезно угрожать социалистическим завоеваниям народов ЧССР.

Вторая секция (руководитель — д-р ист. наук Ю. А. Писарев) работала по проблемам рабочего движения в межвоенный период.

Д-р ист. наук А. Я. Манусевич в докладе «Ленинские идеи и польское рабочее движение 20-х годов» рассказал о том большом внимании, которое постоянно уделял В. И. Ленин польскому революционному движению, особенно молодой Коммунистической партии Польши. Тесные контакты многих видных польских коммунистов с В. И. Лениным, помощь Коминтерна способствовали тому, что КПП за несколько лет превратилась в революционную партию нового типа.

В выступлении В. Н. Виноградова «В. И. Ленин и „две Румынии“ в конце 1917 — начале 1918 г.» были показаны действия руководителей В. И. Лениным органов Советской власти в трудные дни подготовки Брестского мира. На примере отношений с Румынией докладчик показал проводимое Лениным диалектическое соединение общего политического курса, направленного на развертывание международной революции, с конкретными акциями, определявшимися тяжелым положением Советской власти в этот период.

В действиях Советского правительства и местных органов власти дипломатический и военный отпор поползновениям румынской олигархии сочетался с поддержкой румынского революционного движения в условиях, когда, казалось, все пути для оказания помощи были перерезаны. Докладчик остановился на формах этой помощи и показал, что в ходе тесного сотрудничества большевиков и левых румынских социал-демократов происходила большевизация последних и исчезали некоторые иллюзии, как, например, надежда на возможность «подталкивания» революции в Румынии извне.

Канд. ист. наук А. А. Язькова в своем сообщении «Румынские социалисты у В. И. Ленина (1917—1920 гг.)» остановилась на значении тесных связей румынского социалистического движения с российскими революционными организациями и прежде всего с РСДРП(б). Уже в на-

чале XX в. румынские социалисты установили путем переписки тесные контакты лично с В. И. Лениным. Накануне и в годы первой мировой войны эти связи были закреплены и упрочены путем участия руководителей румынской социал-демократии в ряде международных конгрессов и совещаний, которые были созданы по инициативе В. И. Ленина. Некоторые румынские социалисты и деятели революционного движения были свидетелями выступлений В. И. Ленина непосредственно в дни Октябрьской революции (на историческом II Всероссийском съезде Советов) и в последовавшие за Октябрем месяцы. Главное внимание докладчик сосредоточил на встречах представителей румынских коммунистических групп с В. И. Лениным в 1919 и 1920 гг., т. е. непосредственно накануне образования Коммунистической партии Румынии.

Канд. ист. наук Г. Д. Кирьякидис в сообщении «В. И. Ленин о Греции» показал, что ленинское творческое наследие оставило много примеров обращения Владимира Ильича к истории Греции по самым различным вопросам философии, культуры и искусства. Докладчик особенно подробно остановился на событиях греческой истории, современником которых был В. И. Ленин, и показал, что правительство молодой Советской республики решительно защищало национальный суверенитет Греции.

В выступлениях канд. ист. наук В. В. Марьяной «Образование Коммунистической партии Словакии» была показана помощь В. И. Ленина революционным деятелям чешского и словацкого рабочего движения в период образования революционной марксистской партии. Докладчик отметил историческое значение Любихвянского съезда, который положил начало образованию Коммунистической

партии Словакии и явился первым шагом на пути создания единой интернациональной Коммунистической партии Чехословакии.

В сообщении канд. ист. наук Г. П. Мурашко «В. И. Ленин и образование красных профсоюзов в Чехословакии» был приведен интересный материал о встрече одного из видных деятелей революционного направления в чехословацком рабочем движении Антонина Заптоцкого с В. И. Лениным летом 1920 г. Во время этой беседы В. И. Ленин указал, что профсоюзы будут играть большую роль в революционной борьбе трудящихся стран Западной Европы. В. И. Ленин специально подчеркнул необходимость для молодых коммунистических партий вести работу среди этих массовых организаций пролетариата.

Совместное сообщение кандидатов ист. наук Г. М. Славина и М. М. Сумароковой «В. И. Ленин и борьба за укрепление Коммунистической партии Югославии (1919—1921)» было посвящено анализу ленинского влияния на формирование идейных взглядов деятелей югославского рабочего движения. Творческое восприятие опыта Октябрьской революции, лозунгов Коммунистического Интернационала, первые конгрессы которого проходили непосредственно под руководством В. И. Ленина, во многом помогали югославским коммунистам бороться с реформизмом и соглашательством в собственных рядах. Авторы сообщения привели интересный материал об издании в Югославии в 1919—1920 гг. работ В. И. Ленина, отметили то внимательное отношение, которое проявил Коммунистический Интернационал в отношении первых шагов деятельности Югославской коммунистической партии.

Т. Блинова, Т. Маковецкая

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 25-Й ГОДОВЩИНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

6 мая в Москве проходила организованная Академией наук СССР, Институтом марксизма-ленинизма и Академией общественных наук при ЦК КПСС научная сессия, посвященная 25-й годовщине освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков. Наряду с советскими учеными в работе сессии приняли участие представители научных центров Чехословакии: директор Чехословацко-советского института в Праге В. Краль, директор Института истории европейских социалистических стран в Братиславе Й. Грозивничек, заведующий кафедрой Университета им. Я. А. Коменского в Братиславе М. Госиоровский, Ч. Аморт и Я. Долейши. Сессию открыл академик П. Н. Поспелов, который в своем вступительном

слове подчеркнул выдающееся значение отмечаемого события. Освобождение Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков стало поворотным моментом в судьбах народов этой страны и оказало решающее влияние на развитие чехословацкого общества.

С докладом «25 лет по пути социализма» выступил чл.-корр. АН СССР, директор Института славяноведения и балканистики Д. Ф. Марков. Им были рассмотрены важнейшие достижения народов Чехословакии за прошедшую четверть века в области политики, экономики и культуры.

Кратчайший исторический срок (всего 11 лет) потребовался народам Чехословакии для утверждения социалистиче-

ского строя, для ликвидации эксплуатации человека человеком, создания материально-технической базы социализма в городе и деревне, значительного подъема материального благосостояния, развития науки, просвещения и культуры. Все эти достижения подтвердили со всей очевидностью ту непреложную истину, что если коммунисты проводят правильную политику, то ничто и никто не может подорвать прочности социалистического общественного устройства.

«Строительство нового общества, — отмечал докладчик, — требует неустанных поисков новых средств и методов хозяйственного, политического и идеологического руководства при строгом учете общих закономерностей и коренных принципов общественного развития». Обращаясь к событиям последних лет, докладчик подчеркнул, что обстановка 1968 г. во многом напоминает канун событий двадцатилетней давности — канун февральских событий 1948 г. Реакция, как и 20 лет назад, потерпела поражение. Страна вышла из кризиса. Здоровые силы рабочего класса, крестьянства, интеллигенции оказались верны социалистическому строю. В заключении доклада Д. Ф. Марков указал на огромное значение нового договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который через два дня должен был быть подписан в ознаменовании 25-й годовщины освобождения Чехословакии Советской Армией.

С докладом «Ведущая роль КПЧ в борьбе за социализм» выступил д-р философ. наук А. И. Соболев. Он уделил большое внимание проблеме значения опыта КПЧ в деле строительства социализма, отметив ее большой вклад в развитие теории и практики социальной перестройки общества. КПЧ проделала огромную работу по созданию современной индустриальной базы социализма. Она сумела творчески применить ленинский кооперативный план и в условиях индустриальной страны с интенсивным сельским хозяйством нашла свои специфические пути подвода крестьян к общественному производству. КПЧ проявила важную инициативу в развитии социалистической интеграции, международного сотрудничества и координации народно-хозяйственных планов в рамках СЭВ.

В анализе событий 1968—1969 гг. докладчик указал, что в этот период в силу ряда обстоятельств в Чехословакии вновь сложилась проблема двух исторических альтернатив. Причины коллизий 1968—1969 гг., по мнению докладчика, заключаются в том, что недооценивались трудности становления социалистического общества, что с развитием научно-технической революции противоречия между капитализмом и социализмом стали более сложными, что ощущалась недостаточная теоретическая и концепционная ясность по ряду вопросов организации и управле-

ния социалистическим обществом. И величайшей исторической заслугой КПЧ является то, что она в крайне сложных условиях сумела отстоять социалистическую линию, социалистическую инициативу.

В заключении А. И. Соболев подчеркнул, что возникновение и вся история КПЧ связаны с ленинизмом, ленинским пониманием интернационализма. КПЧ является единственной в истории Чехословакии партией, которая сумела сочетать классовые и социальные интересы с национальными.

Военные операции, связанные с освобождением территории ЧССР от фашистских захватчиков, получили подробное освещение в докладе канд. военных наук полковника В. И. Морозова «Советские вооруженные силы в борьбе за освобождение Чехословакии». Особенно подробно был проанализирован заключительный этап борьбы, связанный с освобождением Праги.

С большим вниманием присутствующие выслушали доклады чехословацких историков. Директор Чехословацко-советского института В. Краль выступил с докладом «25 лет внешней политики Чехословакии». Главное внимание он сосредоточил на проблемах внешней политики в последние годы.

Он указал, что в этот период в области внешней политики были допущены серьезные ошибки. На XII и XIII съездах КПЧ в ущерб принципу пролетарского интернационализма, который до сих пор был определяющим принципом внешней политики социалистического государства, на первое место был выдвинут принцип мирного сосуществования с капиталистическими странами. Факту, что партия не готова к мирному сосуществованию в идеологической области, не придавалось значения. Партийные органы не обращали внимания на сигналы о существовании элементов национализма, антисоветизма, либерализма и ревизионизма в идеологической работе. Постепенно шло складывание антипартийного фронта, который весьма активно использовал отказ от принципа интернационализма во внешней политике. Началась разработка программы постепенного отхода Чехословакии от Советского Союза и остальных социалистических стран. Критике подвергались политические, экономические, военные отношения с социалистическим сотрудничеством, распространялось отрицательное отношение к ГДР и неклассовая оценка политики ФРГ. Лишь после апрельского (1969 г.) пленума ЦК КПЧ, когда было сформировано новое партийное руководство, вновь были восстановлены принципы марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма во внешней политике ЧССР.

Ч. Аморт, заместитель директора Чехословацко-советского института, в своем

выступлении рассказал о значительной финансовой и экономической помощи, которую Советский Союз оказывал народам Чехословакии в годы войны. Ссуды, полученные правительством ЧССР, достигли к 1945 г. 20 млрд. довоенных чехословацких крон. 31 марта 1945 г. этот долг решением Советского правительства был аннулирован. Касаясь вопросов военной помощи, докладчик остановился на проблеме организации партизанского движения в Чехии и Словакии.

7 мая состоялась научная сессия Института славяноведения и балканистики АН СССР, которая по существу являлась продолжением общеакадемической научной сессии. Чешские и словацкие историки приняли в ее работе активное участие. В их выступлениях были рассмотрены важные и наиболее актуальные проблемы современного развития ЧССР.

И. Грозенчик посвятил свой доклад проблемам сотрудничества и взаимопомощи Словакии с Советским Союзом в годы второй мировой войны. М. Госиоровский дал обстоятельный анализ развития и решения национального вопроса в Чехословакии в годы строительства социализма, уделив главное внимание проблеме реализации федеративного устройства республики в настоящее время. В. Краль рассказал о современном политическом развитии ЧССР.

На сессии также был заслушан доклад кандидатов ист. наук В. В. Марьиной и Г. П. Мурашко «Борьба КПЧ за социалистическую перестройку сельского хозяйства» и доклад канд. филолог. наук Л. Н. Будаговой «Тема освобождения от фашизма в чехословацкой литературе».

В докладе В. В. Марьиной и Г. П. Мурашко отмечалось, что опыт КПЧ, впервые в истории осуществившей коллективизацию в условиях индустриальной страны с интенсивным сельским хозяйством, создал базу для изучения и обобщения ряда важных теоретических и практических вопросов социалистического строительства в деревне. Он стал также лучшим свидетельством, что ленинская идея кооперирования пригодна для промышленно развитых стран. Теоретические основы, разработанные В. И. Лениным, требуют от всех компартий, строящих социализм, вдумчивого, творческого подхода, а схематизм и слепое копирование неизбежно ведут к просчетам и ошибкам и затрудняют перестройку общества на новых основах.

Очень ярким был доклад Л. Н. Будаговой. Она показала, что отражение факта освобождения Чехословакии Советской Армией от фашизма стало поворотным моментом в развитии всех жанров чешской и словацкой литературы. Эта тема закрепила и утвердила гражданский и антифашистский пафос в творчестве всех выдающихся писателей и поэтов Чехословакии и оказала решающее влияние на развитие и формирования прогрессивного чехословацкого искусства.

Обе прошедшие научные конференции, посвященные 25-й годовщине освобождения Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков, способствовали выяснению многих вопросов политического, экономического и культурного развития чехословацкого общества в годы строительства социализма.

Г. М.

ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ В БЕЛГРАДЕ

Институт современной истории существует с 31 января 1969 г. В его состав вошел отдел рабочего движения Югославии бывшего Института по изучению рабочего движения и исторический отдел бывшего Института общественных наук. Институт современной истории создан в ходе общественной реформы, проводимой в настоящее время в Югославии с целью объединения научных кадров и обеспечения лучших условий для изучения новейшей истории народов Югославии. Среди научных сотрудников Института 10 докторов наук, 7 докторантов и 3 магистра наук.

Помимо систематического исследования нашей новейшей истории, непосредственной задачей Института является разработка и написание обобщающей истории народов Югославии и, в частности, истории рабочего движения и Союза Коммунистов Югославии, которая завершила бы многотомную «Историю народов Югославии», работа над которой началась

в 1949 г. по инициативе Совета по вопросам науки и культуры при правительстве ФНРЮ (первый и второй тома, охватывающие историю народов Югославии до XIX в., уже вышли в свет, третий том — XIX век — находится в процессе подготовки). Эту задачу предполагается осуществить в два этапа: на первом этапе провести работу по изучению источников и подготовке необходимых монографий, а также предварительные синтетические исследования, на втором — написать упомянутые выше обобщающие труды. В последние годы завершены многие из запланированных монографий и части ряда работ, собран документальный материал по отдельным периодам и проблемам. К настоящему времени опубликован ряд монографий по недостаточно разработанным ранее проблемам из истории образования Югославии, рабочего движения и политической борьбы в период между двумя мировыми войнами, по истории народно-освободительной войны и рево-

люция¹, сборники документов и статей, библиографические работы. Вышел в свет ряд исследований по истории международного рабочего движения².

Институт издает периодические издания — «История рабочего движения», «Очерки по истории социализма» и «История XX века».

Для выполнения отдельных работ привлекаются внештатные научные сотруд-

¹ J. Marjanović. Ustanak i narodnooslobodilački pokret u Srbiji 1941; D. Janković. Jugoslovensko pitanje i Krfska deklaracija; N. Vučo. Agrarna kriza u Jugoslaviji 1930—1934; Z. Avramovski. Balkanske zemlje i velike sile 1935—1937; D. Biber. Nacizam in Nemci v Jugoslaviji 1933—1941; T. Stojković. Opozicija u vreme šestojanuarske diktature 1929—1935; B. Petranović. Političke i pravne prilike za vreme privremene vlade DFJ; M. Vučković. Istorija zadružnog pokreta u Jugoslaviji 1919—1941; Lj. Boban. Sporazum Cvetković—Maček; T. Milenković. Radnički pokret u Vojvodini 1918—1920; D. Plenča. Medjunarodni odnosi Jugoslavije u toku II svetskog rata; M. Gross. Vladavina hrvatsko-srpske koalicije 1906—1907; S. Cvetković. Napredni omladinski pokret u Jugoslaviji 1919—1929; D. Živković. Postanak, razvoj i karakter narodne vlasti u Jugoslaviji 1941—1942; B. Petranović. Politička osnova narodne vlasti i društveno-ekonomske promene u periodu obnove.

² V. Mujbegović. Kuministička partija Nemačke u periodu 1918—1923; R. Ratković. Politička teorija austromarksizma; M. Britovšek. Stavovi II Internacionale prema ratu i kolonijalnom pitanju.

ники. Исследования по проблематике первого этапа перспективного плана координирует Институт в масштабах Объединения исторических институтов, в состав которого входят Институты национальной истории в Скопле и Титограде, Институты истории рабочего движения и СКЮ в Сараево, Загребе, Любляне, Белграде, Нови Саде, Приштине и Военно-исторический Институт Югославской народной армии. Работа по координации была начата еще в 1961 г. Следует подчеркнуть, что Институт современной истории с самого начала ориентировался на изучение общеевропейской проблематики, вышеназванные институты — на разработку национальных или областных проблем.

В Институте разработан перспективный план, предусматривающий написание большого числа монографических исследований, коллективных работ, публикаций источников по проблемам международных отношений Югославии в межвоенный период, по отдельным проблемам истории рабочего, профсоюзного, коммунистического и молодежного движения в Югославии, деятельности буржуазных политических партий, по еще не исследованным вопросам истории Народно-освободительной войны и революции (1941—1945 гг.).

Институт современной истории осуществляет сотрудничество с рядом институтов в социалистических и капиталистических странах: взаимный обмен документами и изданиями, публикацией трудов, обмен научными работниками, организацию многочисленных международных научных совещаний.

Душан Лукач

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В МГУ

Ученый Совет Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (секция всеобщей истории) рассмотрел на своем заседании 4 марта 1970 г. кандидатскую диссертацию В. М. Жигунова «Внешняя политика Польши (1938—1939 гг.)».

Официальными оппонентами выступили профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС д-р ист. наук В. Т. Фомин и ст. научн. сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР канд. ист. наук В. К. Волков. Они отметили, что в представленной соискателем диссертации на основании публикаций и архивных материалов, часть которых впер-

вые вводится в научный оборот, подробно анализируются некоторые аспекты внешней политики буржуазно-помещичьей Польши от Мюнхена до начала второй мировой войны. Автор диссертации по-новому и убедительно показывает, в частности, отношения Польши со странами Юго-Восточной Европы, особенно с Румынией и Венгрией (планы создания блока «Интермарийум»), польско-советские экономические отношения 1938—1939 гг. и др.

Ученый совет единогласно высказался за присвоение В. М. Жигунову ученой степени кандидата исторических наук.

И. В. Созин

CONTENTS

- V. D. Korol'uk.** Feudalism and early feudal Slavic states and peoples in Eastern, Central and South-Eastern Europe; Formative trends and peculiarities. *I. S. Dost'an.* From the history of the Russo-Serbian ties in the early XIX century. *M. M. Freidenberg.* Dalmatian peasantry in the XIII—XIV centuries (according to data from Dalmatian Croatia). *G. L. Man'kovskaja.* Coullur locale in literary translation. *V. A. Dybo.* A fragment of the Proto-Slavic accentuation system (adjectives with the suffix -ък-) 3

Slavic Studies in Higher School

- I. A. Voronkov.* The studies of the history of foreign Slavs at the Moscow University. 58

PEOPLE, EVENTS, FACTS

- E. Lvova.* Vasil Zaxariev's creative work and traditions of the national Renaissance. *L. S. Kiškin.* The story of the materials from Brodziany 66

REVIEWS AND REVIEW-ARTICLES

- M. Černyx.* Ruch komunistyczny w Polsce. 1918—1968. *T. A. Leščenko.* A book on the friendship of two fraternal peoples. *S. Steckevič.* П. Н. Ольшанский. Рижский мир. *I. I. Pop.* A new Slavacist publication in the Ukraine. *Nadežda Jovanović* (Jugoslavia). Borivoj Pajović — Milorad Radevič. Bibliografija o ratu i revoluciju Jugoslaviji. *V. I. Freidzon.* J. Sidak, M. Gross, J. Karaman, D. Serić. Povijest hrvatskog naroda g. 1860—1914. *U. Sul'ga.* О Ставровський. Словацько-польско-українське прикордоння до XVIII століття. *Ja. D. Isaevič.* A monograph on Slavic incunabula studies. *D. Prokofjeva.* «Ruch Literacki». 1968—1969. *V. Xorev.* J. Urbańska. Radzieska powieść rosyjska w Polsce w latach 1933—1939. *A. Volkov.* A Monograph on K. Capek's «War with Salamanders». *A. I. Žuravskij.* A study on the old Buelorussian-Ukranian literary language. *P. A. Dmitriev, M. Stevanović.* Savremeni srpskohrvatski jezik. *V. V. Barsukova, G. A. Martynova.* A new edition of I. I. Tolstoy's «Serbo-croatian-Russian dictionary» 73

Bibliography

- The main Articles and Materials on the Present Situation, History, Culture and Languages of Foreign Slavic Peoples Published in Soviet Periodicals in the end of 1969 — begining of 1970. Content of Foreign Journals 103

SCIENTIFIC LIFE

- T. Bllnova, T. Makoveckaja.* Celebration of V. I. Lenin's 100-th Anniversary — a session in the Institut of Slavic and Balkan studies of the USSR Academy of Science. *G. M. A.* A Scientific Session on the 25-th Anniversary of the liberation of Czechoslovakia from the fascist invaders. *Dušan Lukač* (Yugoslavia). The Institute of Modern History in Belgarde. *I. V. Sozin.* The defence of a dissertation thesis. 114

Технический редактор *T. A. Михайлова*

Сдано в набор 11/VI-1970 г. Т.—11248 Подписано к печати 14/VIII—1970 Тираж 1175 экз.
 Зак. 684 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Печ. л. 10,5 Бум. л. 7¹/₂ Уч.-изд. л. 12,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Ж 17

Р

Б ОРЛЫНКА

Цена 1 руб.

Д 34/38 КВ 40

Индекс 70891

ТОЛСТОМУ Н И

70891

1-12